

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА 5/2005

Итоги конференции ученых
России, Китая и Индии

О перспективах развития Китая

К 60-летию Победы
на Дальнем Востоке:
вопросы историографии

Инвестиционное сотрудничество
России и Японии

Трудовая миграция
из КНДР в Россию

1.0.002

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

5/2005

Сентябрь - Октябрь

Научный и общественно-политический журнал, выходит шесть раз в год на русском и четыре раза в год на английском языках

Выпускается под руководством Отделения общественных наук РАН

Издается с марта 1972 года

ДОКУМЕНТЫ

Декларация глав государств — членов Шанхайской организации сотрудничества..... 6

РОССИЯ-КИТАЙ-ИНДИЯ: ПРОДОЛЖЕНИЕ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОГО ДИАЛОГА

С. Уянаев. К итогам 5-й конференции ученых трех стран в Пекине..... 11
М. Титаренко. О значении взаимодействия России, Китая и Индии на фоне нынешних глобальных и региональных перемен..... 12
Жуань Цзунцзэ. Современная международная ситуация и отношения между Китаем, Россией и Индией..... 22
В. Кхана. Обзор международной и региональной ситуации..... 26

ПОЛИТИКА

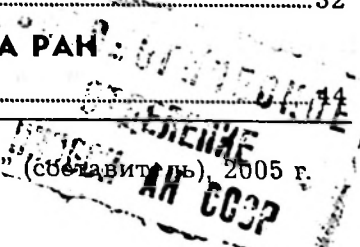
Чжай Кунь. 1991-2020: подъем Китая и развитие отношений между Китаем и АСЕАН — исторический обзор и стратегия на будущее..... 32

К 40-ЛЕТИЮ ИНСТИТУТА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РАН

В. Портяков. О перспективах развития Китая.....

© Российская академия наук, 2005 г.

© Редколлегия журнала "Проблемы Дальнего Востока" (сентябрь), 2005 г.

РОССИЙСКИЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

Л.Забровская. Трудовая миграция из КНДР в Россию (середина 1940-х — 2003 гг.)..... 62

ОБЩЕСТВО

О.Почагина. Сексуальные услуги как социальный феномен в современном Китае..... 73

ЭКОНОМИКА

А.Лопатина. Проблема передачи современных технологий из США в Китай..... 88

Ба Цзиньсинь. Формирование транснациональных корпораций в Китае..... 97

А.Плотников. Структурно-экономические аспекты реформы военно-промышленного комплекса Китая..... 104

И.Куранова. Инвестиционное сотрудничество между Россией и Японией..... 120

ИСТОРИЯ

К.Асмолов, И.Куртуков, Б.Юлин. К 60-летию Победы на Дальнем Востоке: о некоторых вопросах историографии..... 132

Л.Березный К истории "деревенского маршрута" китайской революции: современные тенденции в западной историографии..... 146

КУЛЬТУРА

С.Торопцев. Роль Чжан Имоу в развитии китайского кино..... 159

ДОКУМЕНТЫ, АРХИВЫ

А.Волохова. Русско-японская война 1904-1905 гг. в судьбе российского дипломата А.И.Павлова 170

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

А.Передня, А.Коротченков. Главная проблема рыбной промышленности Приморского края..... 177

РЕЦЕНЗИИ

Ф.Хамраев. Аблат Ходжаев. Китайский фактор в Центральной Азии..... 181

Вл. Ф. Ли. Чон Дже Мун. Россия далекая и близкая. Мои переговоры в Москве..... 183

В.Гринюк. Масару Сато. Западня, устроенная государством. Меня называли Распутиным МИДа 186

Главный редактор В.Я. Портяков

Редакционная коллегия

Р.М. Аслаңов, В.Н. Барышников (зам. главного редактора), Я.М. Бергер (зам. главного редактора), А.В. Боляtko, О.Н. Борох, Ю.М. Гарушыңц, Л.М. Гудошников, А.С. Давыдов (зам. главного редактора), В.Л. Ларин, А.В. Ломанов, А.Е. Лукьянов, П.А. Минакир, В.В. Михеев, В.Н. Павлятенко, А.Н. Панов, Л.С. Переломов, И.А. Рогачев, В.Ф. Сорокин, М.Л. Титаренко, Н.С. Тихонов (ответственный секретарь), В.П. Ткаченко.

Статьи этого номера

Россия-Китай-Индия: продолжение научно-практического диалога

Материал посвящен итогам проходившей с 16 по 17 июня 2005 г. в Пекине 5-й трехсторонней конференции ученых России, Индии и Китая по вопросам международного взаимодействия и разностороннего сотрудничества.

Конференция, выработав ряд предложений, стала очередным шагом на пути продвижения от неофициальной "третьей переговорной дорожки" к диалогу на уровне официальных представителей трех государств, который получил серьезный позитивный импульс в результате успешной встречи министров иностранных дел России, Индии и Китая в июне 2005 г. во Владивостоке.

В этом разделе журнала публикуются тексты выступлений руководителей научных делегаций трех стран — директора ИДВ РАН, академика РАН М.Л.Титаренко, вице-президента Китайского Института международных проблем профессора Жуань Цзунцзе и со-директора Индийского института китайских исследований профессора В.Кханы.

Чжай Кунь. 1991-2020: подъем Китая и развитие отношений между Китаем и АСЕАН — исторический обзор и стратегия на будущее

За 30-летний период между Китаем и АСЕАН были установлены первоначальные контакты, построены отношения стратегического партнерства, которые продолжают углубляться. Автор статьи предлагает стратегию развития партнерских отношений между Китаем и АСЕАН на период 2003-2020 гг. Ядро концепции — стимулирование азиатского согласия на базе "сотрудничества, мира и общего выигрыша". На первом этапе в 2003-2010 гг. центр тяжести стратегии заключается в обеспечении создания зоны свободной торговли между Китаем и АСЕАН. На втором этапе в 2011-2020 гг. он переместится в область разработки решения проблемы Южно-Китайского моря. Кроме того, стороны могут распространить сотрудничество и на множество новых сфер.

В.Портяков. О перспективах развития Китая

В статье, публикуемой в рубрике "К 40-летию Института Дальнего Востока РАН" рассматриваются основные результаты модернизации Китая и ее перспективы на период до 2020 года. Автор представляет читателям вероятные сценарии развития Китая на долгосрочную перспективу.

Л.Забровская. Трудовая миграция из КНДР в Россию (середина 1940-х — 2003 гг.)

В статье идет речь о трудовой миграции северокорейцев на Дальний Восток России/СССР, о мотивах миграции и основных ее результатах. Дана периодизация процесса трудовой миграции из Северной Кореи на Дальний Восток России. Представлены статистические данные о трудоустройстве северокорейцев в отдельных областях и краях Дальнего Востока. Выявлена мотивация северокорейской трудовой миграции в СССР/Россию. Определено, что в первые два периода северокорейцы преследовали двойные цели — заработать

деньги и, по возможности, сменить гражданство. В третий период их мотивация ограничивается улучшением своего материального положения и повышением социального статуса на родине.

О.Почагина. Сексуальные услуги как социальный феномен в современном Китае

В статье анализируются причины возрождения проституции, особенности формирования рынка сексуальных услуг (виды сексуальных услуг, характеристики занятых женщин и клиентов) в современном Китае. Для сравнения дается краткий обзор тенденций развития секс-индустрии в некоторых европейских и азиатских странах. Излагается сущность стратегии китайских властей в отношении проституции, оценивается позитивный и негативный опыт в борьбе с этим социальным явлением. Рассматриваются мнения китайских экспертов относительно эффективности стратегии властей в борьбе с коммерциализацией сексуальных отношений, возможности легализации проституции в КНР, приводятся оценки доходов и численности занятых в этом секторе теневой экономики. Особое внимание уделено последствиям функционирования и развития сферы сексуальных услуг для китайского общества в условиях нарастающего дефицита женщин.

А.Лопатина. Американо-китайские отношения: проблема передачи современных технологий из США в Китай

В статье рассматривается вопрос о том, какую роль играет проблема передачи американских технологий Китаю, насколько данная проблема затрагивает вопросы национальной безопасности США, какие формальные и неформальные методы используются при передаче современных технологий в Китай, насколько актуальна проблема "перекачки мозгов", раскрытия коммерческих тайн и технологических секретов, связанных с желанием овладеть необходимыми технологическими приемами и навыками.

Ба Цзиньсинь. Формирование транснациональных корпораций в Китае

С конца 2003 г. в Китае активно стремятся развивать свои собственные ТНК и надеются с их помощью повысить конкурентоспособность народного хозяйства. В предшествующие годы создано и функционирует 500 ТНК. В статье анализируется состояние и перспективы развития четырех направлений деятельности ТНК: а) расширение сбыта продукции за рубежом; б) разработка природных ресурсов за рубежом; в) совершенствование путей доступа к зарубежным передовым технологиям; г) повышение эффективности производства за счет создания современных предприятий за рубежом.

А.Плотников. Структурно-экономические аспекты реформы военно-промышленного комплекса Китая.

Опираясь на успехи в развитии экономики, китайское руководство ищет формы слияния военного производства с гражданским. В статье анализируются изменения структуры и управления ВПК, выявляется взаимосвязь экономической и оборонной реформ в период 1998-2005 гг.

И.Куранова. Инвестиционное сотрудничество между Россией и Японией

В статье дается характеристика объема японских инвестиций в Россию, направлений инвестиционного сотрудничества, роли и значения прямых инвестиций Японии в экономике России.

К.Асмолов, И.Куртуков, Б.Юлин. К 60-летию Победы на Дальнем Востоке: о некоторых вопросах историографии

Статья содержит критический анализ распространенных в последнее время попыток пересмотреть историографию событий августа 1945 г. Дается развернутая оценка вклада СССР в окончание войны на Дальнем Востоке.

Л.Берзный К истории “деревенского маршрута” китайской революции: современные тенденции в западной историографии

В аналитическом обзоре рассматриваются работы западных историков, вышедшие за последние полтора десятка лет и посвященные проблемам деятельности Компартии Китая в конце 1920-х — начале 1930-х годов, когда она перенесла центр тяжести своей работы в сельскую местность. Новые концепции и подходы, отмеченные автором обзора, предусматривают акцент на региональную и локальную специфику революционного процесса, большее внимание к социально-культурной составляющей и отличаются критическим отношением к официальным версиям истории китайской революции.

С.Торопцев. Роль Чжан Имоу в развитии китайского кино.

Статья посвящается лидеру китайского “нового кино” Чжан Имоу. Его называют “символом, сумевшим открыть мировой рынок для китайского кино”. В новом тысячелетии Чжан Имоу снял фильм “Герой”, ярко продемонстрировавший произошедшие в китайском кино перемены за 100 лет его существования. Этот фильм стал вехой не только в профессиональном творчестве самого Чжан Имоу, но и всей истории китайского киноискусства, “слив Китай с глобализацией”.

А.Волохова. Русско-японская война 1904-1905 гг. в судьбе российского дипломата А.И.Павлова

В статье на основе материалов Архива внешней политики Российской империи МИД России описываются драматические перипетии судьбы российского посланника в Корею А.И.Павлова, который после начала русско-японской войны 1904-1905 гг. был направлен в Китай для выполнения поручений, совершенно не связанных с дипломатической деятельностью, и стал объектом далеко не обоснованных обвинений и со стороны прессы, и со стороны части российских властных структур.

Документы

Декларация глав государств — членов Шанхайской организации сотрудничества

Принята 5 июля 2005 г. в Астане

Принята Президентом России Владимиром Путиным, Президентом Казахстана Нурсултаном Назарбаевым, Председателем КНР Ху Цзиньтао, исполняющим обязанности Президента Киргизии Курманбеком Бакиевым, Президентом Таджикистана Эмомали Рахмоновым, Президентом Узбекистана Исламом Каримовым 5 июля 2005 года в Астане

Главы государств — членов Шанхайской организации сотрудничества (далее — ШОС или Организация) — Республики Казахстан, Китайской Народной Республики, Кыргызской Республики, Российской Федерации, Республики Таджикистан и Республики Узбекистан, — собравшись в Астане на заседание Совета глав государств — членов ШОС 5 июля 2005 года, заявляют о следующем.

I

За период, прошедший после встречи глав государств в Ташкенте 17 июня 2004 года, все задачи, поставленные тогда в целях дальнейшего развития и укрепления ШОС, практически выполнены. Организация уверенно идет вперед по пути развертывания многостороннего сотрудничества государств-членов, активно включается во взаимодействие с другими международными организациями и странами.

Работающие с 2004 года постоянно действующие органы ШОС — Секретариат в Пекине и Региональная антитеррористическая структура (РАТС) в Ташкенте — становятся действенными коллективными инструментами, обеспечивающими бесперебойное функционирование Организации. Отмечена важная роль руководящего органа РАТС — Совета, которая должна возрасти.

В целях повышения эффективности и слаженности работы ШОС, всех ее органов и механизмов главы государств договорились, что Совет национальных координаторов к следующей встрече на высшем уровне в 2006 году подготовит предложения по усилению роли Секретариата и о переименовании должности его руководителя в Генерального секретаря ШОС.

Главы государств отметили важность принятия необходимых мер по реализации договоренностей, достигнутых в ходе второй встречи секретарей советов безопасности государств — членов ШОС, состоявшейся 2 июня 2005 года в Астане.

Для оказания содействия РАТС в реализации Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом главы государств согла-

сились учредить институт постоянных представителей государств-членов на основе принципов, в соответствии с которыми уже функционируют постоянные представители государств-членов при Секретариате.

Главы государств выражают уверенность, что принятая в ходе саммита Концепция сотрудничества государств — членов ШОС в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом и подписанное Соглашение о порядке организации и проведения совместных антитеррористических мероприятий на территориях государств — членов ШОС позволят повысить эффективность такого сотрудничества, придать деятельности РАТС более четкий, целенаправленный характер.

Главы государств отмечают, что подписанное в ходе саммита Соглашение между правительствами государств — членов ШОС о взаимодействии при оказании помощи в ликвидации чрезвычайных ситуаций составляет правовую основу для налаживания сотрудничества государств — членов в данной области.

Главы государств исходят из того, что предстоящее осенью 2005 года в Москве заседание Совета глав правительств (премьер-министров) даст конкретные импульсы реализации принятого в сентябре 2004 года в Бишкеке Плана мероприятий по выполнению Программы многостороннего торгово-экономического сотрудничества государств-членов ШОС, переводу в практическое русло взаимодействия по линии министерств и ведомств, отвечающих за внешнеэкономическую и внешнеторговую деятельность, транспорт, охрану окружающей среды, ликвидацию чрезвычайных ситуаций, культуру и образование, а также утвердит рациональную финансово-бюджетную политику ШОС.

Новым ресурсом стимулирования интеграционных процессов в рамках Организации призван стать Деловой совет ШОС, формирование которого входит в завершающую стадию. Стороны на основе согласованных принципов ускорят создание Фонда развития ШОС. Одновременно стороны согласны усилить межбанковское взаимодействие с целью оказания финансовой поддержки осуществлению проектов регионального сотрудничества.

Отмечая большую и конструктивную работу, проделанную Советом министров иностранных дел, главы государств подчеркивают важность четкого функционирования уже запущенного механизма консультаций по международной тематике. Они также считают актуальной задачу обеспечить продуманное и целенаправленное развитие международных контактов ШОС. Подобные вопросы в принципиальном плане следует решать Совету министров иностранных дел, а текущее координирование таких связей постоянно действующих органов ШОС осуществлять Совету национальных координаторов во взаимодействии с Советом РАТС.

Главы государств выражают уверенность в том, что предоставление статуса наблюдателя при ШОС Пакистану, Ирану и Индии расширит возможности Организации в развитии многостороннего и взаимовыгодного сотрудничества по различным направлениям.

Важными показателями растущего авторитета ШОС на мировой арене являются предоставление в декабре 2004 года Организации статуса наблюдателя при Генеральной Ассамблее ООН, подписание в апреле 2005 года меморандумов о взаимопонимании между ШОС и АСЕАН, ШОС и СНГ.

В ближайшее время Совету национальных координаторов вместе с Секретариатом и РАТС необходимо выработать общие подходы, с тем чтобы ШОС могла с максимальной отдачей развивать контакты с Секретариатом ООН, ее Комиссиями и Комитетами, реализовывать подписанные документы о сотрудничестве с другими международными организациями, на основе равенства и взаимного уважения устанавливать связи с региональными объединениями и форумами, а также с заинтересованными государствами.

II

Главы государств отмечают, что в условиях противоречивого процесса глобализации сохранению всеобщего мира и безопасности способствует многостороннее сотрудничество на основе принципов равноправия и взаимного уважения, невмешательства во внутренние дела суверенных стран, неконфронтационного мышления, последовательного движения в сторону демократизации международных отношений, и призывают международное сообщество, независимо от различий в идеологиях и общественном устройстве, формировать новую концепцию безопасности, основанную на взаимном доверии, взаимной выгоде, равенстве и взаимодействии.

Многообразии культур и цивилизаций в мире — общечеловеческая ценность. В эпоху бурного роста информационных технологий и коммуникаций это должно стимулировать взаимный интерес, терпимость, избавление от крайностей в подходах и оценках, развитие диалога. Должно быть в полной мере обеспечено право каждого народа на собственный путь развития.

Главы государств убеждены в том, что рациональный и справедливый миропорядок должен базироваться на укреплении взаимного доверия и добрососедства, на установлении подлинно партнерских отношений без претензий на монополию и доминирование в международных делах. Такой порядок будет тем стабильнее и безопаснее, чем прочнее он станет опираться на верховенство принципов и норм международного права, прежде всего Устава ООН. В области прав человека необходимо строго и последовательно уважать исторические традиции и национальные особенности каждого народа, суверенное равенство всех государств.

Главы государств выступают в поддержку рациональных и необходимых реформ ООН, направленных на повышение эффективности и авторитета этой организации. Было подтверждено, что при проведении реформ важно придерживаться максимально широкого согласия, не навязывать ради реформирования ООН временные рамки, а также голосование по проектам, по которым сохраняются существенные противоречия.

Главы государств исходят из того, что в XXI веке Азиатско-Тихоокеанскому региону суждено сыграть важную роль в обеспечении мира и развития, и выступают за то, чтобы в АТР не появлялись разделительные линии как в целом, так и в его отдельных составных частях; за то, чтобы любые недоразумения и споры между государствами решались мирными средствами, путем переговоров; чтобы в этом динамичном регионе прочно утверждалась атмосфера дружбы, взаимопонимания, взаимодействия и конструктивности. Способствовать этому — одно из основных направлений деятельности ШОС.

Главы государств поддерживают усилия центральноазиатских государств, направленные на обеспечение мира, безопасности и стабильности в своих странах и в регионе в целом, выступают за то, чтобы ШОС играла активную роль в укреплении стабильности и экономического развития Центральной Азии.

III

Главы государств считают, что для эффективного противодействия новым вызовам и угрозам международной и региональной безопасности и стабильности требуется объединение усилий государств-членов.

Такое объединение усилий должно иметь комплексный характер и реально содействовать обеспечению надежной защиты территорий, населения, ключевых объектов жизнеобеспечения и инфраструктуры государств-членов от разрушительного воздействия новых вызовов и угроз, созданию необходи-

мых условий для устойчивого развития и искоренения бедности на пространстве ШОС и включать в себя:

- развитие тесного сотрудничества внешнеполитических, внешнеэкономических, правоохранительных органов, спецслужб и оборонных ведомств государств-членов;

- активное использование механизма встреч секретарей советов безопасности государств-членов;

- выработку эффективных мер и механизмов совместного реагирования ШОС на ситуации, ставящие под угрозу мир, безопасность и стабильность в регионе;

- совместное планирование и проведение антитеррористических мероприятий;

- гармонизацию национальных законодательств в вопросах обеспечения безопасности;

- сотрудничество в области разработки и использования современного технического оборудования, используемого в борьбе с новыми вызовами и угрозами;

- формирование эффективного механизма информационного противодействия новым вызовам и угрозам;

- подготовку соответствующих кадров.

Государства — члены ШОС будут пресекать на своих территориях попытки подготовки и осуществления актов терроризма, в том числе направленных против интересов других государств, не предоставлять убежища лицам, обвиняемым или подозреваемым в совершении террористической, сепаратистской и экстремистской деятельности, и выдавать таких лиц при наличии соответствующих обращений со стороны другого государства ШОС в строгом соответствии с действующими законодательствами государств-членов.

Будут приниматься меры в целях совершенствования и повышения эффективности работы Региональной антитеррористической структуры ШОС.

Важно, чтобы ШОС в рамках борьбы с международным терроризмом решала проблемы, связанные с ликвидацией его материальной базы, прежде всего посредством борьбы с незаконным оборотом оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и наркотиков, организованной трансграничной преступностью, нелегальной миграцией и наемничеством. Особое внимание следует уделить предотвращению использования террористами компонентов оружия массового уничтожения и средств его доставки и информационного терроризма.

Противодействие финансированию терроризма, сепаратизма и экстремизма, в том числе легализации доходов и средств, получаемых незаконным путем, делает настоятельно необходимым выработку в рамках ШОС единых подходов и стандартов мониторинга денежных переводов, движения финансовых средств лиц и организаций, подозреваемых в причастности к терроризму, а также активное подключение ШОС к соответствующим международным усилиям.

Предметом приоритетного внимания должно быть углубление сотрудничества в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров в соответствии с Соглашением о сотрудничестве в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров от 17 июня 2004 года. ШОС готова активно участвовать в международных усилиях по формированию вокруг Афганистана антинаркотических поясов, в разработке и осуществлении специальных программ по оказанию помощи Афганистану в целях стабилизации его социально-экономической и гуманитарной ситуации.

Мы поддерживаем и будем впредь поддерживать усилия международной коалиции, проводящей антитеррористическую операцию в Афганистане.

Сегодня мы отмечаем позитивную динамику стабилизации внутривнутриполитической ситуации в Афганистане. Ряд стран ШОС предоставил свою наземную инфраструктуру для временного размещения военных контингентов государств — участников коалиции, а также свою территорию и воздушное пространство для военного транзита в интересах антитеррористической операции.

Учитывая завершение активной военной фазы антитеррористической операции в Афганистане, государства — члены Шанхайской организации сотрудничества считают необходимым, чтобы соответствующие участники антитеррористической коалиции определились с конечными сроками временного использования упомянутых объектов инфраструктуры и пребывания военных контингентов на территориях стран — членов ШОС.

Охрана и развитие ключевых объектов инфраструктуры и транспорта приобретают все более актуальное значение с точки зрения предотвращения и ликвидации различного рода техногенных катастроф, последствия которых уже становятся существенной частью комплекса угроз нового порядка. Государства — члены ШОС разработают многосторонние механизмы по системе мониторинга, обмена аналитической информацией в связи с возможными катастрофами и их последствиями, а также по формированию необходимых правовых и организационных условий для проведения совместных спасательных операций, включая подготовку и тренировку персонала по единым методикам, его быструю переброску и совместимость технических средств.

ШОС будет вносить конструктивный вклад в усилия мирового сообщества в вопросах обеспечения безопасности на суше, на море, в воздушном и космическом пространстве.

С целью повышения потенциала борьбы государств — членов Организации с терроризмом, сепаратизмом, экстремизмом и другими вызовами и угрозами государства — члены ШОС будут последовательно расширять сотрудничество на экономическом направлении, руководствуясь Программой многостороннего торгово-экономического сотрудничества и Планом мероприятий по ее выполнению. Практические шаги будут предприниматься в сфере экологии и рационального природопользования.

Актуальной задачей является выработка согласованных методик и рекомендаций по проведению профилактических мероприятий, соответствующей разъяснительной работы среди населения в целях противодействия попыткам деструктивного влияния на общественное мнение. Государства-члены будут активно способствовать расширению взаимодействия в рамках ШОС в таких областях, как образование, культура, спорт, туризм.

Главы государств исходят из того, что объединение усилий в рамках ШОС в целях обеспечения безопасности, расширения потенциала Организации не ущемляет интересы других стран и не означает движения в сторону создания какого-либо блока, полностью отвечает принципу открытости ШОС и духу широкого международного взаимодействия в противостоянии новым вызовам и угрозам.

Россия-Китай-Индия: продолжение научно-практического диалога: (К итогам 5-й конференции ученых трех стран в Пекине): Шк

16-17 июня нынешнего года в Пекине прошла 5-я трехсторонняя конференция ученых России, Индии и Китая по вопросам международного взаимодействия и разностороннего сотрудничества. Конференция явилась продолжением политологического диалога, который был начат в 2001 г. в Москве по инициативе Института Дальнего Востока РАН и затем на регулярной основе продолжен последовательно в столицах каждой из трех стран.

Повестка дня конференции состояла из четырех проблемных блоков: глобальные и региональные вопросы международной жизни за время после предыдущей конференции (Москва, сентябрь 2004 г.); общие проблемы трехстороннего сотрудничества с учетом новых фактов и явлений на мировой арене; перспективы и направления взаимодействия России, Китая и Индии в энергетической сфере; торгово-экономическая кооперация трех стран.

Проведенные в Пекине дискуссии отразили поступательный характер развития концепции сотрудничества России, Индии и Китая как внеблоковой системы взаимодействия, нацеленной на отстаивание общих внешнеполитических приоритетов, на эффективное использование взаимовыгодных возможностей многосторонней кооперации в решении задач внутреннего социально-экономического развития каждой из стран.

В ходе обсуждений участники подтвердили общую точку зрения относительно института конференций в качестве неформальной, однако весьма представительной и авторитетной арены обмена мнениями, согласования позиций и проведения дискуссий, которые по существу играют роль научного сопровождения в реализации идеи трехстороннего сотрудничества.

Конференция в Пекине, выработав ряд предложений, стала очередным шагом на пути продвижения от неофициальной "третьей переговорной дорожки" к диалогу на уровне официальных представителей трех государств, который получил серьезный позитивный импульс в результате успешной встречи министров иностранных дел России, Индии и Китая в июне 2005 г. во Владивостоке. Большую конструктивную роль также способна сыграть встреча представителей деловых кругов трех стран в 2006 г. в Дели.

Участники конференции наметили провести свою 6-ю встречу в 2006 г. в столице Индии, где предполагается активизировать дискуссии в направлении выработки конкретных проектов сотрудничества в политической и ряде торгово-экономических областей.

Ниже публикуются тексты выступлений руководителей научных делегаций трех стран — директора ИДВ РАН, академика РАН М.Л. Титаренко, вице-президента Китайского Института международных проблем профессора Жуань Цзунцэ и со-директора Индийского института китайских исследований профессора В.Кханы.

О значении взаимодействия России, Китая и Индии на фоне нынешних глобальных и региональных перемен

© 2005

М. Титаренко

Необходимо констатировать, что мир переживает непростой период перемен и формирования новой архитектуры международных отношений. В условиях нарастающей глобализации и отсутствия масштабной мировой конфронтации продолжается подспудное противоборство между силами, выступающими за многополярное видение мира и коллективный подход к решению проблем, и теми влиятельными кругами, которые часто предпочитают оставаться в тени, но на протяжении вот уже полутора десятилетий ратуют за монополярное право единолично определять судьбы международного сообщества. При этом идеи многополярности продолжают, на наш взгляд, постепенно крепнуть и накапливать позитивный потенциал.

Знаменательное событие — отмеченное недавно 60-летие победы сил антифашистской коалиции во Второй мировой войне — стало не только данью уважения величию подвига солдат свободы, одолевших зло нацизма в Европе и японского милитаризма в Азии. Победа в этой битве, где народы наших стран были по общую сторону баррикад, вновь напомнила о значении единства миролюбивых сил, об опасных и губительных последствиях политики экспансионизма.

Отдельной темой международной жизни продолжают оставаться вопросы соблюдения норм международного права, сохранения решающей роли ООН в международных делах. По-прежнему актуальны проблемы борьбы с международным терроризмом, поиска адекватных ответов на другие современные вызовы и угрозы, в том числе — угрозу распространения оружия массового уничтожения.

Знаменем времени стали интенсивные политические контакты и торговые обмены между нашими странами, прежде всего на двустороннем уровне. Состоялся обмен визитами на высшем уровне между Россией и Индией, между Китаем и Индией, между Россией и Китаем.

Крупным событием стала трехсторонняя встреча министров иностранных дел Индии, Китая и России во Владивостоке, которая, по словам главы МИД КНР Ли Чжаосиня, "увенчалась полным успехом".

В совместном коммюнике по итогам встречи подчеркивается, что стратегическое сотрудничество трех стран не направлено против какой-либо другой страны. Как прокомментировал характер этого сотрудничества Ли Чжаосинь, Россия, Китай и Индия ставят своей целью добиться путем "взаимовыгодного сотрудничества двойного выигрыша".

Состоявшийся широкий обмен мнениями глав дипломатических служб трех стран показал, что "Россия, Индия и Китай разделяют общий подход к основным вопросам мирового развития в XXI веке и высказались в пользу демократизации международных отношений, нацеленной на построение справедливого международного порядка, в основе которого должны лежать соблюдение норм международного права, равенство и взаимное уважение, сотрудничество и продвижение в сторону многополюсности".

Эти идеи во многом перекликаются с нашими индивидуальными и совместными научными разработками, которые мы вместе или отдельно ведем с начала 90-х годов прошлого века. Новым важным шагом в этом трехстороннем взаимодействии является постоянный переход к формированию трехсторонних структур сотрудничества. Крупным шагом в этом направлении можно считать инициативу Индии о проведении в конце марта 2006 года встречи бизнесменов трех стран. Как отмечается в совместном коммюнике встречи во Владивостоке, "это открывает возможность для выхода трехстороннего сотрудничества России, Индии и Китая на качественно новый уровень".

Отрадно отметить, что в этом контексте продолжают находить подтверждение многие выводы, сделанные в ходе наших предыдущих научных встреч. При этом речь идет не только об оценках мировых и региональных дел, но и о тех широких предпосылках, об объективной близости, параллелизме международных подходов и национальных интересов России, Китая и Индии, которые лежат в основе понимания целесообразности, важности и взаимовыгодного характера внеблокового взаимодействия наших стран.

Ирак: консервация нестабильности

Находящаяся в последнее время в центре внимания мировой общественности тема положения в Ираке остается своего рода лакмусовой бумажкой основных мировых противоречий.

Согласование позиций России, Китая и Индии по ситуации в Ираке продолжает в этой связи оставаться тем потенциалом, который способен оказывать серьезное стабилизирующее воздействие. Цель такого воздействия — на основе широких коллективных усилий мирового сообщества обеспечить надежные пути к возрождению этой страны, создать условия для развития внутрииракского диалога, сориентированного на достижение общенационального консенсуса по будущему Ирака. Динамику процессам в этом направлении могло бы придать проведение международной конференции по иракскому вопросу, о чем, в частности, говорится в совместной декларации, принятой по итогам последнего российско-китайского саммита. Шагом к реализации такой инициативы можно считать международную встречу с участием России в ноябре 2004 г. в египетском Шарм аш-Шейхе.

За коллективные действия

Не будет лишним еще раз напомнить, что за такого рода инициативами стоит задача свести на "нет" урон международным отношениям, нанесенный односторонней силовой акцией в Ираке. Между тем, определенные тревожные ассоциации с подходом, сделавшим такую акцию возможной, продолжают давать о себе знать, когда речь заходит сегодня о ряде других точек планеты. В официальных речах наших американских партнеров едва ли не лейтмотивом остается тема "распространения свободы", "избавления" тех или иных народов от "тирании", что преподносится как эффективный путь обеспечения национальных интересов США, в частности, в борьбе с международным терроризмом. Известно, что правомерность такого видения является предметом весьма жесткой полемики в самих США.¹ Но, похоже, влияние сторонников тезиса о полной оправданности "экспорта демократии" остается в кругах американской

элиты весьма ощутимым. Не случайно в февральском послании Дж. Буша "О положении страны" прямо сказано о намерении "поддерживать демократические движения на Ближнем Востоке и за его пределами", об обязательстве "способствовать продвижению свободы" и "распространять" демократию "от Дамаска до Тегерана". Налицо прежняя уверенность в доказанности "вины" тех или иных режимов, равно как и готовность к решительным действиям, пусть с оговорками о "коалиционном подходе" и "дипломатических средствах"².

В этом же ряду беспокоящих обстоятельств находятся и такие акции, как видимое недовольство, продемонстрированное недавно в Дели госсекретарем США по поводу индийско-иранского энергетического сотрудничества, сходные по духу претензии к российско-иранским связям, а также все более частые напоминания о "небеспредельности терпения" и "несомненных возможностях" Вашингтона в отношении северокорейской проблемы³.

И Россия, и Индия, и Китай продолжают выдерживать твердую линию на поиск эффективных путей развития конструктивного партнерства с Соединенными Штатами. Об этом вновь свидетельствует целый ряд двусторонних контактов последнего времени каждой из наших стран с США, в том числе — российско-американский саммит в Братиславе, визит Кондолизы Райс в Пекин и Дели.

В этой связи нашедший ранее общее одобрение в ходе наших дискуссий тезис о целесообразности согласованных действий трех стран с целью убеждать американских партнеров воздерживаться от рецидивов односторонней политики, особенно в их опасном "превентивно-силовом" варианте, по-прежнему, как представляется, не теряет своей актуальности. Кстати сказать, принципиальная позиция, продемонстрированная ответственными силами мирового сообщества, в том числе Россией, Китаем и Индией, осудившими одностороннюю акцию в Ираке, думается, не была бесследной: не случайно сегодня Вашингтон, по меньшей мере, на уровне риторики, демонстрирует заметно большую приверженность коллективным действиям.

ООН: резервы сотрудничества

По-прежнему злободневной является проблема укрепления ведущей роли ООН, справедливого реформирования этой организации на принципах наиболее полного учета интересов максимально большего числа членов мирового сообщества.

Россия, равно как и наши индийские и китайские друзья, продолжает исходить из того, что центральная роль в объединении усилий мирового сообщества в решении ключевых проблем должна принадлежать ООН. Укрепление партнерства России, Китая и Индии в этой универсальной организации, в том числе и по проблемам ее реформирования, остаются важным и глубоким резервом взаимопользовательного сотрудничества. К формам взаимодействия (вспомним российско-индийские и российско-китайские проекты резолюций по терроризму и космосу) здесь мог бы добавиться согласованный подход к разрабатываемой под эгидой ООН глобальной стратегии противодействия современным угрозам и вызовам, а также к работе, проводимой в рамках созданной Генеральным секретарем Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам.

Фактором, который, безусловно, укрепляет возможности такого взаимодействия, является поддержка Индии в качестве претендента на место в числе постоянных членов Совета Безопасности. Об этом, в частности, было заявлено китайским руководством в ходе апрельского визита в Индию премьер-министра Госсовета КНР Вэнь Цзябао. Хорошо известно, что с такой поддержкой Дели уже давно и последовательно выступает и Москва⁴.

Борьба с терроризмом: общая философия

Все мы хорошо помним, что наша предыдущая встреча в Москве совпала по времени с тяжким и трагичным событием, трагедией в Беслане. Наряду с событиями 11 сентября, взрывами в здании индийского парламента, другими преступлениями терроризма, в том числе на территории Китая, бесланская трагедия исключила все сомнения относительно подлинной природы международного терроризма, который, говоря словами министра иностранных дел России на 59-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН, "окончательно противопоставил себя цивилизованному человечеству"⁵.

Вот почему, знакомые с этим злом не понаслышке, Россия, Китай и Индия уже не первый год плодотворно сотрудничают друг с другом на двустороннем уровне, активно действуют в рамках различных международных и региональных организаций. Противодействие международному терроризму уже неоднократно являлось темой обсуждений в ходе встреч министров иностранных дел трех стран. Такого рода контакты были продолжены и в последние несколько месяцев. Особенно отраднo, что вопросы борьбы с терроризмом все чаще включаются в повестку дня продолжающих укрепляться индийско-китайских связей.

И Россия, и Китай, и Индия демонстрируют сходство подходов, исповедуют своего рода одинаковую "философию контртерроризма", в которой нет места элементам "двойной бухгалтерии" и делению террористов на "хороших" и "плохих", на "борцов за свободу" и "жестоких убийц".

С антитеррористическими задачами каждой из трех стран тесно сопрягается взаимная заинтересованность в борьбе с наркотрафиком, контрабандой оружия и другими видами транснациональной преступности.

Центральная Азия: неопределенности остаются

Широким полем трехстороннего взаимодействия становятся региональные проблемы, связанные Центральной Азией и Афганистаном — регионом, который непосредственно примыкает к рубежам каждой из наших стран.

В рамках наших дискуссий специальное обсуждение этой темы стало уже традиционным. Поэтому есть смысл выделить главные моменты.

Стабильность в этом регионе, которая жизненно необходима каждой из наших стран, как хорошо известно, в последние годы не раз подвергалась испытаниям. Причем это было связано не только с действиями режима афганских талибов, но с деятельностью ряда движений экстремистского толка, такими, как Исламское движение Узбекистана (ИДУ), "Хизб-ут-Тахрир" и другие. Не секрет, что в комплексе причин, обусловивших экстремистскую активность, немалое место занимали и продолжают занимать сложные социально-экономические проблемы, переживаемые странами региона. Содействие экономическому подъему в центрально-азиатских государствах, обеспечению здесь занятости и подъему жизненного уровня населения — через взаимовыгодное сотрудничество как двустороннего и многостороннего характера — остается задачей, отвечающей, в конечном счете, интересам стабильности у границ России, Китая и Индии.

В этой связи вновь нельзя не сказать о потенциале пока слабо задействованной Шанхайской организации сотрудничества. При этом речь идет о возможностях, которые в рамках ШОС заложены не только в борьбе с экстремизмом и терроризмом, но и на направлении экономического сотрудничества. В этом контексте обращают на себя внимание документы, принятые на саммите ШОС в Ташкенте, а также на встрече глав правительств стран ШОС в Бишкеке. Среди них — План мероприятий по выполнению долгосрочной Программы

многостороннего экономического сотрудничества, принятой, как известно, в 2003 г. в Пекине. В руководстве ШОС озвучена идея Фонда развития и Делового Совета ШОС⁹. Это — серьезная заявка на формирование на пространстве ШОС зоны серьезного экономического сотрудничества. В этой связи решение правительства КНР о выделении 1 млрд долларов на экономические проекты в рамках ШОС нельзя не оценить как важное и своевременное начинание.

Несомненно также значение, прежде всего с точки зрения антитеррористических задач, заработавшего механизма встреч секретарей Советов Безопасности, которые к предстоящему в июле в Астане очередному саммиту ШОС подготовят комплексную Программу взаимодействия в борьбе с новыми вызовами и угрозами¹⁰.

Важными сторонами в работе ШОС последнего периода стали шаги по налаживанию сотрудничества с другими странами и международными организациями. Примером этому стал Меморандум о взаимопонимании между Секретариатом ШОС и Исполкомом Содружества независимых государств, подписанный 12 апреля 2005 г.¹¹ В этом контексте весьма важным представляется решение ШОС о предоставлении Индии статуса наблюдателя, которое официально вступит в силу на июльском саммите организации в Астане. Индия не раз заявляла о своем конструктивном интересе к работе ШОС. Об этом, в частности, шла речь в ходе индийско-китайских переговоров в апреле 2005 г. С точки зрения обозначенных общих задач по сохранению стабильности в центрально-азиатском регионе, такое сотрудничество, конечно, могло бы быть позитивным.

Но не секрет, что вопросы стабильности в регионе после событий 11 сентября 2001 г. часто рассматриваются с учетом еще одной проблемы — вопроса, связанного с появлением в регионе военного присутствия США. Как хорошо известно, такое присутствие явилось результатом договоренностей в рамках широких совместных задач международной коалиции по борьбе с терроризмом. До сих пор факт наличия американских баз как минимум не входил в противоречие с обеспечением стабильности в регионе, хотя некая нервность, связанная с конкуренцией в стремлении получить от США те или иные преференции, здесь все же появилась.

Как будут развиваться события в дальнейшем, сказать пока сложно. Ряд прогнозов говорит о том, что в ситуацию может быть внесен существенный элемент неопределенности. В частности, речь идет о некоторых акциях Вашингтона и их союзников в последнее время.

Так, на стамбульском саммите НАТО летом 2004 г. сфера ответственности этой организации официально включила в себя кавказско-каспийский регион — по сути, часть района, охватываемого географическим понятием “Центральная Азия”. Более того, в результате недавнего визита в Баку главы Пентагона зондировалась возможность запуска так называемой программы “Каспийский страж”, которая предусматривает создание на Каспии сил специального назначения и американских баз с официальной целью “борьбы с ядерными устремлениями стран-изгоев”. При этом нельзя не видеть, что наращивание “военно-технического сотрудничества” сопровождается выдвиганием на первый план лозунгов “борьбы против тоталитаризма”, “борьбы за демократию” и т.д. События в Киргизии и Узбекистане — достаточное тому подтверждение.¹²

Какой в этом контексте может быть позиция России, Китая и Индии?

Очевидно, что общие интересы поддержания стабильности диктуют необходимость постоянно анализировать перемены в ситуации и, по мере надобности, напоминать нашим американским партнерам о данных ими в свое время обязательствах не выводить свою деятельность в Центральной Азии за пределы задач антитеррористической борьбы. Речь, в частности, идет об обещании

США вывести отсюда свои воинские контингенты после окончания "активной фазы" войны с афганскими талибами.

Двусторонние отношения

Как и ранее, в устойчивом позитивном ключе наши страны развивали между собой двусторонние отношения — эту, как уже не раз говорилось, "несущую конструкцию" трехстороннего взаимодействия. При этом накопление ощутимых конструктивных заделов происходило на каждом из трех направлений.

По линии *российско-китайских* отношений, в ходе визита президента РФ в Пекин в октябре прошлого года и встречи в Москве глав правительств двух государств подписан очередной крупный пакет важных соглашений, в том числе Совместная декларация, План действий по реализации в 2005-2008 г. положений базового российско-китайского договора, масштабные соглашения о межбанковском и стратегическом нефтегазовом сотрудничестве.

Трудно переоценить значение блока договоренностей по вопросу о границе, подписание которых означает окончательное согласование и юридическое оформление всей общей границы. По оценке российского президента, напомнившего в свою очередь об известном изречении Дэн Сяопина, удалось "закрыть прошлое", поскольку "речь идет об окончательном урегулировании пограничной проблематики. Трудно не согласиться и с оценкой международного значения этого события. Как сказано в Совместной декларации, сбалансированный характер принятых документов является примером решения "приграничных споров для всех государств мира"¹⁰.

Более чем на треть выросла за год официальная двусторонняя торговля, перевалившая к январю 2005 г. рубеж 21 млрд долл., а с включением мелкой приграничной торговли более 30 млрд долл. Иными словами, только за три с лишним хронологических года с начала проведения наших конференций ее объем более чем удвоился¹¹.

В ходе переговоров в Москве в феврале 2005 г. между российскими руководителями и членом Госсовета КНР Тан Цзяюанем стороны, в частности, вновь подтвердили "множество сходных точек зрения по международной ситуации и важным международным и региональным вопросам, к которым, как хорошо известно, относятся вопросы ООН и проблемы борьбы с международным терроризмом, положение в Ираке, на Корейском полуострове и региональный диалог (в том числе с участием России) о сотрудничестве и безопасности в АТР. Было обращено внимание на необходимость в полной мере использовать все возможности для вывода двусторонней торговли к 2010 г. на уровень 60-80 млрд долл. В ходе переговоров в Совете Безопасности РФ стороны отметили важное значение факта создания и запуска приступившего к работе механизма двусторонних консультаций по вопросам безопасности"¹².

Совершенно естественно, что в двусторонней повестке присутствуют и вопросы, еще ждущие решений. Важно, что стороны подходят к ним в духе конструктивности и взаимопонимания. Так, в результате апрельского визита в Пекин делегации администрации президента РФ стороны продолжили конструктивное обсуждение дальнейшего развития энергетического сотрудничества. В частности, было отмечено, что в рамках принятого в канун 2005 г. постановления правительства РФ о программе развития нефтепроводной системы в Сибири, среди прочего "планируется строительство нитки нефтепровода от Сковородино к Китаю, что позволит в ближнесрочной перспективе увеличить поставки нефти ему до 20-30 млн тонн"¹³.

Важным событием стал приезд в Москву на празднование 60-летия Победы над фашизмом Председателя КНР Ху Цзинтао. В ходе встречи китайского руководителя с президентом РФ В.Путиным стороны дали высокую оценку

уровню развития двусторонних связей, которые отвечают глубинным интересам народов двух стран, служат делу международного мира.

Столь же успешными были истекшие месяцы в *российско-индийских* отношениях, где так же не первый год действуют многопрофильные и многоуровневые механизмы двусторонних связей.

Главным событием стали здесь переговоры в ходе декабрьского (2004 г.) визита в Индию президента РФ. Визит вновь подтвердил намерение сторон развивать стратегическое сотрудничество в различных экономических и гуманитарных областях, продвигать взаимодействие по международным вопросам. Помимо Совместной декларации, зафиксировавшей близость и сходство многих позиций двух стран, по итогам делийского саммита были подписаны соглашения о сотрудничестве в космической и банковской сферах, в области нефтегазовой кооперации.

Прогрессу в двусторонних экономических отношениях будет способствовать и то, что также, как ранее и Пекин, официальный Дели заявил о признании России страной с рыночной экономикой, а также о поддержке вступления России в ВТО.

По словам российского президента, "удалось создать предпосылки, чтобы сделать прорыв по ряду важных направлений сотрудничества"¹⁴. Речь, в частности, идет о положительных сдвигах в российско-индийской торговле. Ведь ни Россию, ни Индию не может устраивать положение, когда объем двусторонней торговли не превышает полутора процентов от общего внешнеторгового оборота каждой из стран. Обе страны готовы серьезно корректировать ситуацию, причем резервы стороны видят, в частности, в расширении масштабов инвестиционного сотрудничества, в реализации крупных стратегических проектов.

Саммит в Дели, как и целый ряд других российско-индийских контактов последнего времени, отразил устойчивую динамику, уверенность в их несомненных перспективах, вызвал высокую оценку руководства и широких кругов общественности обеих стран. Новым свидетельством тому стал визит в Россию в мае 2005 г. президента Индии Абдул Калама.

Особое удовлетворение у нас вызывает происходящее дальнейшее укрепление *китайско-индийских* отношений, что, несомненно, в важной степени отвечает и интересам трехстороннего партнерства.

Особое значение имеют итоги состоявшегося в апреле 2005 г. визита в Индию премьера Госсовета КНР Вэнь Цзябао. Среди главных результатов — подписание соглашения с целью "справедливого взаимоприемлемого урегулирования спорных пограничных вопросов" в возможно короткие сроки с учетом интересов двух стран. В ходе визита стороны фактически закрыли "сиккимский вопрос" — верный признак движения в конструктивном направлении¹⁵.

Состояние и перспективы китайско-индийского диалога, в частности, на примере итогов апрельского визита премьера Госсовета КНР в Индию позволяют говорить о признаках нового качественного этапа двустороннего диалога.

Во-первых, *стороны впервые заявили о решении "вступить в стратегическое партнерство, с целью, выходящей за рамки собственно двусторонних отношений, а именно — "обеспечить мир и процветание в Азии". Как подчеркнул Вэнь Цзябао, "Китай и Индия совместно могут придать новые очертания мировому порядку"*¹⁶.

Во-вторых, в ходе переговоров *китайская сторона впервые столь четко поддержала кандидатуру Индии в качестве постоянного члена в расширенном составе Совета Безопасности ООН. "Мы целиком и полностью понимаем и поддерживаем желание Индии играть большую роль в международных делах и, в частности, в ООН", — заявил премьер Госсовета КНР*¹⁷.

В-третьих, как уже отмечалось, сделан важный шаг в поиске решения пограничных проблем. По словам министра иностранных дел КНР, стороны обнару-

довали *“первый за 20 лет политический документ по вопросу о границе, что заложило хорошую основу для справедливого и разумного решения”*¹⁸.

Наконец, как никогда четко высказана *позитивная оценка благоприятных перспектив внеблокового взаимодействия Китая, Индии и России, которое, говоря словами Вэнь Цзябао, “будет способствовать более четкой координации усилий на всех направлениях, а также всестороннему сотрудничеству”*¹⁹.

Поступательное развитие

Иными словами, дальнейшее укрепление двусторонних отношений между Москвой, Пекином и Дели, в частности, серьезные шаги по наращиванию китайско-индийского партнерства, свидетельствуют о росте потенциала трехстороннего сотрудничества.

Не случайно в ходе двусторонних контактов, помимо премьера Госсовета КНР, *о важности налаживания трехстороннего взаимодействия и делового сотрудничества в интересах “глобальной стабильности” и “социально-экономического развития” каждой из трех стран вновь заявил российский президент*²⁰.

С аналогичной оценкой выступил *и кабинет индийского премьер-министра, особо выделив при этом факт “успешных встреч” министров иностранных дел трех стран*²¹.

Все приведенные факты, их беспристрастный анализ, прежде всего в связи с прочным выходом контактов в формате Россия-Китай-Индия на уровень серьезных государственных структур — свидетельство пусть внешне неброского, но неуклонно поступательного развития идеи трехстороннего сотрудничества.

Наша встреча ученых и дипломатов трех стран, являющихся носителями трех великих цивилизаций — индийской, китайской и русской, проходит в обстановке, серьезно отличающейся от той, какой эта ситуация была в 2001 году. Главное отличие состоит в том, что осознание общности интересов наших трех стран, если их переставить по русскому алфавиту — Индии, Китая и России, стало достоянием не только узкой группы ученых и политиков, а достоянием основной части высших эшелонов власти каждой из этих стран. Понимание необходимости в условиях глобалистского цунами адаптации к новым реалиям в мире и сохранения независимости и достоинства, сохранения цивилизационной самобытности, несмотря на мощное давление потока сплошной вестернизации и американизации — становится убеждением всех честных, патриотически настроенных национальных деятелей каждой из стран.

Наши государства решают сходные задачи развития, подъема совокупной мощи каждой из трех стран, повышения благосостояния граждан, роста их культуры, решения проблем обеспечения прав человека по высшим стандартам в рамках самобытных цивилизационных традиций. Все это неизбежно порождает немало вопросов и внутри, и вне наших стран.

Чаще всего эти вопросы сводятся к тому, как понимать развитие и утверждение национального достоинства и достойного места в мировом сообществе. В этой связи, естественно, возникает патриотическая идея утверждения национального величия, подъема национального самосознания. Недоброжелатели наших стран дают узкополитическую и узконационалистическую трактовку этим идеям, сводя их к национализму, гегемонизму, мифам о той или иной “угрозе” соседям и даже миру в целом. Например, некоторые именно так превратно толкуют идеи роста могущества и процветания Китая и Индии, возрождения России: слышны рассуждения о некоей “китайской угрозе”, “индийской угрозе”, “китайско-русском шовинизме” и даже “фашизме”.

Думается, что нам — ученым надо соблюдать благоразумие и спокойствие и вместе с тем аргументировано разоблачать такие тезисы, показывать, что все эти “угрозы” фабрикуются в различных центрах, но по единому шаб-

лону. Они призваны подорвать доверие и развитие добрососедских отношений между нашими странами, чтобы отвлечь внимание от подлинных угроз миру, от подлинного гегемонизма и произвола, насаждения права "силы кулака". Известно, откуда эти угрозы исходят, и кто является истинным дирижером и содержателем штата "красителей и цветочников" всех так называемых цветных революций.

Хотелось бы в этой связи обратиться к историческому примеру утверждения национального величия Франции, примеру генерала Шарля де Голля, который явил блестящий образец реализма в решении этой деликатной и сложной проблемы. Размышляя о судьбах наших стран и о том огромном прессинге вестернизации, которому подвергаются наши культуры в ходе углубляющейся глобализации, вспомнить о великом французе более чем уместно, поскольку то, как он в условиях "холодной войны" в конце 50-х годов — начале 60-х годов теперь уже прошлого XX века добивался сохранения величия Франции — яркая иллюстрация данной темы.

Исследователи наследия Шарля де Голля особое внимание обращают на то, какое место во внешнеполитических концепциях Шарля де Голля занимал вопрос о месте Франции в мире. Франция без величия — утверждает Шарль де Голль, — не является Францией. Противники генерала вопрошали: "Как Франция может оставаться в первом ряду, когда существует Америка и Советская Россия?... Франция не может находиться в одном ряду с этими гигантами, располагающими каждый целым континентом"²². В ответ на эти вопросы Шарль де Голль дал свое разъяснение понятию "величия" и показал способ как его обеспечить.

По мнению де Голля, главное средство и способ обеспечить величие страны — это сохранить ее независимость в принятии решений по защите национальных интересов и в оценке событий в мировой политике. "Независимость не требует беспредельного могущества"²³. "Что такое независимость? Это, безусловно, не самоизоляция, не узко понятный национализм. Страна может быть частью такого альянса, как Атлантический, и при этом оставаться независимой. ... Быть независимой страной — значит не быть подчиненной иностранной державе". Касаясь будущего развития Европы, он писал: "Пусть Франция будет Францией. Европа будет Европой". Он подчеркивал: "Речь идет не о том, чтобы разрывать с американцами, а о том, чтобы строить Европу независимо от них"²⁴. Разумеется, США не были в восторге от этих рассуждений Шарля де Голля, и они приложили, как ныне стало известно, немало усилий, чтобы использовать студенческие волнения 1968 года для дискредитации Шарля де Голля, добившись его ухода в отставку.

Я привел некоторые рассуждения Шарля де Голля, так как они, на мой взгляд, корреспондируются с нашими размышлениями и поисками разумной линии углубления сотрудничества наших стран, не скатываясь к политическому альянсу против какой-либо третьей страны, не вступая на путь конфронтации с США, даже в условиях, когда политика Вашингтона прямо противоречит нашим национальным интересам.

С учетом достигнутого взаимопонимания между нашими странами на высоком уровне и между участниками наших семинаров позвольте поделиться с Вами некоторыми соображениями по поводу дальнейших тем наших дискуссий в свете новых задач:

1. С учетом возникших изменений военно-политической, экономической ситуации и межцивилизационных отношений необходимо попытаться согласовать среднесрочный (до 2020) и долгосрочный (до 2050) годов прогнозы развития ситуации в регионе.

2. На основе выработки совместных прогностических оценок развития ситуации попытаться выявить наиболее продуктивные формы и направления сотрудничества в различных сферах, продвижения двусторонних и многосторонних форм взаимодействия. Особое внимание стоило бы обратить на выявление негативных моментов и факторов, которые могут стать препятствиями на пути дальнейшего углубления сотрудничества и взаимодействия наших стран и выработки рекомендаций по преодолению и нейтрализации этих факторов.

Как представляется, без четкого и согласованного видения перспектив развития ситуации нам трудно будет продвигаться вперед.

Разумеется, разработка и практическая реализация этих предложений — вопрос не простой. Требуется взвешенный подход и, говоря сказанными два года назад словами российского президента, не терпящий “забеганий вперед”²⁵. Важным здесь представляется осознание взаимовыгодного характера нашего сотрудничества, выделение приоритетных направлений, где более всего возможна своего рода “естественная конвергенция интересов” каждой из стран. Несомненно, что свой вклад в продвижение этих задач вносят наши ежегодные встречи, а нынешняя станет новым шагом на этом пути.

1. См. “Международная жизнь” Ю № 2, 2005. С. 18-32.
2. См. Компас, № 6, 2005. С. 9-15.
3. См. Компас, № 13, 2005. С. 7-10.
4. ИТАР-ТАСС — ИНОТАСС 13.04.2005.
5. Цит. по “Международная жизнь”, № 10, 2004. С. 3.
6. Синьхуа-ЖМЖБ он лайн. 24.09.2004.
7. ИТАР-ТАСС, 08.04.2005.
8. ИТАР-ТАСС, 06.04.2005.
9. См. Независимое военное обозрение, № 15, 2005, стр.1,2.
10. Компас, № 50, 2004. С. 6.
11. ИТАР-ТАСС НОВОСТИ, 12.02.2005
12. Синьхуа, 2-3. 02.2005
13. ИТАР-ТАСС , 06.04.2005.
14. Компас, № 50, 2004, стр.6,12
15. ИТАР-ТАСС ИНОТАСС, 12.04.2005.
16. ИТАР-ТАСС НОВОСТИ, 11.04.2005
17. Интернет-сайт агентства РИА Новости, 12.04.2005.
18. Синьхуа, 13.04.2005
19. Интернет-сайт РИА Новости, 12.04.2005; ИТАР-ТАСС НОВОСТИ, 12.04.2005.
20. ИТАР-ТАСС НОВОСТИ, 03.12.2004.
21. Компас, № 50, 2004. С. 4.
22. Цит В.Гусев. “Три формулы европы. Де Голль: геополитика против блоков”. Наш современник. М., № 6.
23. Там же. С. 217.
24. Там же. С. 218.
25. ИТАР-ТАСС НОВОСТИ 02.12.2003.

Современная международная ситуация и отношения между Китаем, Россией и Индией

© 2005

Жуань Цзунцзэ

Новая политика Дж.Буша и ее влияние на международную ситуацию: ориентиры прочерчены

Внешняя политика американской администрации в ходе начавшегося второго срока президентства Джорджа Буша продолжает проходить этап своего становления. Однако ряд ее особенностей, которые оказывают заметное влияние на международную обстановку, проявлены достаточно четко и заслуживают внимательного рассмотрения.

В речи американского президента по случаю вступления в должность много говорилось о том, каким образом США должны распространять демократию во всем мире, продвигать идеи свободы, а также содержалось утверждение, что движение по этому пути — единственный способ обеспечения безопасности страны. Похоже, что этот подход способен стать для Дж. Буша на ближайшие четыре года его главным внешнеполитическим стимулом.

Кроме продолжения осуществления "великого плана продвижения демократии на Среднем Востоке", в планы США входит усиление проникновения в страны Центральной Азии. Под руководством Вашингтона Запад вмешался в кризис, связанный с выборами на Украине, вступил в соперничество за распространение своего влияния вглубь Евразийского континента. В определенных западных кругах сохраняется намерение перенести сценарий "оранжевой революции" с Украины на другие страны СНГ с тем, чтобы бороться за достижение стратегических преимуществ на пространстве бывших советских республик.

В условиях, когда США оказываются все более затянутыми в болото иракской войны, а возможности для маневра все более сокращаются, Дж. Буш, стремясь повысить "боеготовность" своей внешнеполитической команды, произвел ряд кадровых перестановок. На посту госсекретаря К. Пауэлла сменила находящаяся в расцвете сил "воинствующая принцесса" Кондолиза Райс. Большая власть по-прежнему сохраняется в руках сторонников "твердой линии" Р. Чейни и Д. Рамсфелда.

Со времени прихода к власти правительства Буша четыре года назад в США постоянно растут военные расходы. Военный бюджет на 2005 г. уже составляет более 420 млн долл. Рост влияния Пентагона и военно-промышленного комплекса в немалой степени свидетельствует о милитаризации и внешнеполитического курса страны.

Одновременно США пытаются усилить свое влияние и контроль в важнейших международных организациях. Так, например, представителем США в ООН стал посол Д. Болтон, которого не случайно причисляют к “ястребам”. Бывший заместитель главы военного ведомства П. Вулфовиц занял пост директора Всемирного банка. Однако результаты от этих перестановок вряд ли положительно отразятся на сотрудничестве США с мировым сообществом.

Сегодня в послевоенном Ираке царит большой хаос. Страна превратилась в “рассадник” мирового терроризма. В Ираке очень сильны межнациональные и религиозные противоречия. Здесь сталкиваются интересы Запада и мусульманского мира. Быстро распутать завязавшийся здесь конфликтный узел вряд ли представляется возможным. Проведенные в стране президентские выборы и процесс утверждения Конституции создали ситуацию перераспределения интересов тех или иных группировок. Однако можно с уверенностью предсказать, что явная и закулисная борьба различных политических и религиозных сил на этом не закончится. Это означает, что США по-прежнему ждут впереди большие испытания, связанные с весьма неясными перспективами достижения длительного и стабильного мира в Ираке.

События 11 сентября как будто раскрыли “ящик Пандоры”. Террористические акты и налеты стали едва ли не повседневной и печальной практикой сегодняшней жизни. И хотя противодействие этому злу крепнет по всему миру, деяния террористов тяжким отпечатком повсюду продолжают ложиться на сердца людей. Осуществление американского плана “продвижения демократии на Средний Восток” привело к усилению столкновения “западной демократии” с укладом мусульманского мира. Проблема терроризма в этой связи лишь обострилась и остается одной из наиболее больных тем современности.

Наряду с Ираком, Ближним Востоком, положением в районах международных проливов — проблемами, которые не перестают оставаться в центре внимания Вашингтона, — в поле зрения США в последнее время регулярно присутствуют и так называемые темы “ядерного оружия в Корее” и “производства ядерного оружия в Иране”.

В феврале и июне 2004 г. в Пекине прошли второй и третий раунды шестисторонних переговоров по Корее, после которых были опубликованы первые документы, отражающие подготовку и ход самих переговоров. Однако в подходе к ключевому вопросу — об отказе от ядерного оружия и обеспечении безопасности Кореи, позиции главных заинтересованных сторон — Пхеньяна и Вашингтона — существенно расходятся.

Решение “корейской проблемы” заключается в том, чтобы в конечном итоге Корейский полуостров остался “безъядерной зоной”, причем достижение этой цели должно осуществляться путем мирных переговоров. Механизм шестисторонних переговоров является инструментом реализации этой цели. Однако, со второй половины прошлого года в разрешении “корейской проблемы” наметилась тенденция к замедлению, главным образом из-за дефицита доверия между Кореей и США, которые не могут договориться между собой о взаимоприемлемых условиях и гарантиях, и разногласия носят очень серьезный характер.

В проблемах “ядерной Кореи” и “ядерного Ирана” существует большое количество переменных величин. В течение длительного времени США придерживались политики враждебного отношения к Ирану и Корее. С самого начала прихода Дж. Буша к власти эти две страны рассматривались как звенья “оси зла”, и политическое давление на них никогда не ослабевало. Вполне вероятно, что США и дальше будут использовать темы “ядерного Ирана” и

“ядерной Кореи” в качестве предлога при реализации своей недружественной политики в отношении этих стран. При малейшей неосторожности в решении как “корейской проблемы”, так и “иранской проблемы”, могут обнаружиться “сбои”, которые только еще больше обострят обстановку в этом регионе.

Двусторонние отношения внутри формата “Китай-Индия-Россия”: новые моменты

Двусторонние отношения между нашими тремя странами в последнее время характеризуются рядом новых обстоятельств.

Первое. В прошлом наиболее проблемной линией двусторонних связей этого формата были китайско-индийские отношения. В настоящий момент эти отношения характеризуются тенденцией к позитивному развитию. В апреле 2005 г. премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао посетил Индию. Стороны договорились установить отношения стратегического партнерства, что придало серьезный импульс улучшению китайско-индийских связей. А это позволит всем трем линиям двусторонних отношений внутри формата “Китай-Россия-Индия” с каждым днем становиться все более сбалансированными, благоприятно скажется на выравнивании взаимоотношений между странами, на позитивном развитии их взаимодействия.

Второе. Состоялась первая специальная встреча министров иностранных дел трех стран. Ранее встречи трех глав внешнеполитических ведомств проходили в рамках многосторонних форумов, таких, как сессии ГА ООН. Эта же встреча — специальная, что свидетельствует о том, что три страны придают растущее значение трехсторонним отношениям, а уровень сотрудничества и общения постоянно повышается.

Третье. Если Индия станет страной-участницей ШОС, это будет способствовать усилению сотрудничества всех трех стран в регионе Центральной Азии.

Четвертое. Одновременное возвышение Китая, России и Индии — трех великих развивающихся стран, параллельно с развитием сотрудничества между ними создает новую международную панораму. Три наших государства — это страны, составляющие костяк понятия стран BRIC (аббревиация, введенная недавно в оборот международными финансовыми аналитиками для Бразилии, России, Индии и Китая как наиболее динамично развивающихся стран мира — ред.). Если наши три великие развивающиеся страны как единое целое будут наращивать свой потенциал, это станет фактором серьезного влияния на международные отношения, значение которого будет расти с каждым днем.

Информация к размышлению

В России поставлена задача к 2010 г. увеличить в два раза объем ВВП. В Индии экономические реформы вступили решающий этап. Китай сегодня занят всеохватывающим строительством общества с уровнем достатка, соответствующим уровню “сяо кан”. Все это создает широкие возможности для усиления сотрудничества между тремя странами.

Во-первых, необходимо и дальше усиливать научно-теоретическую работу в области китайско-российских и китайско-индийских отношений стратегического партнерства, подкрепляя их “фундаментом знаний”, развивать и укреплять эти отношения. Крайне важен здесь и вопрос укрепления взаимного доверия.

То, что мы называем отношениями стратегического партнерства, означает, что наши три страны осуществляют сотрудничество во всех важных,

стратегических сферах международных отношений, взаимодействуют по всем главным международным проблемам. Когда в каких-либо двусторонних отношениях возникают проблемы и "шероховатости", то не стоит прибегать к взаимным подозрениям и ставить под сомнение решимость поддерживать и развивать отношения стратегического партнерства. Отношения стратегического партнерства между тремя странами стоят перед возможностью нового развития, при этом необходимо постоянно обогащать их содержание.

Во-вторых, в дальнейшем эффективном и реалистичном осмыслении нуждается торгово-экономическое сотрудничество, где есть нерешенные вопросы.

Россия не желает быть "сырьевой базой".

Китай, в свою очередь, заинтересован в росте импорта энергоресурсов, а также увеличении удельного веса экспорта электротехнических товаров.

Россия постоянно заявляет о своей готовности принять участие в модернизации китайских предприятий, которые были построены в пятидесятые годы прошлого столетия с помощью СССР, полагая, что располагает для этого достаточными возможностями. В то же время существенное число этих предприятий в гораздо большей степени хотели бы, чтобы в их переоборудовании участвовали передовые фирмы развитых стран Запада.

Объем китайско-российской торговли постоянно увеличивается, но по-прежнему не реализуются резервы инвестиционного сотрудничества, отсутствует поддержка крупных проектов, недостает добротной и продуманной структуры торговли, а потому торговым отношениям присуща определенная нестабильность и очень серьезная ограниченность.

Еще одной причиной является обострение международной конкуренции, при которой каждой стороне становится все труднее проникнуть на внутренний рынок партнера. Крайне ограничены в настоящее время капиталовложения Китая, России и Индии в экономику друг друга.

Поиски путей решения этих проблем, создания благоприятной обстановки и атмосферы для экономического сотрудничества — вопрос чрезвычайной важности.

В-третьих, необходимо избегать во взаимоотношениях схемы, "когда верхи поддерживают тесные отношения, а низы — не участвуют в этом".

Под этим выражением мы понимаем, ситуацию, когда между высокими руководителями существуют очень теплые отношения, а между обычными, простыми людьми эти отношения довольно прохладны, степень взаимных симпатий невысока.

Очень важно постоянное общение. Разнообразные встречи между представителями стран должны учащаться, но происходить не только в виде визитов руководителей разных уровней. Необходимо укрепление доверия и взаимопонимания между народами наших стран. Способствовать росту взаимных симпатий, взаимного постижения, которое стало бы достоянием широких масс, в целом народов наших стран — задача чрезвычайной важности. В противном случае отношения стратегического партнерства между Китаем, Россией и Индией не будут подкреплены прочной и крепкой социальной базой, мы не продвинемся далеко по всем пунктам нашего сотрудничества.

Для продвижения нашего сотрудничества необходимо на всех уровнях, во всех областях, особенно в области культуры и образования, вести долговременную, кропотливую и упорную работу.

Обзор международной и региональной ситуации

© 2005

В. Кхана

Международная ситуация: глобальные вопросы

Данное выступление готовилось в преддверии не только нашей 5-й трехсторонней научной конференции, но и трехсторонней встречи министров иностранных дел во Владивостоке, обсуждение результатов которой включено в повестку дня настоящей конференции в Пекине.

С самого начала трехсторонних консультаций — будь то академических или официальных, все три стороны четко заявили об отсутствии стремления к формированию какого-либо альянса, направленного против кого бы то ни было. В ходе визита в Дели в апреле 2005 г. премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябяо, отвечая на вопрос журналиста, отметил, что по многим вопросам три страны занимают "идентичные или схожие" позиции, а координация и сотрудничество между ними служат интересам мира и стабильности в регионе и во всем мире. При этом премьер не преминул уточнить, что такие "сотрудничество и координация" ни в коем случае не означают альянса и не направлены против какой-либо другой страны.

Одновременно все три страны разделяют стремление к установлению более справедливого, равного, демократичного и многостороннего международного порядка. Четыре года назад, когда ученые Индии, России и Китая начинали работу по совместному проекту, трехсторонние отношения имели форму скорее равнобедренного, а не равностороннего треугольника — две в равной степени "длинные" линии прекрасных отношений России с Индией и Китаем, и более "короткая" линия отношений между Индией и Китаем, в которых, при уже начавшемся оздоровлении, все еще присутствовали напряженность и взаимное недоверие. Как известно, последующие несколько лет были отмечены быстрым улучшением индийско-китайских отношений.

Поскольку мощь треугольника "Россия—Китай—Индия" зависит от качества трех линий двусторонних отношений, представляется, что это трехстороннее формирование, академический компонент которого выражен нашим научным проектом, в настоящее время базируется на более прочной основе, чем при инициировании проекта.

Дополнительную силу и энергию нашему трехстороннему сотрудничеству придает такой новый и важный элемент международных отношений как меняющийся характер силы. Многие стратеги-мыслители, определяя факторы, которые будут доминировать в XXI веке, поражаются растущей роли такой категории, как сила знания (в широком его определении), и в этом плане Рос-

сия, Индия и Китай имеют превосходные возможности занять ведущие позиции. Реализация этого потенциала, в сочетании со все более широко признаваемыми экономическими перспективами трех стран, непременно усилит общемировое влияние их общих устремлений, заявлений и действий.

Один из постоянно присутствующих вопросов состоит в том, как оптимизировать соотношения между США и все более крепнущим сотрудничеством России, Китая и Индии. В ходе дискуссий в рамках проекта часто отмечалось, насколько важны для каждой из трех стран хорошие двусторонние отношения с единственной остающейся сверхдержавой — Америкой, ибо в силу ее феноменальных экономических и технологических возможностей добрые отношения сотрудничества с этой державой играют жизненно важную роль в обеспечении безопасности и процветания народов трех стран. При этом, однако, многое в политике США вызывает огромное разочарование.

На уровне принятия решений в этой "гипердержаве" есть влиятельные лица, полагающие, что когда, в их понимании, на карту поставлены жизненные интересы США, Америка может предпринимать любые односторонние действия, даже если они неприемлемы для других стран или не вполне законны ввиду отсутствия соответствующих резолюций ООН либо в контексте общепризнанных норм международного права. Вполне возможно, что любая страна, обладая столь мощным силовым превосходством, не удержалась бы от искушения действовать подобным образом. Однако, американский опыт в Ираке и Афганистане еще раз продемонстрировал, что возможности силы (в обычном смысле этого слова) далеко не беспредельны. Преуспеют ли США в конечном итоге в достижении заявленных целей — покажет будущее. Пока же, очевидно лишь одно: свою победу они провозгласили слишком преждевременно, и, как знать, может быть, ко все еще памятным для американцев урокам Вьетнама добавятся кошмары Ирака. И если на начальном этапе мир поддержал войну, начатую под главенством США, против терроризма и его сторонников в Афганистане, то некоторые из последующих акций США были подвергнуты массивной критике. Наибольшее возмущение вызывают методы допросов пленных, применяемые американскими военными, которые тем самым с издевкой попирают такие широко рекламируемые ценности собственной страны как права человека.

Нам остается надеяться, что опыт в Ираке и Афганистане заставит США более уважительно относиться к мировому общественному мнению и к нормам международного права, а также проявлять большую готовность к работе в сотрудничестве с другими странами. Отрадно, что внутри США есть силы, разделяющие наш критический подход к некоторым политическим действиям администрации Буша. В то же время, однако, настаивает, что и президент Буш и его ближайший союзник, британский премьер-министр Блэр были избраны на повторный срок, хотя, опять-таки, следует надеяться, что они были переизбраны не в знак одобрения их общей неудачной авантюры в Ираке, а невзирая на оную.

Увы, Америка — не единственная страна, стремящаяся использовать свою превосходящую мощь для достижения односторонних преимуществ за счет потенциальных противников. В этом смысле, игра под названием "баланс сил" все еще является неотъемлемым элементом международных отношений. В противовес этому, однако, растет осознание того факта, что глобализация и взаимозависимость, подкрепляемые прогрессом науки и технологий, позволяют использовать широкий набор "беспрюгивных" вариантов в решении как двусторонних, так и многосторонних вопросов, в то время как появление смертельных угроз всему человечеству — будь то терроризм, эпидемии или сти-

хийные бедствия — подталкивает нации-государства ко все более активному сотрудничеству.

Самого пристального внимания требует такой важный вопрос как влияние действий США на восприятие мусульманами немусульманского мира. Трудно отрицать, что большинство мусульман рассматривает действия США и их союзников как направленные против ислама. При этом не следует впадать в заблуждение и полагать, что такая реакция характерна лишь для исламских фундаменталистов. Так, совсем недавно во многих странах мира прошли массовые протесты мусульман в связи с публикациями журнала "Ньюсуик" об американских методах обращения с пленными мусульманами, расцененных как надругательство над Кораном.

И без того негативный потенциал растущей враждебности мусульманского мира в отношении Америки усиливается весомой опасностью того, что многие мусульмане начнут отчуждаться от всего немусульманского мира и, в том числе, от таких светских государств как Россия, Китай и Индия. Великие мировые цивилизации должны начать серьезный диалог с исламом — диалог, в ходе которого все стороны научились бы уважать друг друга и сотрудничать на благо всего человечества.

В то же время всем нам — в том числе, и большинству мусульман — необходимо сотрудничать не только в целях изоляции экстремистов, но и в решении проблем, вызывающих законное недовольство, используемое экстремистами для привлечения все новых и новых сторонников. Таким образом, мы опять подходим к теме терроризма.

Терроризм имеет множество разных обликов. Так, непреходящая проблема морского пиратства серьезно угрожает столь важной для наших стран морской торговле. Количество пиратских нападений на суда в последнее десятилетие утроилось и достигло размеров, беспрецедентных в новой истории. Современные пираты — это зачастую хорошо подготовленные боевики, которые передвигаются на скоростных крейсерах, оборудованных системами спутниковой связи и глобального наведения, и вооружены автоматическим оружием, противотанковыми ракетами и гранатами.

Пиратство и терроризм тесно взаимосвязаны. В отличие от прежних морских разбойников, единственной целью которых было быстрое обогащение, многие современные пираты есть не что иное, как морские террористы со своей идеологией и широкой политической программой. Такая связь пиратства и терроризма особенно опасна для рынков энергоресурсов, ибо мировые поставки нефти и газа в основном осуществляются по кишачим пиратами морским маршрутам.

Наиболее же опасной представляется угроза попадания в руки террористов оружия массового уничтожения. Одни, особо злонамеренные террористические группировки могут стремиться к реальному применению такого оружия, другие — использовать его для создания массовой паники, на фоне которой общественность заставила бы то или иное правительство пойти на поводу у террористов. В ряду приоритетных задач по-прежнему будут стоять обеспечение физической безопасности объектов по производству и хранению оружия массового уничтожения и создание механизмов по управлению кризисами и различными ситуациями, в которых возможны применение или угроза применения средств массового уничтожения.

Довольно давно стало ясно, что ни одно государство, действуя в одиночку, не может вести борьбу с терроризмом. К счастью, между правительствами всех трех стран начаты двусторонние диалоги о противодействии терроризму, которые должны претвориться в более конкретные совместные меры. Кроме

того, Россия, Индия и Китай участвуют в глобальных усилиях, предпринимаемых на этом направлении в рамках ООН.

Разумеется, бич терроризма — отнюдь не единственный вопрос, который следует решать посредством международного сотрудничества на базе ООН. На наших предыдущих конференциях все три делегации единодушно говорили о том, насколько важная система ООН для строительства и процветания мирной, демократической и справедливой международной системы. Повсеместно признана необходимость далеко идущих реформ, необходимых ООН для успешного выполнения данной благородной миссии. В своем докладе “При большей свободе, к развитию, безопасности и правам человека для всех” от 21 марта 2005 года Генеральный секретарь Кофи Аннан отметил, что никакая реформа ООН не будет завершеной без реформы Совета Безопасности.

Индия не делает тайны из своей убежденности в том, что по всем существенным и соответствующим критериям она имеет право на полномасштабное постоянное членство в Совете Безопасности. Однако отношение некоторых нынешних постоянных членов СБ к данному вопросу становится все менее ясным для индийских аналитиков. В Индии усиливаются подозрения в том плане, что обусловленные дипломатическими целями публичные заявления в пользу Индии сопровождаются усилиями, направленными на бесконечную проволочку с решением данного вопроса, дискуссии по которому ведутся уже более десяти лет.

При всей важности реформы Совета Безопасности с реформой ООН связаны и другие крайне насущные вопросы. ООН не сможет играть предназначенную ей роль, если превратится всего лишь в регулирующий и карательный орган. Следовательно, ей необходимо нацелиться на реализацию масштабных социально-экономических программ, соответствующих законным чаяниям всего человечества. Обеспечение потребностей развития необходимо рассматривать как самостоятельную задачу, а не только через призму безопасности, хотя истинная безопасность невозможна без справедливого и равного развития.

Саммит ООН в сентябре 2005 г. стал бы прекрасной возможностью для восстановления первенства и обеспечения большей эффективности ООН как высшего средоточия коллективных устремлений всего человечества.

Региональная ситуация

При рассмотрении ситуации в Южной Азии можно с удовлетворением констатировать дальнейшее улучшение отношений между Индией и Пакистаном. В основе этой обнадеживающей тенденции лежит массированное проявление доброй воли на уровне населения, а также культурно-историческое сходство двух стран. На уровне принятия решений растет убежденность в неприемлемости военных вариантов и в целесообразности мирного решения спорных вопросов. Значительный прогресс достигнут в ходе недавнего визита президента Мушаррафа в Индию. Однако дальнейший путь все еще изобилует различными препятствиями. Пакистан не отказался от своей одиозной тенденции обуславливать прогресс во взаимовыгодных областях решением кашмирской проблемы на удовлетворительных для него условиях. Президент Мушарраф, скорее всего, столь же искренне желает улучшить индийско-пакистанские отношения, как и премьер-министр Индии Манмохан Сингх и его предшественник А.Б.Ваджапай; однако, Индию весьма заботит вопрос о том, готовы ли пакистанские организации типа Межведомственной военной разведки (ИСИ) отказаться от своих крайне враждебных программ, фактически нацеленных против Индии. На пакистанской территории и в контролируемых Пакистаном районах Кашмира до сих пор находятся лагеря подготовки террористов, а из надежных

источников поступают сообщения о пакистанских агентах, действующих в целях разжигания исламского экстремизма в Индии.

К счастью, после 25 августа 2003 г., когда два мощных взрыва потрясли Мумбай, на территории Индии, помимо Джамму и Кашмира, не было совершенно каких-либо крупных террористических актов "джихада". Однако, такие организации как "Лашкар-э-Тоиб" не отказались от стремления активизировать свои действия на территории Индии за пределами Джамму и Кашмира — свидетельством тому стали показания членов "Лашкар-э-Тоиб", которые планировали свои операции в Дехра Дуне, Бангалоре и других местах. По сей день, в Джамму и Кашмире не прекращаются организуемые террористами трагические инциденты, в результате которых гибнут невинные мирные жители.

Кроме того, поступают тревожные сигналы о связях между пакистанскими органами и их партнерами в Бангладеш на основе исламского экстремизма. Одна из неблагоприятных тенденций в Бангладеш видится в том, что Национальная партия Бангладеш и ее союзники в правительстве склонны к сочувствию в отношении исламских экстремистов.

В военной разведке Бангладеш имеется немало пропакистанских элементов. В результате возросшей активности фундаменталистов и сторонников джихада в Бангладеш, где имеется больше медресе (исламских школ), чем в Пакистане, — причем многие из них финансируются вахабитскими организациями Саудовской Аравии и вахабитско-деобандийскими организациями Пакистана. — фундаменталистские элементы проникли и в нижние ряды сил безопасности.

Все же, кому не безразличен терроризм, связанный с религиозным экстремизмом, должны, пока еще не поздно, обратить более пристальное внимание на Бангладеш.

Политическая ситуация в Непале, увы, также характеризуется изрядной нестабильностью. Как известно, за власть в Непале борются три силы: король (которого поддерживает армия), политические партии и маоисты. Представляется бесспорным, что одним из первых результатов недавно достигнуто индийско-китайского соглашения о создании стратегического партнерства должны стать координация воззрений и, по возможности, реакция двух держав на кризис в Непале. Мир и процветание в Непале не могут быть достигнуты без учета демократических устремлений и обеспечения экономических потребностей его народа.

Если говорить об АТР в более широком плане, то большой интерес вызывают последние оценки наших российских и китайских коллег в связи с северокорейскими программами разработки ядерного оружия.

Кроме того, индийские ученые считают полезным для себя ознакомиться с российскими и китайскими оценками Японии. Что касается Индии, то вскоре после визита премьера Китая в Дели в конце апреля побывал премьер-министр Японии Дзюнитиро Коидзуми. Его приезд совпал по времени с пятой годовщиной визита бывшего премьера Есиро Мори, призванного нормализовать непростые отношения, которые сложились между двумя странами после проведенных Индией ядерных испытаний 1998 года. В то время стороны обсуждали развитие своего "глобального партнерства", которое на практике и по сей день не выходит за рамки сотрудничества в реформировании Совета Безопасности ООН. Однако, сейчас, похоже, Япония стремится активизировать такое партнерство — ее правительство делает заявления о своем "четко выраженном признании Индии в качестве играющей стратегическую роль крупной державы, которая наряду с Японией и другими глобальными державами разделяет ответственность за содействие стабильности и процветанию Азии и всего международного сообщества".

Премьер-министры двух стран договорились, помимо прочего, “продвигать Азиатское Экономическое Сообщество в форме “дуги преимуществ и процветания”. Кроме того, японская сторона сообщила о своем решении поддерживать участие Индии в саммите государств Восточной Азии.

К северо-западу от Индии находится Центральная Азия, которая вновь стала чрезвычайно важным фактором международных отношений, и которая непосредственно соседствует с Россией, Китаем и Индией. В настоящее время постоянно упоминаются огромные прогнозные запасы нефти и газа в Центральной Азии. К сожалению, характерные для этого региона религиозный экстремизм, неэффективное управление и внешнее вмешательство могут оказаться взрывоопасной смесью. В этой связи индийским ученым было бы интересно выслушать оценки российских и китайских коллег и, в частности, лучше понять роль Шанхайской организации сотрудничества.

Заключение

Как явствует из сделанного обзора, в настоящее время международные отношения отмечены двумя противоречивыми тенденциями. С одной стороны, национальные государства, несмотря на растущее значение прочих факторов, все еще являются основными субъектами международной системы, и наиболее значимые из них продолжают борьбу за власть и престиж, хотя и ведут ее в рамках некоего “анархичного” порядка. С другой стороны, поведение государств в той или иной степени подпадает под воздействие проявляющихся в последние годы взаимозависимости и глобализации. К диалектическому взаимодействию между борьбой за власть и взаимозависимостью добавился третий, смертельный элемент — терроризм со стороны негосударственных субъектов, действующих, однако, зачастую по приказу или как минимум при попустительстве государства. В этом сложном мире Россия, Индия и Китай должны и впредь предпринимать совместные усилия по строительству более совершенного мира для всех его обитателей.

Политика

1991-2020: подъем Китая и развитие отношений между Китаем и АСЕАН — исторический обзор и стратегия на будущее

© 2005

Чжай Кунь

Обобщая историю развития отношений между Китаем и АСЕАН за период после окончания холодной войны и до настоящего времени, можно обнаружить любопытную взаимосвязь: в процессе подъема Китая его отношения с АСЕАН последовательно развивались. Имеет ли эта тенденция характер императива? В чем движущие силы и значение данного процесса? Как сохранить упомянутую взаимосвязь? Решение этих вопросов имеет практическое значение как для разработки концепции подъема Китая и развития его отношений с внешним миром, так и для выработки среднесрочной и долгосрочной стратегии КНР в отношении АСЕАН¹. В данной работе предпринимается попытка анализа перечисленных выше проблем.

I. 1991-2003: подъем Китая и императивный характер развития его отношений с АСЕАН

В научных кругах под термином "подъем Китая" понимается процесс быстрого повышения его суммарной мощи и оказание серьезного влияния со стороны КНР на расстановку сил, порядок и нормы поведения в мире. Реализация всего процесса и является конечным результатом подъема². Некоторые ученые считают, что подъем Китая — нечто вроде национальной цели. Однако в официальных политических кругах Китая отнюдь не отождествляют понятие "подъем Китая" и соответствующее ему в докладе XVI съезда КПК многократное упоминание "великого возрождения китайской нации", а также слова премьера Госсовета КНР Вэнь Цзябао о "развитии Китая"⁴. Строго говоря, "подъем Китая", "великое возрождение китайской нации", "развитие Китая" — все эти три понятия идентифицировать нельзя. Но если говорить об определении, то в последних двух понятиях упор делается на том, что Китай стремительно движется от отсталости к развитости, что является национальной целью и процессом развития, а стратегия "трех шагов" — это разделенные на этапы цели этого развития. Что же касается понятия "подъем Китая",

Чжай Кунь, заведующий кафедрой исследований проблем Юго-Восточной Азии Китайского института современных международных отношений.

то оно вмещает в себя по существу два содержания — внутреннее развитие и влияние этого процесса на внешний мир. Поэтому понятие “подъем Китая”, используемое в данной статье, включает в себя “великое возрождение китайской нации” и “развитие Китая”.

После окончания “холодной войны” и вплоть до последнего десятилетия прошлого века в Китае в основном реализовывался второй этап стратегии “трех шагов”, т.е. “достаточности (сяокан)”⁵. Этот примерно 10-летний период можно рассматривать в качестве подготовительного этапа к подъему Китая. Когда мы встраиваем этот этап истории развития Китая в контекст общемировой архитектуры и сопоставляем с развитием отношений Китая с АСЕАН, то обнаруживаем, что подъем Китая также сопровождался последовательным развитием отношений Китая с АСЕАН.

В 1991 г. после окончания “холодной войны” впервые начались официальные контакты КНР и АСЕАН. В июле того года китайский министр иностранных дел Цянь Цичэнь принял приглашение участвовать в церемонии открытия 24-й сессии конференции министров иностранных дел стран-членов АСЕАН. После этого министр иностранных дел КНР ежегодно участвовал в форумах министров иностранных дел этой организации. В июле 1994 г. Китай в качестве партнера-консультанта принял участие в первой конференции министров иностранных дел регионального форума АСЕАН. В 1996 г. КНР стала партнером по всестороннему диалогу этой организации. В конце 1997 г. председатель КНР Цзян Цзэминь принял участие в конференции АСЕАН+1 и предложил усилия к установлению с АСЕАН “партнерских отношений добрососедства и взаимного доверия, обращенных в XXI век”⁶. В конце 2003 г. китайский премьер Вэнь Цзябао, участвуя во встрече в формате “10+1”, договорился с руководством АСЕАН об установлении “стратегических партнерских отношений”⁷. За период с начала развития отношений в 1991 г. и до решения о “стратегических партнерских отношениях” в 2003 г., т.е. за неполные 12 лет в их характере произошел этапный скачок.

Имеет ли подъем Китая и поступательное развитие его отношений с АСЕАН императивную связь?

В целом связь между двумя переменными величинами может быть трех видов — позитивная, негативная и нулевая взаимосвязь. Позитивная означает, что изменение первой влечет за собой позитивную обратную связь, негативная означает противоположное, а нулевая — что изменения первой не связаны с изменениями второй. С учетом прошлого подъем Китая и развитие его отношений с АСЕАН демонстрировали позитивную взаимосвязь, однако проблема, требующая решения, состоит в следующем: является ли эта позитивная связь императивной, или — какова здесь причинно-следственная связь?

В данной статье для пояснения используется модель анализа профессора Цинь Яцина о том, как процесс подъема Китая влияет на китайскую внешнюю политику и влечет за собой вышеупомянутую позитивную взаимосвязь. Профессор Цинь Яцин выдвигает такую посылку: государство само формулирует национальную стратегию, культурную политику, а также интересы национальной безопасности. Чем выше степень позитивного признания международным сообществом статуса государства, тем яснее характерные особенности его стратегии и культуры, ориентированные на сотрудничество, тем явственней переносится центр тяжести интересов безопасности в направлении экономической безопасности и безопасности сотрудничества. И основное взаимодействие этого государства с международным сообществом может с еще более значительной степенью вероятности вылиться в плодотворное сотрудничество. В процессе двадцатилетнего взаимодействия КНР с международным сообществом

вом положение Китая, его представления о стратегии, культуре и безопасности подвергались коррекции и изменениям. Это имело важное и далекоидущее значение для позитивной интеграции КНР в международное сообщество и давало ей возможность еще более повысить собственную конструктивную роль в плане сотрудничества и ответственного подхода⁸.

С помощью данной модели рассмотрим политику Китая в отношении АСЕАН за указанные 12 лет.

Если говорить об уровне согласия, то Китай все более стремится и все более охотно принимает участие в многосторонних механизмах, проектируемых, инициированных и возглавляемых АСЕАН. К примеру, в 1994 году КНР вступила в руководимую АСЕАН организацию многостороннего диалога по вопросам безопасности АТР (региональный форум АСЕАН), а в 1997 г. примкнула к объединению 10+1 и механизму сотрудничества Восточной Азии "10+3".

Что же касается стратегии и культуры, то все более становятся ясными признаки стратегии и культуры, ориентированные на сотрудничество Китая с АСЕАН. В 1995 г. у Китая произошел вооруженный конфликт с Филиппинами по вопросу об островах Наньша. 31 июля 2002 г. на конференции министров иностранных дел регионального форума АСЕАН Китай представил документ "о позиции китайской стороны в связи с новой концепцией безопасности", предложив "путем мирных переговоров решать территориальные и пограничные споры, а также другие спорные вопросы"⁹. В конце 2002 г. Китай и АСЕАН подписали "заявление о деятельности сторон в Южно-Китайском море", "чтобы мирным путем разрешать между собой территориальные и юридические споры и не прибегать к вооруженной силе или угрозе ее применения"¹⁰. В конце 2003 г. Китай присоединился также к "Договору о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии" и заключил с АСЕАН юридические гарантии "решения споров мирными средствами"¹¹.

В вопросе об интересах в области безопасности Китай уделяет возрастающее внимание сотрудничеству с АСЕАН в сфере нетрадиционной безопасности. После финансового кризиса 1997 г. Китай заявил о том, что китайская денежная единица юань не будет девальвирована, и эта мера была расценена странами АСЕАН как проявление "ответственного поведения". Ее значение заключалось в том, что китайская политика гарантировала, что экономическая безопасность ЮВА не подвергнется полному коллапсу. В конце 2002 г. Китай и АСЕАН заключили "Рамочное соглашение о всестороннем экономическом сотрудничестве", которое могло интерпретироваться, как обеспечение экономической безопасности обеих сторон путем создания зоны свободной торговли Китай-АСЕАН. Одновременно было подписано "Совместное заявление Китая и АСЕАН о сотрудничестве в области нетрадиционной безопасности".

Сделанный выше анализ говорит о том, что, в процессе подъема Китая "четкой особенностью отношений КНР и АСЕАН стало взаимное стремление к сотрудничеству и развитию на основе сотрудничества. Кроме того, они постоянно заняты поиском форм и путей решения щепетильных проблем"¹². Китайские инициативы — главный фактор этих позитивных взаимоотношений. Однако, истолковывая это с учетом только позиции китайской стороны, нельзя полностью доказать императивность подобного поступательного развития отношений. Поэтому ниже мы, отталкиваясь от позиции АСЕАН, докажем, что ее подход был неизбежен как следствие позитивной обратной связи, а не результатом негативной или нулевой обратной связи.

Во-первых, географические и исторические факторы определяют то, что АСЕАН не может индифферентно и безучастно относиться к подъему Китая. Ведь подъем этой региональной великой державы в первую очередь влия-

ет именно на соседние страны ЮВА. До подъема Китая его отношения с ЮВА отличались двумя явными особенностями:

а) До прихода западных колонизаторов в ЮВА отношения Китая и стран региона не носили завоевательного характера, они не были отношениями между “господином и данником”. Китай никогда не устанавливал политического и экономического господства над соседними странами, как это сделали позднее западные колонизаторы.

б) В период “холодной войны” общая особенность Китая и стран ЮВА состояла в том, что их взаимоотношения серьезно сдерживались взаимодействием двух сверхдержав — США и СССР, которые от враждебности и отстраненности шли к взаимным обменам¹³. А после окончания “холодной войны” реакция на подъем Китая стала важной темой собственного развития и внешней стратегии АСЕАН.

Во-вторых, собственная мощь и положение АСЕАН явились решающей причиной, определившей невозможность для нее выбрать негативную обратную связь. Профессор Янь Сюэтуан считает, что существуют четыре тактических установки: политика контактов, политика сдерживания, политика балансирования и политика сотрудничества¹⁴. В сегодняшнем мире единственной силой, способной сдерживать подъем Китая, являются США. АСЕАН же вовсе не обладает такой способностью. К тому же сегодня АСЕАН уже не представляет собой организацию периода “холодной войны”, когда она сдерживала коммунистический Китай. Ныне налицо сложная ситуация и многообразие внутри АСЕАН, что делает ее неспособной стать союзником США в сдерживании Китая. Поэтому контакты, балансирование и сотрудничество являются главными альтернативами АСЕАН в отношении подъема Китая. А эти альтернативные направления политики требуют позитивного, доброго отношения к развитию Китая.

В-третьих, лишь установив с Китаем отношения позитивной обратной связи, АСЕАН может создать ситуацию, при которой наметится подъем в его отношениях с другими крупными державами. После “холодной войны” АСЕАН, используя преимущества союза с малыми и средними странами, прибегал в своей внешней политике к стратегии балансирования между крупными державами для обеспечения своих региональных интересов. В середине 1990-х гг. АСЕАН в опоре на свой все более усиливавшийся международный авторитет и на еще не оформившиеся отношения с крупными государствами, по собственной инициативе привлекла их в регион, реализуя стратегию балансирования. Наиболее успешным примером является создание регионального форума АСЕАН, в результате чего США, Япония и Китай уравнивали и сдерживали на форуме друг друга. С конца 1990-х гг. все более заметное звучание в стратегии балансирования обретал для АСЕАН и крупных держав “китайский стимул”. После того, как Китай в конце 2001 г. выдвинул АСЕАН предложение о создании зоны свободной торговли и получил согласие, Япония, Индия и США в конце 2002 г. сделали АСЕАН такое же предложение. С 1998 г. АСЕАН много раз выражала надежду на то, что Китай как внерегиональная крупная держава первой присоединится к “Договору о дружбе и сотрудничестве ЮВА”. В 2003 г., после того, как Китай подписал его, Индия поступила так же. Подобные намерения имеют Япония и Россия.

II. Мысли на водоразделе отношений между КНР и АСЕАН

Выше было показано, что внешний имидж и внешняя политика Китая, оформившиеся в период подъема, приемлемы для стран АСЕАН. С другой стороны, они могут достаточно позитивно реагировать на его подъем. При тщательном анализе выявляется практическое значение этого факта в трех областях:

В процессе подъема Китая концепция “китайской угрозы” обуславливает лишь второстепенные противоречия в отношениях Китая с АСЕАН.

Параллельно с подъемом Китая в регионе ЮВА также давали о себе знать различные виды и модификации концепции “китайской угрозы”. В разные периоды ее содержание было неодинаковым. Например, после окончания “холодной войны” имела хождение концепция “заполнения Китаем вакуума”. В середине и конце 90-х годов XX века это была концепция “китайской военной угрозы”, а на переломе веков — концепция “китайской экономической угрозы”. Вот почему все исследователи считают, что концепция китайской угрозы является одним из главных факторов, ограничивающих добрососедское развитие отношений Китая с АСЕАН.

В какой степени концепция китайской угрозы влияет на двусторонние отношения? Этот вопрос никогда не снимался с повестки дня. Учитывая вышеизложенную аргументацию, следует признать, что данная концепция никогда не ограничивала существенным образом процесс двусторонних отношений между КНР и АСЕАН. В этой связи мы можем исходить из следующих соображений:

Во-первых, концепция китайской угрозы оказывала влияние лишь на второстепенные противоречия в отношениях Китая и АСЕАН и не была способна повлиять на главное позитивное ядро в этих отношениях.

Во-вторых, учитывая, что каждый раз после появления концепции “китайской угрозы” происходило новое развитие отношений КНР и АСЕАН, стоит рассматривать постоянно меняющиеся модификации концепции как предвестник улучшения двусторонних отношений.

В-третьих, это также является одной из эффективных движущих сил, способствующих китайской “дипломатии добрососедства”. Первое поколение китайского руководства выдвинуло пять принципов мирного сосуществования. Руководители второго поколения стремились к созданию “длительных и стабильных отношений добрососедства со странами на периферии”. Третье поколение руководителей было намерено построить “партнерские отношения добрососедства и взаимного доверия” с АСЕАН. В докладе на XVI съезде КПК был сделан вывод о хороших отношениях и партнерстве с соседними государствами. А нынешнее поколение китайских руководителей на этой основе выдвинуло в отношении окружающих стран курс “добраго соседа, богатого соседа и безопасного соседа”.

Впрочем, в процессе подъема Китая не следует сбрасывать со счетов влияние на развитие отношений между Китаем и АСЕАН “кризисной движущей силы”.

С 1997 г. АСЕАН постигли три кризиса — финансовый кризис, разгул терроризма, а также эпидемия птичьего гриппа. Однако после каждого кризиса отношения Китая и АСЕАН поднимались на новую ступень. После финансового кризиса сотрудничество в Восточной Азии обрело зримые формы. После событий 11 сентября и взрывов на индонезийском острове Бали между КНР и АСЕАН было достигнуто рамочное соглашение об усилении сотрудничества в области нетрадиционной безопасности. После внезапного возникновения эпидемии атипичной пневмонии Китай и АСЕАН в апреле 2003 г. провели специальный саммит и создали механизм взаимодействия в области общественного здравоохранения.

Что это означает? Это означает, что на фоне глобализации транснациональные кризисы имеют такие характерные особенности, как внезапное возникновение, широкое распространение, быстрая передача и большая вредоносность¹⁴. В условиях же регионального сотрудничества отношения взаимной заинтересованности между Китаем и АСЕАН становятся все более тесными, и это касается любой ситуации — и позитивной, и негативной. Поэтому крупные

транснациональные кризисы или внезапные инциденты, с одной стороны, обязательно наносят удар по интересам всего региона, но с другой, принуждают все страны обязательно вступать в транснациональное сотрудничество для принятия необходимых мер.

Хотелось бы специально остановиться на фактуре кризиса. В процессе подъема Китай также может неизбежно подвергаться внутренним и внешним кризисам, характерным для переходного периода. Сейчас, когда экономика АСЕАН все теснее смыкается с Китаем, страны АСЕАН особенно опасаются как бы “неприятные сюрпризы” со стороны китайской экономики не нанесли им ущерба. Кроме того, их собственная способность противостоять различным кризисам ограничена. Поэтому им нужно, чтобы роль Китая как ответственной крупной державы постоянно усиливалась. Вот почему при разработке своей внешней политики Китай обязан уделять особое внимание осознанию возможности кризиса, умело управлять кризисной энергией, укреплять сотрудничество с АСЕАН в области управления кризисом.

Хорошие отношения между Китаем и АСЕАН в период подъема Китая благоприятствуют установлению в будущем в Восточной Азии международных отношений нового типа.

В общем плане формирование и изменение международной системы в основном происходят под воздействием подвижек сил и отношений между основными государствами. В нынешней Восточной Азии в процессе формирования новой международной системы дают о себе знать две тенденции. Одна складывается под влиянием традиционных отношений крупных государств. В последние несколько лет крупные державы АТР — США, Япония, Россия, Индия и Китай — усилили свое стратегическое проникновение в ЮВА. Другая тенденция — это сознательное укрепление АСЕАНом особой роли блока малых и средних стран и активное проведение в жизнь стратегии балансирования между крупными державами, активное использование в данном регионе инструментов гибкости и согласования. Прогресс в отношениях Китая и АСЕАН одновременно содействует позитивному развитию этих двух движущих сил. В экономическом плане в регионе Восточной Азии благодаря содействию Китая уже сложилась ситуация, когда три формата “10+1” с АСЕАН в качестве ядра (АСЕАН с Китаем, Япония и Республика Корея) совместно стимулируют сотрудничество в Восточной Азии. Что касается безопасности, то благодаря китайской инициативе Индия также присоединилась к договору о дружбе и сотрудничестве ЮВА, Россия и Япония тоже сделают это. Дипломатически “стратегические партнерские отношения”, официально установленные между Китаем и АСЕАН на встрече в верхах, будут служить катализатором дальнейшего укрепления связей других крупных держав с АСЕАН. Все это вкуче содействует благоприятному развитию международной системы во всей Восточной Азии¹⁶.

III. 2003-2020: проектирование будущих стратегических партнерских отношений между Китаем и АСЕАН¹⁷

Учет уроков истории служит выработке будущей стратегии. Если нынешние благоприятные условия для мирного подъема Китая сохраняются и в международной ситуации не произойдет коренных изменений, то отношения между Китаем и АСЕАН будут продолжать углубляться. Поэтому формирование на нынешней основе стратегического партнерства между Китаем и АСЕАН в предстоящие 20 лет становится актуальной проблемой, которой должны заниматься научные и политические круги.

1. Разграничение временных рамок стратегии

Временная ось

Почти двадцатилетний период 2003-2020 гг. чрезвычайно важен для Китая и АСЕАН. Это ключевой период подъема Китая, так называемый "период стратегических шансов". В целом следует отметить, что первые 20 лет XXI века являются для КНР периодом наиболее важных стратегических шансов, которыми необходимо обязательно воспользоваться и которые дают возможность добиться многого. За первое двадцатилетие нынешнего века мы должны сосредоточить силы для развертывания в интересах более чем миллиардного населения КНР всестороннего строительства общества средней зажиточности на более высоком уровне..." "Это неизбежный период развития в осуществлении стратегических задач третьего этапа модернизации, соединяющий последующее с предыдущим"¹⁸. Для АСЕАН он станет ключевым периодом углубления процесса интеграции. АСЕАН планирует до 2020-го года создать три общности, охватывающие экономику, безопасность, а также общество и культуру¹⁹.

Для стратегии развития Китая и АСЕАН характерны совпадающие временные начала. В 2003 г. они установили отношения стратегического партнерства, поэтому он весьма знаменателен. Решено, что в 2010 г. Китай и АСЕАН создадут зону свободной торговли. В 2020 г. обе стороны осуществят этапные цели развития. Соответственно этот почти 20-летний период можно подразделить на два этапа: 2003-2010 и 2011-2020 гг.²⁰.

Пространственная ось

Следует подчеркнуть, что поскольку первоначальная модель азиатской стратегии Китая уже оформилась, развитие стратегических партнерских отношений между ним и АСЕАН должно рассматриваться в общеазиатских рамках. Некоторые китайские ученые предложили теоретическое обоснование азиатской стратегии Китая. Например, профессор дипломатического института Лю Шань считает, что в долгосрочном плане подъем Азии является неодолимой исторической тенденцией²¹. Доктор Сяо Хуаньжун теоретически обосновывает необходимость для Китая продвигать концепцию "азиатского регионализма" и предлагает идею разработки "китайской стратегии регионализма"²². Что же касается политических кругов, то в одном из выступлений тов. Цзян Цзяминя, озаглавленном "Укреплять сплоченность и сотрудничество Азии, содействовать миру и развитию во всем мире," было официально выдвинуто четыре предложения о "дальнейшем укреплении регионального сотрудничества в Азии"²³. Вэнь Цзябао, участвуя в саммите КНР и АСЕАН по инвестициям в октябре 2003 г., выступил по теме "Развитие Китая и подъем Азии". В этом выступлении были выдвинуты три важнейших идеи: а) развитие Китая и подъем Азии тесно связаны между собой; б) необходимо создавать благоприятную ситуацию для развития всей Азии; в) выдвинута политика "добраго соседа, богатого соседа, безопасного соседа"²⁴. В ноябре 2003 г. премьер Вэнь Цзябао выступил на азиатском форуме с речью, озаглавленной "Встретим вызовы, используем шансы, добьемся общего выигрыша". Центральной идеей выступления была идея "совместного выигрыша" для стран Азии²⁵. Из этого можно заключить, что стимулирование регионального сотрудничества в Азии и достижение подъема этого региона стали содержанием азиатской стратегии Китая. Мы можем выдвинуть такую гипотезу: путем взаимодействия с ЮВА осуществляется взаимовыгодное развитие ЮВА и юго-западных регионов КНР; путем взаимодействия Шанхайской организации сотрудничества со странами Центральной Азии осуществляется взаимовыгодное развитие этих стран и северо-западных регионов КНР; путем стимулирования всестороннего взаимодействия Китая, Японии и Южной Кореи можно также связать воедино погра-

нические и внутренние районы Китая, приморские районы, а также еще более обширное подбрюшье Азии. В этом смысле сотрудничество Китая и АСЕАН является органической составной частью азиатской стратегии Китая. Быстрое развитие и сравнительная зрелость этой стратегии способны содействовать развитию отношений КНР с другими регионами Азии.

Стратегические цели

В намеченных выше временных рамках Китаю и АСЕАН необходимо установить взаимопонимание в вопросах "сотрудничества и совместного выигрыша". Во-первых, для прогресса в азиатском сотрудничестве необходимо достичь согласованности в Азии. "Китай — это азиатское государство. Китайская стратегия азиатского регионализма в первую очередь нуждается в высвобождении от традиций идеологии, свойственной системе старого типа "сюзерен — данник", и внедрении идеологии азиатского согласия, связанной с системой национальных государств, чтобы общая цивилизация будущей Азии служила орудием внутрорегионального сплочения и вместе с тем была своего рода противовесом, предотвращающим слепую нетерпимость и неприятие "открытости"²⁶. А "сотрудничество, мир и общий выигрыш" способны удовлетворить это требование. "Мир — это самое драгоценное", что означает разрешение споров путем консультаций и диалога. А совместный выигрыш означает, что "подъем и развитие Азии" отвечают интересам и потребностям всех сторон. Помимо этого, Китай и АСЕАН, стимулируя между собой стратегические партнерские отношения, должны разъяснять легальность своей концепции и демонстрировать пример открытости. Судя по результатам, достигнутым за 12 лет отношений между КНР и АСЕАН, принципы "сотрудничество", "мир — самое драгоценное" и "совместный выигрыш" стали общим понятием для обеих сторон. В преддверии будущего Китай и АСЕАН должны корректировать эти узловые идеи и добиваться общего эффекта. Учитывая это, нужно и дальше думать о том, какой тактики следует придерживаться для состыковки с тремя сообществами АСЕАН.

2. Центр тяжести стратегии

На первом этапе центром тяжести является обеспечение успешного создания в намечаемые сроки зоны свободной торговли. Крупнейшая проблема состоит в преодолении тормозящих факторов, в особенности внеэкономических. Поскольку между КНР и организацией АСЕАН в целом ведутся переговоры и их содержание становится все более детальным и сложным, для процесса согласований внутри АСЕАН требуется больше времени. Здесь на первый план выступают факторы президентских выборов и смена правительств в странах АСЕАН. В Индонезии, Филиппинах, Малайзии и других странах в 2004 г. все основные усилия были направлены на президентские выборы 2005 г. В последующие годы в других странах также наступит горячая пора президентских выборов и смены правительств. После этого не исключается возможность того, что правительства скорректируют тактику на переговорах. Далее, в некоторых государствах низка эффективность работы администрации и к тому же она может прибегать к затягиваниям и выжиданию в интересах внутренних лоббистских групп. Кроме того, США и Япония предлагают отдельным членам АСЕАН заключить соглашения о двусторонней свободной торговле, а это может заставить эти страны пересмотреть первоочередность выбора КНР объектом переговоров.

На втором этапе для окончательного решения проблемы Южно-Китайского моря предлагается неординарный подход революционного характера. По указанной проблеме в научных кругах существует два общих понимания. Пер-

вое — разрешение проблемы Южно-Китайского моря — это длительный процесс. Второе — Китай и АСЕАН занимаются поиском форм и методов его разрешения. Товарищ Дэн Сяопин еще в 1978 г. выдвинул новую идею, согласно которой “суверенитет сохраняется за Китаем, споры прекращаются, освоение ведется совместно”. В июле 1992 г. конференция министров иностранных дел АСЕАН обнародовала “Заявление о Южно-Китайском море”, в котором подчеркивалось, что “необходимо использовать мирные средства” для разрешения спора о Южно-Китайских островах и создать условия, чтобы в коллективном порядке совместно с Китаем снять эту проблему. В 1999 г. Китай и АСЕАН открыли переговоры “Заявлением о деятельности в Южно-Китайском море”, а в конце 2002 г. приняли политическое обращение, одоблив заявление о деятельности сторон в Южно-Китайском море”. В сентябре 2003 г. председатель ПК ВСНП КНР У Банго во время посещения Филиппин выступил с идеей сотрудничества в освоении нефтяных ресурсов в районе Южно-Китайского моря. В настоящее время общим пониманием обеих сторон стал отказ от применения вооруженной силы для разрешения спора о Южно-Китайском море, это сопровождается политическими обещаниями и юридическими гарантиями. Сегодня вопрос состоит в том, как найти более оригинальные принципы и методы, которые были бы приемлемы для сторон. Поскольку здесь затрагивается проблема суверенитета, то решить эту проблему значительно труднее, чем создать между Китаем и АСЕАН зону свободной торговли. На первой стадии Китай может сделать упор на изучении, консультациях, зондировании, причем ключевым моментом является нетрадиционность, революционность решения. А на второй стадии при наличии более прочного политического и экономического сотрудничества сторон можно вновь взяться за существенное разрешение проблемы Южно-Китайского моря.

3. Несколько новых областей сотрудничества

Во-первых, это — усиление борьбы с терроризмом и в особенности сотрудничество в сфере охраны безопасности морских коммуникаций. Китай может рассмотреть вопрос о поиске точек соприкосновения в этой области с сообществом безопасности АСЕАН. Полицейские органы обеих сторон должны сформировать механизмы взаимодействия и укреплять сотрудничество в обмене антитеррористической информацией, в области принятия неотложных мер, капитального строительства и т.д. Кроме того, в связи с тем, что китайский импорт энергоносителей поступает главным образом с Ближнего Востока, из Индонезии и из Австралии, основные транспортные трассы проходят в Индийском океане, Малаккском проливе и Южно-Китайском море. А этот путь находится в поясе ЮВА, где терроризм представляет собой серьезную угрозу. Помимо этого, из пяти районов мира, где наиболее активно действуют морские пираты, два наиболее опасных находятся здесь. Поскольку в Малаккском проливе и других районах наблюдаются крупномасштабные проявления террористической деятельности, в особенности террористические нападения пиратского типа, вся транспортная артерия способна блокироваться и это может почувствовать весь мир. Вот почему прорывным для Китая и АСЕАН может быть усиление совместной борьбы с морскими пиратами²⁷.

Во-вторых — проблема экологической безопасности, сопряженная с освоением Большого Меконга. Таиланд, Камбоджа, Вьетнам и другие страны заявляют, что строительство Китаем гидроэлектрических сооружений, а также углубление речного фарватера в верховьях Меконга ухудшают экологическую среду в этих государствах²⁸. Юньшэн заявлял, что 70% камбоджийцев живут за счет реки Меконг и озера Тунлиса, однако в последние годы действия Китая в верховьях Меконга по строительству дамбы и взрывы в русле реки

ухудшают экологию Камбоджи²⁹. В 2005 г. в Китае состоится вторая встреча руководителей “Организации сотрудничества подрегионов Большого Меконга” (GMS), и это должна быть хорошая возможность для решения такого рода проблем.

В-третьих, проблема преступности и правоспособности зарубежных китайцев. В последние годы проблема зарубежных китайцев и новых переселенцев стала немаловажным фактором, влияющим на отношения Китая со странами АСЕАН. Здесь наиболее значимым вопросом является преступность и личная безопасность зарубежных китайцев. Согласно утверждениям филиппинской полиции, 70% наркопреступлений в этой стране связаны с китайцами. Проблема личной безопасности китайских студентов, обучающихся в странах-членах АСЕАН, а также китайского рабочего персонала становится все более серьезной. Поэтому безотлагательно необходимо усиление взаимодействия полиции Китая и АСЕАН.

В-четвертых, согласование интересов крупных государств в этом регионе и расширение областей их сотрудничества

а) Можно снизить степень подозрительности крупных держав в отношении Китая. Под напором “энергичной дипломатии” КНР на протяжении последних нескольких лет США, Япония, Россия, Индия и другие надрегиональные крупные государства постоянно расширяют стратегическое проникновение в данный регион. Соответственно, непрерывно ведутся разговоры о том, что “Китай бросает вызов интересам США в этом регионе”, “Япония и Китай соперничают за верховенство в ЮВА”, “Индия проводит в жизнь стратегию наступления на Восток, сдерживая Китай”. По этой причине согласованность и сотрудничество крупных государств были бы полезны для укрепления доверия и снятия подозрительности в отношении Китая.

б) Согласование и сотрудничество благоприятствуют защите интересов крупных держав в данном регионе. Так, два крупнейших в Восточной Азии экономических субъекта и страны с наибольшим влиянием — Китай и Япония, имеющие свои плюсы и преимущества, в долгосрочном плане являются незаменимыми, и координация между ними — ключевое звено сотрудничества в Восточной Азии. Один из политиков старшего поколения Ясучиро Накасоне заявил: “Япония должна создать механизм сотрудничества в Азии с Китаем и АСЕАН. Если между Китаем и Японией начнется борьба по проблеме АСЕАН, то Японии это ничего не даст”³⁰. Китайский потенциал развития и преимуществ рынка, преимущества Японии в области финансов и ИТ способны с разных сторон приводить в движение развитие сотрудничества в Восточной Азии. Кроме того, скоординированность между Китаем и Японией может снизить себестоимость переговоров с АСЕАН о зоне свободной торговли, расширить сотрудничество в отношении освоения Большого Меконга. Все это полезно для обеих сторон. Кроме того, Китай, США, Япония, Россия, Индия и АСЕАН могут подумать о создании и реализации в рамках регионального форума АСЕАН механизма сотрудничества по обеспечению безопасности морских коммуникаций.

Заключение

За довольно продолжительный 30 летний период — с 1991 по 2020 гг. — между Китаем и АСЕАН были установлены первоначальные контакты, затем построены отношения стратегического партнерства. Сейчас эти отношения продолжают углубляться. История развития связей КНР с АСЕАН в 1991-2003 гг. свидетельствует о том, что подъем Китая привел движение этих отношений в позитивном направлении. Неоспоримость такого заключения ведет к тому, что концепция “китайской угрозы” и другие сдерживающие развитие двусторонних отношений факторы являются второстепенными и неспособны повлиять на общую ситуацию в них. Исходя из этого, автор статьи предлагает

стратегию развития стратегических партнерских отношений между Китаем и АСЕАН на период 2003-2020 гг. Ядро концепции — стимулирование азиатского соглашения на базе "сотрудничества, мира и общего выигрыша". На первом этапе в 2003-2010 гг. центр тяжести стратегии заключается в обеспечении создания зоны свободной торговли между Китаем и АСЕАН. На втором этапе в 2011-2020 гг. центр тяжести переместится в область разработки нетрадиционного, революционного решения проблемы Южно-Китайского моря. Между тем обе стороны могут распространить сотрудничество на множество новых сфер.

© 2005

Перевод с китайского языка В. Барышникова

1. Объектом исследования в данной статье являются отношения Китая с АСЕАН в целом, поэтому в ней не затрагиваются контакты с отдельными странами-членами этой организации.
2. См. Янь Сюэтун и др. "Подъем Китая — оценка международной среды". Тяньцзинь жэньминь чубаньшэ, 1998. С. 139.
3. Хуайцю шибао. 14.11.2003. Нью Цзюнь. "В Китае и за рубежом по-разному толкуют понятие подъема Китая".
4. См. Цзян Цзэминь. "Всесторонне строить общество сяокан, создавать новую ситуацию в деле социализма с китайской спецификой" — доклад на XVI Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая (8.11.2002), Жэньминь жибао чубаньшэ, 2002. См. также Вэнь Цзябао. "Развитие Китая и подъем Азии", сайт министерства иностранных дел Китая — "Премьер Вэнь Цзябао принял участие в саммите АСЕАН по торговле и инвестициям и выступил с речью", <http://www.fmprc.gov.cn/chn/wjdt/wshd/t26502.htm>.
5. Цзян Цзэминь "Всесторонне строить общество сяокан, создавать новую ситуацию в деле социализма с китайской спецификой" — доклад на XVI Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая (8.11.2002)". С. 18.
6. См. "Отношения Китая с АСЕАН" в сайте МИД КНР, <http://www.fmprc.gov.cn/chn/wji/zjg/gjs/gjzyhy/1140/t4595.htm>.
7. Совместное заявление руководителей Китайской Народной Республики и стран АСЕАН (полный текст), см. сайт Чжун синьшэ.
8. Цин Яцинь "Положение государства, стратегия, культура и интересы безопасности — о трех гипотезах, касающихся отношений Китая с международным сообществом". "Шицзе цзинцзи юй чжэнчжи", 2003. № 1.
9. "Документ о позиции Китая в связи с новой концепцией безопасности", см. сайт министерства иностранных дел КНР; <http://www.fmprc.gov.cn/chn/wjb/zzje/gjs/gjzyhy/1136/1138/t4549.htm>.
10. Заявление о деятельности сторон в Южно-Китайском море", см. сайт министерства иностранных дел КНР, <http://www.fmprc.gov.cn/chn/wjb/zjg/gjzyhy/1136/1138/t4553.htm>.
11. Подробнее см. официальный сайт АСЕАН: www.aseansec.org/3631/htm.
12. Чжай Кунь "Краткий комментарий к вступлению Китая в "Договор о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии", "Сяньдай гоцзи гуаньси", 2003. № 11.
13. См. Ван Чжэнь "Теория развития пограничной полосы — мировая система и развитие ЮВА". Шанхай. Жэньминь чубаньшэ, 1997. С. 215-221.
14. См. Янь Сюэтун и др. Цит. соч. С. 72-79.
15. "Теория управления международными кризисами". Исследовательский центр управления и противостояния кризисам при Китайском институте современных международных отношений, 2003, Шицзе чубаньшэ С. 1-26.
16. Чжай Кунь "Краткий комментарий к вступлению Китая в "Договор о дружбе и сотрудничестве Юго-Восточной Азии", "Сяньдай гоцзи гуаньси", 2003. № 11.
17. Формирование точек зрения, излагаемых в данном разделе, принадлежит старшему поколению сотрудников Китайского института современных международных отношений, друзей из Форума Цинфэнь, а также аспирантам по специальности международная политика 2002 года обучения Института международных отношений.

18. Цзян Цзэминь "Всесторонне строить общество, "сяокан", создавать новую ситуацию в деле социализма с китайской спецификой — доклад на XVI Всекитайском съезде КПК (8.11.2002)". Жэньминь чубаньшэ, 2002. С. 19.
19. См. сайт Чжунсинь. "Лидеры АСЕАН подписывают 2-й Балийский манифест" о создании в 2020 г. единого рынка" <http://www.chinanews.com/n/2003-10-07/26/354350.html>
20. Необходимо пояснить, что эти периоды выделяются в соответствии с поставленными обеими сторонами стратегическими целями и что их фактическая реализация может выходить за рамки этих периодов.
21. Лю Шань "Новая теория внешней политики Китая", Шицзэ чжиши чубаньшэ, 1997. С. 183.
22. Сяо Хуаньжун "Ответственность Китая как крупной державы и стратегия регионализма", "Шицзе цзинци юй чжэнчжи", 2003. № 1.
23. "Цзян Цзэминь о социализме с китайской спецификой (выдержки из выступлений)". Составитель исследовательский кабинет документов ЦК КПК, Чжунъян взньсянь чубаньшэ, 2002. С. 548.
24. См. сайт министерства иностранных дел Китая, "Премьер Вэнь Цзябао участвует в саммите АСЕАН по торговле и инвестициям и выступает с речью", <http://www.fmprc.gov.cn/chn/wjdt/wshd/t26502.htm>
25. "Используем шанс, встретим вызовы, будем вместе преодолевать нищету", См. сайт министерства иностранных дел, <http://www.fmprc.gov.cn/chn/wjb/zzjg/yzs/dqzywt/t39953.htm>.
26. Сяо Хуаньжун "Ответственность Китая как крупной державы и концепция регионализма", "Шицзе цзинци юй чжэнчжи", 2003. № 1.
27. "О нетрадиционной безопасности" (гл. ред. Лу Чжунвэй), Шиши чубаньшэ, 2003. С. 514-520.
28. Alan Boyd, "Скрытые распри вокруг строительства на реке Меконг", "Сянган, "Ячжоу шибao цзайсянь", 19.11.2002.
29. "Река Меконг становится путем наступления на ЮВА", см. <http://www/networkchinese.com/region/asiapac/taluni.html>
30. "Япония должна контактировать с "китайским драконом". "Хэйян шибao" Сингапур, 14.11.2003.

К 40-летию Института Дальнего Востока РАН

О перспективах развития Китая

© 2005

В. Портяков

Как полагают социологи, планирование будущей жизни относится к числу базовых потребностей человека — наряду с потребностями в пище, жилье, продолжении рода. Без большой натяжки это же можно сказать и о государствах, для которых определение долгосрочных перспектив развития само по себе является одним из действенных инструментов постановки и решения как тех или иных конкретных крупных проблем, так и общих задач сохранения и укрепления национальной безопасности, территориальной целостности, международной конкурентоспособности и позиций в мире в целом.

Китайскую Народную Республику можно отнести к числу мировых лидеров по количеству посвященных ей прогнозов, что прямо связано с уникальным для мировой истории подержанием Китаем стабильно высоких — в среднем более 9% в год — темпов экономического роста на протяжении четверти столетия и с его превращением в одно из важнейших государств современного мира.

Среди китайских работ прогнозного характера наиболее широкую известность получили труды ученых-экономистов Лю Гогуана, Чжоу Шуляня (1980-е годы), Ли Цзинвэня (1990-е годы), Ху Аньгана, серии коллективных "Докладов о модернизации Китая" (2001-2005 гг.) и "Докладов о стратегии устойчивого развития Китая" (1999-2004 гг.). Внимание мировой общественности к оценке перспектив развития Китая отражено в фундаментальном докладе Всемирного банка "Китай в 2020 году" (1997 г.), в прогнозных докладах Международного валютного фонда "Мировое экономическое обозрение", в регулярных спецвыпусках по Китаю ведущих англоязычных еженедельников "Economist" и "Newsweek". (Показательно, например, заглавие редакционной статьи спецвыпуска "Newsweek" по Китаю от 9 мая 2005 г., написанной главным редактором журнала Фаридом Закариа: "Принадлежит ли будущее Китаю?").

Российской научной общественности хорошо известны прогнозы развития экономики Китая, подготовленные И.Н. Наумовым (ИДВ РАН). Комплексной оценке факторов, способных повлиять на будущее Китая, посвящена не-

давняя коллективная монография ученых Института Дальнего Востока РАН "Китай: угрозы, риски, вызовы развитию"³.

Попытаемся и мы, прежде всего на основе исходных китайских данных, проанализировать вероятные перспективы экономического и общественного развития Китайской Народной Республики.

Основные результаты модернизации Китая

Начав практическое осуществление "четырёх модернизаций" — промышленности, сельского хозяйства, обороны, науки и техники — в 1980-е годы, КНР к 2000 г. в основном достигла параметров экономического развития, намечавшихся на последнее двадцатилетие XX века.

Роль своего рода программы модернизации сыграла серия работ "Китай в 2000-м году", подготовленная в 1983-1986 гг. китайскими учеными на основе поставленной руководством страны задачи увеличения совокупной продукции промышленности и сельского хозяйства к 2000-му году в 4 раза по сравнению с 1980 г. (позднее ее заменили на "учетверение" годового объема ВВП).

Ученые предложили комплексный набор взаимосвязанных количественных и качественных ориентиров развития, отвечавших тогдашнему представлению китайской элиты о желаемом уровне модернизации экономики страны к концу XX века. На деле Китай в целом вышел на несколько лучшие, чем прогнозировали ученые, количественные, а в ряде случаев — и качественные показатели. Так, ВВП КНР в 2000 г. увеличился по сравнению с 1980 г. в 6,4 раза при прогнозе от 3,5 до 4,2 раз.

Особо следует выделить успехи Китая в развитии физической экономики, в том числе в строительстве объектов инфраструктуры и формировании современной системы телекоммуникаций.

За четверть века экономических реформ производство в КНР основных видов промышленной продукции многократно возросло: стали с 31,78 млн т в предреформенном 1978 г. до 272,8 млн т в 2004 г., автомобилей — со 149 тысяч до 5,07 млн, телевизоров — с 4 тысяч до 73,3 млн, персональных компьютеров — с 82 тысяч (1990 г.) до 45,1 млн штук, выработка электроэнергии — с 256,6 до 2187 млрд кВт/час⁴.

Представляется, что именно ставка на развитие физической экономики в значительной мере позволила Китаю компенсировать слабости кредитно-денежной системы страны и повысить устойчивость своей экономики перед лицом потрясений в мировом хозяйстве.

Существенно более высокими по сравнению с прогнозными оказались показатели наличия у населения различной бытовой техники (особенно это касается холодильников и телевизоров), а фактическая телефонизация обогнала прогнозную в разы (достигнутый уровень — 20 телефонных аппаратов на 100 человек при прогнозе в 3,25). Экономический рост Китая оказался менее энергоемким, чем предполагалось. В то же время несколько завышенными оказались прогнозы возможного уровня развития аграрного сектора. К тому же в реальной жизни динамика модернизации города и деревни пошла заметно менее синхронно, чем надеялись ученые. Соответственно, не удалось достичь намечавшегося уровня по многим показателям развития села и прежде всего по среднедушевым доходам сельских жителей. В ценах 1980 г. они в 2000 г. составили 498 юаней на человека при прогнозе в 667 юаней (в городе 1563 юаня на человека — достигнутый уровень и 1380 юаней — прогнозный). Как следствие, Китай, несмотря на завораживающие темпы роста, вышел в 2000 г. только на 6-е место по абсолютному размеру валового национального продукта вместо ожидавшегося 5-го и только на 149-е место по среднедушевому ВНП вместо позиции в диапазоне от восьмидесятого до сотого места по прогнозу (см. таблицу 1.)

Таблица 1.

Китай в 2000-м году: сопоставление прогноза и реальных результатов

Наименование	Ед. измерения	Результат	Прогноз
Прирост ВВП к 1980 г.	разы	6,4	3,5-4,2
Прирост среднедушевого ВВП	разы	5	3,5-4,2
Место Китая в мире по объему ВВП		6	5
Место Китая в мире по среднедушевому ВВП		149	80-100
Уровень потребления населения:	юаней на человека в ценах 1980 г.	778	791
в т.ч. городское население	"-	1563	1380
сельское население	"-	498	667
Выработка электроэнергии	млрд. кВт/час	1355,6	1220
Уровень телефонизации	кол-во стационарных телефонов на 100 чел.	20,1	3,25
Пользование домашними холодильниками:	штук на 100 чел.		0,6
в городе		25,6	
в деревне		2,9	
Сбор зерна	млн. тонн	462,18	518-535
Производство мяса	млн. тонн	61,25	27,8-36,0
Количество студентов в ВУЗах	млн. чел.	5,56	3,9

Источник: Ли Шаньтун. "2000 нянь Чжунго" юйцэ цзего юй шицзи фачжань цинхуан дуйби. ("Китай в 2000-м году: сопоставление прогноза и реального результата) — Чжунго цзинцзи шибао, 05.07.2001.

Действенным инструментом реализации целей модернизации явилась реформа хозяйственной системы. Китаю удалось добиться постепенного, поэтапного перехода от административно-командной к преимущественно рыночной экономике. Осуществлявшийся при сильной макроконтролирующей роли государства, на базе всестороннего учета национальных особенностей и мощности бремени преобразований для населения, избранный Китаем градуалистский путь реформ обеспечил как удовлетворительное проведение самих реформ, так и динамичное наращивание производительных сил и приемлемый уровень социальной стабильности в стране.

Весьма значительными оказались успехи Китая в открытии своей экономики внешнему миру и углублении взаимодействия с мировым хозяйством. Китай стал третьей торговой державой мира и одним из ведущих получателей прямых иностранных инвестиций: к концу 2004 г. страна суммарно фактически использовала 562 млрд долл. таких инвестиций. На территории КНР зарегистрировано свыше 508 тысяч предприятий с иностранными инвестициями⁶. Сделав ставку на экспорт готовых изделий, позволяющих эффективно использовать главное сравнительное преимущество — дешевизну труда, Китай активно завоевывает все новые ниши на мировом рынке новой и высокотехнологичной

продукции. Так, в 2004 г. экспорт Китаем продукции электроники и информатики составил 200 млрд долл., или 34% общего объема экспорта страны⁶.

Определенные успехи были достигнуты Китаем и в деле повышения устойчивости развития за счет сокращения давления экономического роста на окружающую среду и более эффективного использования энергоресурсов. Однако сделанного здесь пока явно недостаточно. Даже несмотря на сокращение удельной энергоемкости экономики страны в 2000 г. на 64% по сравнению с 1980 г.⁷ (речь идет о затратах условного топлива на единицу ВВП), она остается выше среднемирового уровня. По оценкам китайских экологов, в середине 1990-х годов экологический рост в КНР на две трети осуществлялся на базе своего рода "онкологического займа" у окружающей среды, т.е. сопровождался нанесением ей того или иного ущерба. В 2001 г. стоимостный ущерб от загрязнения окружающей среды оценивался в 3-4% годового ВВП⁸, не говоря уже о порождаемых таким загрязнением социальных проблемах.

Надо признать, что остающийся во многом экстенсивным экономический рост Китая, стимулирующий его претензии на потребление все большей доли мировых ресурсов, вольно или невольно явился одним из весомых факторов, породивших теорию так называемой "китайской угрозы" и способствующих ее устойчивому сохранению в массовом сознании жителей многих стран мира.

На наш взгляд, основные итоги, плюсы и минусы пройденного Китаем отрезка модернизации нашли концентрированное отражение в сформировавшейся в последние 20-25 лет модели экономического развития страны.

Рассматриваемая в политико-экономическом аспекте, модель развития представляет собой совокупность базовых особенностей социально-экономического бытия страны, определяемых ее экономическим прошлым и настоящим (уровень развития, масштабы и структура народного хозяйства), природными, трудовыми, финансовыми ресурсами, реально преследуемыми руководством страны целями развития, глубиной и формами взаимодействия национальной экономики с мировым хозяйством. В качестве важнейших компонентов модель включает: стратегию социально-экономического развития, тип экономического роста (экстенсивный или интенсивный), ту или иную комбинацию факторов роста, доминирующие особенности функционирования и вектор эволюции хозяйственного механизма, социальные параметры экономики (занятость, степень неравномерности распределения доходов, их уровень и структура использования и т.п.), специфику взаимодействия экономики с политическими институтами, общественной идеологией, ведущими традициями страны.

"Китайская модель" по своим базовым параметрам, безусловно, является моделью "догоняющего развития", когда целевыми ориентирами экономического роста и социального прогресса выступает достижение в исторически сжатые сроки того или иного уровня развития техники и технологии, абсолютного и среднечеловеческого производства валового национального продукта, объема доходов и структуры потребления населения, уже достигнутых другими странами. Вместе с тем сохранение Китаем собственной системы ценностных ориентаций, и прежде всего дополнение задачи модернизации производительных сил задачей строительства высокоразвитой духовной культуры, выгодно отличает Китай от многих других стран, также вставших на путь рыночной трансформации.

Наиболее сильными сторонами модели социально-экономического развития Китая стали ее ориентация на стратегические, долгосрочные цели развития, способность решать крупномасштабные проблемы, достаточно высокая степень учета объективных условий страны, умелое использование ее сравнительных преимуществ в факторах роста, неплохая адаптируемость к изменению внутренних и внешних условий функционирования.

К числу недостатков данной модели следует отнести крен к односторонней погоне за темпами роста экономики в ущерб сбалансированности, недостаточную опору на научно-технический прогресс в экономическом росте, поло-

винчатость многократных попыток совершенствования структуры народного хозяйства, порождаемую незавершенностью перехода к рынку гетерогенность, противоречивость экономической системы.

Главная задача, стоящая перед Китаем в деле корректировки нынешней модели экономического развития страны, заключается в завершении стратегического поворота от в основном экстенсивного к преимущественно интенсивному, менее ресурсоемкому и экологически щадящему типу экономического роста.

Международный контекст модернизации

Одним из центральных понятий в китайской концепции модернизации является категория “сяокан”, подразумевающая “малое благоденствие”, “скромный достаток”, “зажиточность”. Основное достоинство данной категории, позаимствованной Дэнь Сяопином из представлений древних мыслителей Китая, это ее встроенность в китайскую цивилизационную систему координат. Уровню “малого благосостояния” предшествует уровень “тепла и сытости” (“вэньбао”), а за ним должен последовать уровень “изобилия” (“фууй”).

Однако вполне понятная для китайцев и исторически оправданная категория “сяокан” не слишком удобна для международных сопоставлений и оценки прогресса КНР с точки зрения неких общих критериев модернизации. Этот пробел в значительной мере восполняет серия “Докладов о модернизации Китая”, подготовленных в 2001-2005 гг. группой ученых во главе с Хэ Чуаньци, представляющих Академию наук и Академию общественных наук Китая, Канцелярию ЦК КПК, Центр исследования проблем развития Госсовета, Министерство науки и техники, Государственный фонд естественных наук, университеты Пекинский и Цинхуа.

Основные теоретические посылки подхода авторов к оценке степени модернизации Китая таковы. Анализ мирового процесса модернизации с начала XVIII века свидетельствует о наличии двух “волн”, или типов модернизации.

Суть “первой” модернизации заключается в развитии индустриальной экономики. В более широком плане речь идет о переходе от аграрной эпохи к эпохе индустриальной, от аграрной экономики к экономике промышленной, от аграрного общества к обществу индустриальному и от аграрной цивилизации к цивилизации индустриальной.

Суть “второй” модернизации, соответственно, заключается в развитии информационной экономики или экономики знаний, а в более широком плане — в переходе от эпохи, экономики, общества и цивилизации, характеризующихся определением “индустриальная”, к эпохе знаний, экономике знаний, обществу знаний и цивилизации знаний. Становление обоих типов модернизации проходит через несколько последовательных этапов: начальный; развития; зрелости; переходный (к следующей фазе развития).⁸

Для оценки хода и результатов “первой модернизации” (основных стран мира — с 1960 г., КНР — с 1970 г.) использовались следующие показатели: ВВП (для КНР — ВВП); доли в ВВП добавленной стоимости сельского хозяйства, сферы услуг, промышленности; доли сельской рабочей силы и занятых в промышленности в экономически активном населении; доля городских жителей; средняя ожидаемая продолжительность жизни; выживаемость новорожденных (в возрасте до года); количество врачей на тысячу человек; грамотность населения; степень распространения высшего образования; соотношение добавленных стоимостей и занятых в сельском хозяйстве и промышленности.

Показатели, используемые для оценки “второй модернизации”, отчасти повторяют показатели, применяемые для анализа “первой модернизации”. Это доля городского населения, выживаемость детей до года, среднедушевой ВВП, доля добавленной стоимости сельского хозяйства и промышленности в ВВП и их соотношение, и некоторые другие. Среди новых показателей: доля затрат на НИОКР в ВВП, доля ученых и инженеров в общей численности населения

и среди занятых в народном хозяйстве, степень распространения среднего образования, количество обращений за получением патентов (в расчете на 1 млн человек), охват населения телевидением и доступом в Интернет, среднедушевая покупательная способность населения (по паритету покупательной способности национальных валют) и, наконец, среднедушевое потребление энергии.

Показатели “второй модернизации” оцениваются не только в комплексе, но и в разбивке на ряд групп, призванных отразить такие важные аспекты становления общества, основанного на “экономике знаний”, как обновление знаний (инновацию), распространение (передачу) знаний и использование знаний. При этом показатели, призванные отражать использование знаний, подразделяются на две подгруппы, характеризующие соответственно качество жизни и качество экономики.¹⁰

Китай по уровню “первой модернизации” в 1999 г. с 74 процентами осуществления (заметно выше среднего показателя стран с низкими доходами в 62%) находился на 64-м месте из 108 стран — по соседству с Албанией, Гватемалой и Ботсваной. По уровню “второй модернизации” он с 30 баллами занимал 56-ое место, лишь незначительно отставая от среднего показателя (36 баллов) стран со средними доходами. При этом Китай занимал более высокие позиции по обновлению (31-е) и распространению знаний (48-е), тогда как по качеству экономики его позиции, напротив, были существенно хуже — 68-е место (по качеству жизни — 53-е место). Следует особо подчеркнуть, что в данном случае речь идет не о КНР, а именно о Китае в целом, то есть с включением Гонконга, Макао и Тайваня, которое, естественно, несколько улучшило обще-китайские показатели осуществления и первой, и второй модернизации.

В 2002 г. Китай повысил показатель уровня “первой модернизации” до 79% и вышел на 60-е место из 108 ранжированных стран. Вместе с тем в сфере “второй модернизации” наблюдается, с точки зрения положения Китая в мировой иерархии, топтание на месте: он опустился на 58-ю позицию в 2000 г. и на 59-ю в 2001 г.¹¹

Здесь явно сказывается не отсутствие позитивной динамики в развитии наукоемких отраслей — она-то как раз весьма заметна — а крайне медленные сдвиги в развитии деревни в КНР, которые и подпортили общую картину.

Серия вышеохарактеризованных докладов о модернизации Китая весьма выпукло демонстрирует некоторые особенности модернизации страны (в данном случае мы абстрагируемся от политических нюансов и следуем принципу “единого Китая”).

Во-первых, очевидно, что избранная китайским руководством стратегия “догоняющего” развития оказалась в целом эффективной. По уровню “первой модернизации” Китай в 1990 г. занимал 86-е место, а в 1980 г. — 93-е. В осуществлении “второй модернизации” прогресс не был столь же линейным, однако на длительном временном отрезке все же заметным — 74-е место в 1970 г., 63-е — в 1980 г. и 71-е — в 1990 г.¹²

Во-вторых, страна переживает весьма своеобразный период одновременного осуществления модернизации обоих типов. В такой ситуации есть и свои плюсы, и свои минусы. Делая ставку на опережающее развитие информационных технологий, КНР одновременно рискует отчасти подменить достижениями “второй модернизации” какие-то логически незавершенные сюжеты “первой модернизации”, тем самым вольно или невольно наделяя социально-экономическое развитие страны в целом дополнительными противоречиями и диспропорциями. Видимо, китайские ученые вполне осознали вероятность такого негативного развития событий, и ввели новое понятие “комплексной модернизации”, соединяющее “первую” и “вторую” модернизации воедино.

В любом случае самостоятельную проблему представляет разрыв в уровне модернизации различных регионов Китая (см. таблицу 2).

Таблица 2.
Уровень модернизации различных регионов Китая по состоянию на 2001 г.

Наименование	Первая модернизация (Процент осуществления)	Вторая модернизация (Индекс)	Комплексная модернизация (Показатель уровня)
Гонконг	100	89	77
Тайвань	100	78	74
Аомэнь	100	76	65
Пекин	94	76	67
Шанхай	97	66	63
Гяньцзинь	93	54	50
Ляонин	89	41	40
Чжэцзян	86	36	37
Цзянсу	86	36	36
Гуандун	83	35	39
Хэйлунцзян	83	35	34
Шэньси	81	38	38
Цзилинь	81	34	36
Хубэй	81	31	34
Фуцзянь	80	30	34
Шаньдун	79	32	32
Шаньси	79	32	32
Чунцин	79	30	30
Сычуань	72	30	31
Синьцзян	75	28	31
Хэбэй	75	29	28
А РВ М	74	29	31
Хунань	74	28	30
Нинся	74	28	29
Цинхай	72	26	28
Хайнань	71	25	32
Аньхуй	71	27	27
Цзянси	70	26	29
Гуанси	69	25	28
Хэнань	69	26	25
Ганьсу	68	27	27
Юньнань	62	22	25
Гуйчжоу	62	22	24
Тибет	61	22	25
Китай в целом	78	31	32
Мир в среднем	90	46	51
Страны с высокими доходами	100	100	100
Страны со средними доходами	93	38	42
Страны с низкими доходами	59	20	23
Россия	92	62	54

Источник: Доклад о модернизации Китая-2004 (Чжунго сяньдайхуа баогао 2004). Пекин. Бэйцзин дасюэ чубаньшэ. 2004. С. 141, 292, 306, 315.

Хотя все провинции, автономные районы и города центрального подчинения КНР находятся в стадии осуществления “первой модернизации”, они, тем не менее, пребывают на разных этапах этого процесса. 9 регионов (Тибет, Гуйчжоу, Юньнань, Гуанси, Сычуань, Хэнань, Аньхой, Хайнань, АРВМ) находятся на начальном этапе, 15 регионов — на этапе развития, 4 — на этапе зрелости (Ляонин, Цзянсу, Чжэцзян, Гуандун) и 3 региона (Пекин, Тяньцзинь, Шанхай) — на этапе перехода ко “второй модернизации”.¹³ Соответственно, для КНР чрезвычайно важна дифференцированная стратегия регионального развития и осуществления модернизации.

Перспективы модернизации Китая на период до 2020 г.

16-й съезд КПК (ноябрь 2002 г.) вновь подтвердил, что именно процесс модернизации страны с модернизацией экономики в качестве основы остается, как минимум, на среднесрочную перспективу главным вектором общественно-политической жизни КНР. Съезд выдвинул задачи увеличения ВВП КНР в 2020 г. в 4 раза по сравнению с 2000-м и создания в стране “среднезажиточного общества”, чему соответствовал бы, по первым оценкам, выход на уровень среднедушевого ВВП примерно в 3000 долларов в год.

Уже сразу после съезда были сделаны первые прогнозы некоторых других возможных параметров “среднезажиточного общества” в Китае 2020 года. В частности, прогнозировался выход на уровень располагаемого дохода в городах и поселках в 18000 юаней на человека в ценах 2000 г. (в 2000 г. — 6280 юаней) и в 8000 юаней в сельских семьях (в 2000 г. — 2253 юаня). Предполагалось снизить коэффициент Энгеля (доля затрат на питание в общих расходах граждан) с нынешних 46% до 35%, существенно улучшить продвижение КНР к обществу, базирующемуся на “экономике знаний”. Так, долю выпускников средних школ, поступающих в вузы, с 11% в начале столетия намечено довести до 25%, а обеспеченность населения персональными компьютерами — с 9,7% семей до 20%. Решающее значение в изменении социального ландшафта Китая должно иметь прогнозируемое повышение уровня урбанизации с 36,2% до 56%.¹⁴

Наиболее детальная методология оценки “среднезажиточного общества” была предложена учеными Академии наук Китая в “Докладе о стратегии устойчивого развития Китая — 2004”, опубликованном в марте 2004 г.¹⁵

По мнению китайских ученых, колы скоро процесс строительства “среднезажиточного общества” отражает изменения, происходящие во всех сферах общественной жизни и прежде всего в экономике, социуме, культуре, политике, то для оценки хода и результатов этого процесса нужна комплексная система показателей, способных адекватно выявить динамичность, качество и справедливость развития. Для этих целей предложено использовать в общей сложности 40 показателей, разбитых на группы.

Динамичность развития призваны отразить показатели, характеризующие степень индустриализации, информатизации, маркетизации и урбанизации общества, а также инновационный потенциал науки и техники. По каждому направлению выбрано от одного (урбанизация) до семи (инновационный потенциал) конкретных критериев оценки. Так, уровень информатизации должен оцениваться по четырем критериям: среднедушевой объем услуг связи; количество компьютеров на 100 жителей; доступ в Интернет (на тысячу человек); количество телефонов на сто жителей. Степень маркетизации будет оцениваться по доле иностранных инвестиций в ВВП, соотношению объемов внешней торговли и ВВП, доле негосударственных секторов в совокупных общественных инвестициях в основные фонды.

Качество развития призваны отразить группы показателей, характеризующих его как таковое (рентабельность по себестоимости, оборачиваемость оборотных средств), качество функционирования общества (безработица, коэф-

фициент Энгеля, средняя ожидаемая продолжительность жизни и т.д.), а также степень интенсивности и экологичности экономики (удельные затраты воды и энергоносителей на единицу ВВП, коэффициент очистки сточных вод и т.п.).

Наконец, для оценки справедливости развития предложено использовать показатели разрыва доходов городского и сельского населения и равнодоступности граждан обоих полов к образованию и получению работы.

Для большей наглядности выделено 12 главных ориентиров, которых Китай намеревается достичь к 2020 г. В их числе:

- выход в тройку ведущих держав мира по комплексной мощи;
- повышение уровня урбанизации до 55%, формирование рациональной системы распределения населения по малым, средним и большим городам;
- достижение в приморской зоне “нулевого роста” населения к 2010 г., “нулевого роста” расходов ресурсов к 2015 г. и “нулевого роста” в ухудшении экологической обстановки к 2020 г.;
- вывод Китая в число пятнадцати ведущих стран мира по уровню информатизации и конкурентоспособности;
- доведение вклада фактора научно-технического прогресса в экономический рост до 65% и более;
- преодоление основных узких мест на пути устойчивого развития страны (обеспечение зерном, энергоносителями, ресурсами и т.п.);
- обеспечение базовых параметров национальной безопасности — продовольственной, энергетической, экологической, транспортной, санитарной и т.п.

Выделено три этапа реализации поставленных целей — соответственно 2010, 2015 и 2020 годы (очевидно, что они привязаны к сохранившейся в КНР системе пятилетних планов). В качестве примера общей логики подхода китайских ученых к проблеме можно привести ориентиры по энергоёмкости ВВП: к 2010 г. предполагается выйти на уровень затрат менее 800 кг условного топлива в расчете на 10 тысяч юаней ВВП; к 2015 г. — менее 600 кг и к 2020 г. — 300 кг и менее. Намечено поэтапное повышение доли затрат на НИОКР в ВВП — соответственно до 2%; 2,5%; 2,8%¹⁶.

Во множестве публикаций в китайской печати, посвященных проблеме “сяокан”, называются те или иные дополнительные параметры “среднезажиточного общества”. Так, по одному из прогнозов, ВВП Китая в 2020 г. может варьировать в пределах от 33 до 36 триллионов юаней, т.е. от 4 до 4,45 триллионов долларов (в пересчете по действующему официальному курсу)¹⁷.

Судя по всему, в ходе идущей ныне в КНР подготовки проекта пятилетнего плана на 2006-2010 годы некоторые ориентиры развития страны на среднесрочную перспективу будут еще более уточнены. По прогнозу директора Исследовательского центра проблем развития при Госсовете КНР Ван Мэнкуя, в 2010 г. ВВП Китая составит около 21,5 трлн. юаней, а среднедушевой ВВП — 1900 долларов¹⁸.

Разумеется, в региональном разрезе картина продвижения Китая по пути модернизации все еще будет оставаться весьма неоднородной. Предполагается, что к 2020 г. “первую модернизацию” (т.е. индустриализацию) завершат 18 регионов, к 2030 г. — 28 и к 2040 г. — все 34 (т.е. включая Тайвань, Гонконг и Аомэнь). В то же время только 10 из 34 регионов Китая достигнут к 2020 г. сложившегося к тому времени уровня среднеразвитых стран и регионов мира¹⁹.

Мало-помалу китайские политики и ученые начинают прогнозировать перспективы развития к 2020 г. не только экономики, но и общества в целом.

В частности, существенный шаг в утверждении идеи комплексности развития страны был сделан на 4-м пленуме ЦК КПК 16-го созыва (сентябрь 2004 г.), который принял “Решение об усилении управленческого потенциала КПК как правящей партии”. Из него следует, что одну из важнейших задач развития Китая на долгосрочную перспективу китайское руководство видит в

создании "гармоничного общества". По словам Ху Цзиньтао, главными характеристиками гармоничного социалистического общества являются "демократия и законность, равенство и справедливость, доверие и миролюбие, преисполненность жизненной силы, спокойствие и порядок, гармоничное сосуществование человека и природы". Путь к созданию такого общества лежит через балансирование интересов различных слоев общества и выработку эффективного механизма разрешения наиболее серьезных общественных противоречий²⁰.

Детальная разработка представлений о "гармоничном обществе" как одной из доминант будущего общества среднего достатка в Китае только начинается. Среди наиболее важных критериев гармоничного общества довольно часто называется рост "среднего класса" — с 19% в 2003 г. до 40% граждан в 2020 г.²¹

Вероятные сценарии развития Китая на долгосрочную перспективу

Научная мысль КНР с середины 1990-х годов неоднократно предпринимала попытки дать прогноз развития страны на более отдаленную перспективу, чем 2020 г. Широкую известность получил прогноз, выполненный в 1996-1997 гг. под руководством известного ученого-экономиста профессора Ли Цзинвэня, опубликованный в монографии "Мегатенденции экономики Китая в 21-м веке"²². Он детально изложен в работе российских китаеведов "Экономика Китая вступает в XXI век"²³.

Главные положения прогноза Ли Цзинвэня таковы. Во-первых, Китай способен, сочетая индустриализацию с информатизацией и развитие опорных отраслей с прорывами в научно-техническом прогрессе, к 2050 г. догнать развитые страны. Во-вторых, данную задачу предполагалось решать в три этапа. К 2010 г. предстоит довести производство ВВП до 20 трлн. юаней, или до 14 тыс. юаней в среднедушевом выражении. При среднегодовом приросте в период 2011-2030 гг. в 5,9% производство ВВП к 2030 г. должно достичь 62 трлн. юаней. При среднегодовом приросте в 2031-2040 гг. в 4,9% и в 2041-2050 гг. в 4,3% объем ВВП страны к середине столетия должен составить 153 трлн. юаней, или около 100 тысяч юаней на душу населения. В-третьих, экономический рост будет сопровождаться поступательными сдвигами в структуре народного хозяйства. Доля сельского хозяйства в ВВП по прогнозу должна сократиться за полстолетия с 17,4% до 6,2%, доля промышленности и строительства — с 51,7% до 42,1% при одновременном увеличении доли сферы услуг с 30,9% до 51,7%. В-четвертых, по абсолютному размеру ВВП, рассчитанному в текущих ценах США, КНР должна была обойти Соединенные Штаты в районе 2030 года, а к середине 21 века — вдвое превзойти их²⁴.

В целом, на наш взгляд, прогноз Ли Цзинвэня следует признать сверхоптимистичным. Он был выполнен еще до азиатского финансового кризиса, жестко обнажившего многие подводные камни "азиатской модели развития", на следование которой в общем и главном ориентировался и Китай. Кроме того, данный прогноз по сути дела абстрагировался от таких важных факторов, как ресурсное обеспечение заданных темпов роста и весьма вероятное внешнее давление — а они способны серьезно помешать реализации любой стратегии догоняющего развития, в том числе и китайской.

Следующий заслуживающий внимания долгосрочный прогноз, выполненный сотрудником Госстатуправления КНР Сюй Сяньчунем, был опубликован в 2002 г.²⁵ Хотя данный прогноз был подготовлен еще до 16-го съезда КПК, в Китае его продолжают рассматривать как заслуживающий доверия, о чем свидетельствует воспроизведение этого прогноза в "Докладе об устойчивом развитии Китая-2004". (См. таблицу 3).

Таблица 3.

Прогноз динамики увеличения ВВП Китая

Годы	ВВП, млрд. долл.	Годовой прирост, Процентов
2000	1080,0	7,5
2005	1550,5	7,5
2010	2226,0	7,5
2020	4178,3	6,5
2025	5460,9	5,5
2030	7137,2	5,5
2040	11083,9	4,5
2050	15634,9	3,5
2060	21012,0	3,0
2100	68542,0	3,0

Примечание: Прогноз выполнен в 2001 г. в ценах 2000 г., пересчет из юаней в доллары США — по среднему курсу за 1998-2000 годы.

Источник: Доклад о стратегии устойчивого развития Китая-2004 (2004 Чжунго хэ чистуй фачжань чжаньлюэ баогао). — Пекин. Кэсюэ чубаньшэ. 2004. С. 104.

В прогнозе Сюй Сяньчуня заслуживают быть отмеченными следующие главные моменты. Во-первых, он исходит из неуклонной тенденции постепенного затухания темпов прироста ВВП Китая. Во-вторых, в базовом прогнозе он значительно скромнее, чем Ли Цзиньвэнь, оценивает перспективы состязания Китая с США по абсолютному размеру ВВП. Так, соотношение ВВП КНР и США с 10,9% в 2000 г. должно возрасти до 36,1% в 2050 г. и остаться примерно таким же к концу 21-го века. В то же время, согласно прогнозу, Китай должен опередить по объему ВВП Японию в 2056 г. В-третьих, данная ситуация может радикально измениться в случае повышения курсовой стоимости юаня по отношению к доллару. Сюй Сяньчунь считает вполне вероятным повышение официальной курсовой стоимости юаня к доллару вдвое за период 2011-2050 гг. В этом случае Китай уверенно опередит к середине века Японию и станет второй экономикой в мире после США. В то же время Сюй рассматривает возможность достижения Китаем уровня США до конца столетия как незначительную.

В целом, на наш взгляд, данный прогноз не лишен недостатков: он носит сугубо количественный, расчетный, а не качественный характер и, кроме того, абстрагируется от цикличности развития экономики страны, которая в том или ином виде неизбежно сохранится и в длительной перспективе.

Последующие прогнозы развития экономики КНР на длительную перспективу можно условно разделить на две группы. Одни ученые придерживаются сугубо оптимистического взгляда, который базируется на способности КНР в течение длительного времени сохранять высокие темпы экономического роста. Примером может служить позиция Линь Ифу, директора Центра экономических исследований Китая Пекинского университета. По его мнению, в 2030 г. Китай сравняется с США по абсолютному размеру ВВП и выйдет на среднедушевой уровень ВВП в одну пятую от американского²⁴.

Другие ученые, прежде всего разработчики серии ежегодных докладов о модернизации Китая, занимают более осторожную позицию, во многом вытекающую из избранного ими комплексного подхода к оценке перспектив развития страны. Основные моменты оценки ими качественной стороны хода модернизации Китая в долгосрочном плане таковы.

К середине 21 века Китай может достичь среднемирового уровня модернизации и войти по степени модернизации экономики в число первых сорока стран. К 2080 г. он способен войти в число экономически развитых стран мира, а к концу столетия — вступить по уровню экономической модернизации в первую мировую десятку. Решающими факторами достижения поставленных целей в первой половине 21 века явится способность Китая повысить качество экономического роста, непрерывно совершенствовать структуру экономики и повышать ее международную конкурентоспособность²⁷.

Конкретные параметры социально-экономического развития Китая в 2050 г. в оценке Ху Чуаньци и его коллег представлены в таблице 4.

Таблица 4.

Оценка уровня модернизации Китая в первой половине 21 века

Наименование	Единица измерения	2000	2020	2030	2040	2050
Доля расходов на НИОКР в ВВП	%	1,0	2,0	2,4	3,0	3,6
Количество научных работников	человек на 10 тысяч жителей	5,5	12	18	26	39
Количество патентов	на миллион жителей	20	112	201	359	643
Охват средним образованием	%	63	85	89	94	99
Охват высшим образованием	%	7,2	24	34	48	68
Охват телевидением	количество телевизоров на тысячу человек	293	583	644	711	786
Доступ в Интернет	количество пользователей на 10 тысяч жителей	178	2000	3000	5000	8000
Урбанизация	%	36	53	61	71	81
Средняя ожидаемая продолжительность жизни	Лет	70	74	77	79	81
Среднедушевое энергопотребление	кг нефтяного эквивалента на человека	868	1902	2556	3435	4616
Среднедушевой ВВП	доллары США 2000 г.	840	2451	3992	6503	10593
Среднедушевой ВВП по паритету покупательной способности	доллары США 2000 г.	3920	11435	15368	20653	27756
Доля отраслей материального производства в ВВП	%	67	45	37	30	24
Доля занятых в материальном производстве	%	73	49	40	33	27

Источник: Доклад о модернизации Китая-2004. (Чжунго сяньдайхуа баогао 2004). — Пекин. Бэйцзин дасюэ чубаньшэ. С. 112.

При всей привлекательности данного прогноза он, на наш взгляд, также не лишен недостатков. Помимо традиционного для большинства прогнозов игнорирования цикличности экономического роста и воздействия внешнего фактора, прогноз Хэ Чуаньци и его коллег ориентирует страну на экспоненциальный рост энергопотребления.

В этом плане более привлекательной выглядит позиция авторов доклада об устойчивом развитии Китая, развивающих идею постепенного перехода страны к "рециркулярной экономике", то есть базирующейся на многократном вовлечении ограниченного объема ресурсов в хозяйственный оборот. Согласно их прогнозу, Китай способен к 2030 г. выйти на нулевой прирост населения, к 2040 г. — на нулевой прирост потребления энергоносителей и других видов природных ресурсов и к 2050 г. — остановить ухудшение окружающей среды и перейти к последовательному улучшению среды обитания²⁸.

Такова, в общих чертах, картина развития экономики Китая в долгосрочной перспективе в соответствии с представлениями китайских ученых-экономистов. Нетрудно убедиться, что при всех возможных оговорках она исходит из сценария поступательно-возвышательного осуществления модернизации страны, пусть и постепенно угасающим темпом, и ориентируется на принципиальную достижимость Китаем ведущих позиций в мире по абсолютному размеру ВВП.

На наш взгляд, оценка перспектив экономического развития Китая требует учета как минимум четырех факторов, способных непосредственно повлиять на перспективы модернизации. Это: политическое руководство, технический прогресс, цикличность экономического развития и внешняя реакция на возвышение Китая.

С позиций сегодняшнего дня дать сколько-нибудь определенный прогноз влияния будущего политического руководства на экономический рост в Китае не представляется возможным. Можно, однако, сделать ряд вполне естественных предположений. Так, вероятно нахождение тандема Ху Цзиньтао—Вэнь Цзябао у руководства страной до 2012 г. и подготовка ими преемников по своему усмотрению (не исключено, что будущие генсек и премьер уже сегодня возглавляют те или иные регионы Китая и находятся примерно в 50-летнем возрасте). В этом плане есть резон предположить высокую вероятность последовательных усилий руководства страны по реализации основных целей развития Китая, намеченных на период до 2020 г. Второй момент состоит в том, что нынешнее и следующее поколение руководителей Китая хорошо представляют себе пагубность как левацких авантюр, так и неподготовленных политических реформ, что является некоторой гарантией от поворота в Китае в следующие 20 лет к политике *a la* Мао Цзэдун или *a la* Горбачев.

Наконец, приверженность руководства страны идеям возрождения китайской нации и усиления Китая можно априори предсказать на все нынешнее столетие — различие здесь может быть лишь в инструментарии достижения целей, но не в них самих.

Конкретное воздействие фактора научно-технического прогресса на особенности экономического роста в долговременной перспективе малопредсказуемо. В принципиальном плане наибольшее значение будет иметь способность Китая из страны, имитирующей и воспроизводящей главным образом заимствованные технологии, стать создателем и производителем собственных новых технологий и массовых изделий на их базе. Кажется, накопление "критической массы", необходимой для прорыва на этом направлении, идет: здесь имеется в виду рост расходов на НИОКР, освоение производства все новых видов высокотехнологичных изделий и т.п. Важно также, что на повестку дня в Китае уже поставлена задача производства продукции мирового класса собственных

торговых марок и превращения страны из “мирового центра переработки” (“чжицзао”) в мировой центр “создания новой продукции” (“чуаньцзао”).

Весьма популярное в последние годы в КНР и за рубежом, в том числе в России, изучение цикличности экономического развития Китая преследует три основные цели: во-первых, выявить закономерности и факторы формирования понижательных и повышательных трендов в экономическом росте страны, во-вторых, выработать на этой основе рекомендации “дисижн-мэйкерам”, призванные помочь им избегать впредь крупных спадов в экономической динамике, в-третьих, использовать феномен цикличности для прогнозирования развития Китая в перспективе.

Большинство исследователей анализирует среднесрочные циклы в экономике КНР. Одну из последних по времени попыток такого рода (на наш взгляд, вполне адекватную реальной ситуации) предпринял директор Института экономики Академии общественных наук Китая Лю Шучэн. За период с 1953 г. по настоящее время он выделяет десять циклов, в т.ч. пять — в пореформенный период (последний цикл, начавшийся в 2002 г., еще не завершен)²⁹.

Таблица 5.

Экономические циклы в КНР

Период цикла (годы)	Разница в максимальных и минимальных темпах прироста (процентных пунктов)	Максимальный прирост ВВП в цикле (процент-год)	Продолжительность возвышательной фазы (лет)
1953-1957	9,9	15-1956	2
1958-1962	48,6	21,3-1958	1
1963-1968	24,0	18,3-1964	2
1969-1972	15,6	19,4-1970	2
1973-1976	10,3	8,7-1975	2
1977-1981	6,5	11,7-1978	2
1982-1986	6,4	15,2-1984	3
1987-1990	7,8	11,6-1987	1
1991-2001	7,1	14,2-1992	2

Источник: Лю Шучэн. Об укреплении и совершенствовании макроконтроля. (Лунь цзяцянь хэ гайшань хунгуань тяокун). Жэньминь жибао. 14.12.2004.

Из таблицы следует, что средняя продолжительность экономического цикла в КНР составляла примерно пять лет. По нашему мнению, одиннадцатилетний цикл 1991-2001 гг. легко заменяется двумя самостоятельными циклами: с 1991 г. по 1997 г. и с 1998 г. по 2002 г. включительно, которые различаются, соответственно, по проводимой премьерами Ли Пэнном и Чжу Жунцзи экономической политике. Такая продолжительность среднесрочного цикла подтверждает, на наш взгляд, мнение ряда ученых о весомой доле политического фактора в формировании циклов в КНР — на него приходится до $\frac{2}{3}$ волновой амплитуды, тогда как на экономические факторы — только $\frac{1}{3}$ амплитуды³⁰. Хотя по мере продвижения Китая по пути рыночных преобразований и углубления степени его вовлеченности в мировое хозяйство роль экономических факторов в формировании циклов будет возрастать, политические факторы, в силу специфики политической системы страны, будут играть весомую роль в этом процессе еще неопределенно долго.

Что касается особенностей самих среднесрочных циклов, то существенный интерес представляет прежде всего набор и последовательность их фаз. По классической схеме, предложенной Хоу Цинго, полный цикл проходит пять фаз: нормальное состояние, разогрев, перегрев, охлаждение, переохлаждение. Примером такого рода служит цикл 1958-1962 гг. Однако подчас переохлаждение и перегрев выпадают³¹.

Предпринимаются попытки выделить и более длинные циклы экономического развития Китая. Так, на основе критерия смены ведущих видов производств Чэнь Дунци предложил выделять 36-летние циклы, начиная с последней четверти 19-го века. Согласно этому подходу, Китай с 1980 г. переживает четвертый 36-летний цикл, причем во второй его фазе, проходимой в настоящее время, на роль ведущих отраслей выдвинулись автомобилестроение, электроника и жилищное строительство³².

Наконец, есть определенные основания выделять и еще более продолжительные циклы — примерно 60-летние и даже 80-летние, правда, в этом случае собственно экономические факторы играют подчиненную, фоновую роль, а на ведущее место выходит такой фактор, как крупные общественные потрясения и радикальные изменения в международном статусе Китая.

Например, вполне логичным выглядит следующий 60-летний цикл: 1840 г. (первая Опиумная война и начало закабаления Китая) — 1900 г. (восстание ихэтуаней и раздел Китая на сферы влияния империалистических держав) — 1960 г. (крайняя точка левачества) — 2020 г. (выход на промежуточный итог модернизации страны в виде общества “малого благоденствия”) — 2080 г. (выход в число экономически развитых стран мира).

Солитаризируясь в целом с мнением российских ученых А.С. и Н.А. Селищевых о том, что “экономический цикл остается весьма субъективным понятием”³³, подчеркнем, однако, что для анализа воздействия цикличности на будущее экономическое развитие Китая принципиально важно прежде всего само по себе наличие этого феномена как такового. Динамика экономического развития Китая немаломо свидетельствует о наличии ряда крупных срывов в развитии страны и множества более или менее существенных “заминок” на этом пути. Срывы были связаны либо с войнами (классический пример — период 1937-1945 гг.), либо с неадекватным возмощностям страны форсированием темпов роста (1958-1962 гг.), либо с внутривластической нестабильностью. Строго говоря, Китай не гарантирован от возникновения подобных ситуаций в будущем, пусть и в иных формах.

Соответственно, неизбежная цикличность развития будет в той или иной мере осложнять продвижение страны к искомым параметрам модернизации, делать его не столь плавным и поступательным, как хотелось бы Пекину.

В Китае осознают, что внешняя реакция на возвышение страны, даже самое что ни на есть мирное, далеко не всегда, не во всем и не единодушно будет благоприятной. Так или иначе, но растущий удельный вес КНР в мировой экономике и торговле, в импорте сырья и энергоносителей и в экспорте все более широкой гаммы готовой продукции будет сопровождаться не только потеснением конкурентов, но и ответной реакцией с их стороны. Как предполагает американский политолог Роберт Саттер, ведущие державы Азии — Япония, Китай, Индия, Россия — в настоящее время внимательно отслеживают потенциальное выдвигание друг друга. “И если одна из них превратится в доминирующую силу в Азии, какой, похоже, и собирается стать Китай, другие располагают выбором в пользу более тесной кооперации с США и друг с другом для защиты своих интересов”³⁴.

Активную политику КНР по созданию в перспективе целой сети зон свободной торговли с ее участием, прежде всего в Азии, можно рассматривать как один из важных элементов стратегии формирования благоприятствующей модернизации Китая международной и мирохозяйственной среды. В целом,

курс Пекина на формирование все более глубокой экономической взаимозависимости между Китаем и ведущими экономическими центрами мира можно рассматривать как своего рода упреждающую меру, которая позволит ограничить вероятное давление с их стороны на КНР.

Вышеприведенные соображения свидетельствуют, на наш взгляд, в пользу многовариантности перспектив экономического развития Китая. С позиций сегодняшнего дня можно говорить о четырех гипотетических сценариях экономического роста Китая.

А. Резкое возвышение. Такому сценарию соответствовал бы выход на 2-е место в мире вслед за США по абсолютному объему ВВП, пересчитанному из юаней в доллары по официальному курсу. Доля Китая в мировой торговле с нынешних 6% выросла бы до 9-10% с одновременным переходом на более высокие "этажи" в международном разделении труда.

Реализация подобного сценария требует длительного сохранения высоких темпов роста. При среднегодовом приросте ВВП в 7% за 20 лет он вырастет почти в 4 раза, а за 30 лет — в 7,6 раз.

Данный сценарий представляется не слишком вероятным. Цикличность экономического роста, какие-то осложнения и отливы практически неизбежны.

Б. Затухание темпов роста (после 2010 г. — до 5-6% в год, после 2020 г. — еще ниже). Сценарий вытекает из сегодняшних тенденций развития и обещает большую предсказуемость и покладистость Китая на международной арене.

В. Застой — затухание темпов роста до уровня, обеспечивающего только удовлетворение потребностей возрастающего населения и стагнацию общего уровня жизни. Этот сценарий вряд ли реализуется в ближайшие годы: Китай имеет огромный инвестиционный задел. Он возможен, однако, в случае ухудшения ситуации в мировой экономике.

Г. Срыв в экономическом развитии, под которым подразумевается скатывание страны к суженному воспроизводству. Эти варианты возможны только в случае гипотетической попытки силового восстановления суверенитета над Тайванем.

Угрозу срыва в результате смены общественного строя или тотальных внутренних беспорядков со счетов сбрасывать нельзя, хотя бы теоретически. Этот вариант хода событий с неконтролируемой миграцией, компенсаторной внешнеполитической агрессивностью и растущим национализмом был бы наихудшим и для самого Китая, и для международного сообщества.

Относительно вариантов общественно-политической эволюции Китая можно высказать следующие соображения.

Жизнеспособность действующей модели "социализма с китайской спецификой" будет и впредь подвергаться постоянному испытанию на прочность, давлению извне и изнутри.

Китайское руководство преисполнено решимости отстаивать собственную модель общественного развития, разумно адаптируя ее в соответствии с меняющейся ситуацией внутри и вне страны за счет расширения социальной базы правящей компартии, осторожного расширения внутрипартийной демократии, предельно гибкой экономической политики.

Практически невозможным представляется "югославский сценарий", т.е. насильственное смещение руководства страны под давлением извне — Китай уже сейчас достаточно могуществен, чтобы не допустить что-либо подобное.

В силу особенностей политической системы КНР в обозримой перспективе не актуален "тайваньский сценарий", т.е. потеря власти правящей партией в результате выборов.

Повторение в Китае "советского сценария" 1989 — 1991 гг. теоретически возможно в связи с наличием в стране определенных сил, заинтересован-

ных в получении формально легитимного права на обогащение (которое может быть получено только после отстранения КПК от власти) и сохраняющейся для части интеллигенции привлекательности института всеобщих выборов, прежде всего главы государства. Однако такой вариант трансформации отпугивает подавляющее большинство китайцев огромными издержками, в т.ч. абсолютно неприемлемой вероятностью дезинтеграции страны. Кроме того, на противодействие в первую очередь именно такому варианту “мирного перерождения” все последнее десятилетие была нацелена китайская пропаганда. В целом повторение в Китае “советского сценария” выглядит маловероятным.

Судя по современной ситуации, наиболее серьезную угрозу для нынешней политической системы Китая представляла бы неспособность властей справиться с критическим обострением внутривнутриполитической ситуации. Пожалуй, единственная причина, которая содержит потенциал такого обострения — все еще неудовлетворительное положение крестьянства (низкий размер доходов по сравнению с горожанами и в абсолютном выражении, постоянные побои и произвол администрации на местах, низкий социальный статус, непредставленность на политическом уровне и т.д.). Китайское руководство в целом осознает потенциальную опасность чего-то подобного исторически традиционному для страны “крестьянскому восстанию” и несколько активизировало в последние годы шаги по улучшению положения крестьян. Однако, на наш взгляд, ситуация в деревне, требующая для радикального улучшения многих лет акцентированных усилий, надолго останется серьезным фактором социальной нестабильности в Китае, по степени опасности не только сопоставимым, но даже превышающим угрозу тибетского и уйгурского сепаратизма.

Наконец, не снята с повестки дня возможность “ползучей декоммунизации” Китая вслед за углублением его интеграции в мировое хозяйство и распространением на все более широкий ареал общественной, политической и хозяйственной жизни страны “международных правил игры”, связанных с обязательствами, вытекающими из членства Китая в ВТО, проведения Олимпиады-2008 в Пекине и т.п. Однако, на наш взгляд, несомненное модифицирующее воздействие этого комплекса факторов на систему “социализма с китайской спецификой” не будет носить взрывного характера и в целом оставляет Китаю неплохие шансы достаточно гибко приспособляться к меняющейся ситуации, не отказываясь от декларированной ориентации на социалистический путь развития.

* * *

Предсказание будущего или, говоря современным языком, прогнозирование является весьма неблагоприятным занятием еще со времен Кассандры и Дельфийского оракула. Представление о том, на сколь крутые и непредсказуемые повороты способна История всего за два десятка лет, дает, например, сопоставление политической картины мира 1930-го и 1950-го, 1980-го и 2000-го годов.

И все же, на наш взгляд, вряд ли мы рискуем сильно ошибиться, предположив, что Китай при любом ходе событий будет оказывать существенное влияние на мировые политические и экономические процессы на протяжении всего нынешнего столетия.

1. См., например: World Economic Outlook. Globalization and External Imbalances. — International Monetary Fund. April 2005.
2. Fareed Zakaria. Does the Future Belong to China? — <http://www.msnbc.msn.com/id/7693580/site/newsweek/print/1/displaymode/1098/>
3. Китай: угрозы, риски, вызовы развитию. Под редакцией Василия Михеева. — М., Московский Центр Карнеги. 2005. 647 с.

4. Чжунго тунци чжайяо 2005. (Краткая статистика Китая 2005) — Пекин. 2005. С. 129-131.
5. <http://russian1.people.com.cn/31518/3120320.html>
6. <http://russian1.people.com.cn/31518/3132425.html>
7. <http://politics.people.com.cn/GB/30178/3148185.html>
8. Жэньминь жибао. 23.12.2004.
9. China to Realize Fully First Modernization around 2025 — http://english.people.com.cn/20030214/eng_20030214_111660.shtml; China's Modernization on Fast Track — http://english.people.com.cn/200203/25/eng_20020325_9277.shtml
10. Доклад о модернизации Китая 2002 ("Чжунго сяньдайхуа баогао 2002") — Пекин, Бэйцзин дасюэ чубаньшэ, 2002. С. 102-103, 130.
11. Report: China still in "first modernization". — http://english.people.com.cn/200402/05/eng_20040205_134008.shtml; Доклад о модернизации Китая 2004 ("Чжунго сяньдайхуа баогао 2004") — Пекин, Бэйцзин дасюэ чубаньшэ, 2004. С. VI.
12. См.: http://www.people.com.cn/GB/jingji/1037/23_17776.html; Доклад о модернизации Китая 2002. С. 56.
13. Доклад о модернизации Китая 2002. С. 76.
14. 100 вопросов в помощь к изучению доклада на 16-м съезде партии ("Дэндэ дэ шилю баогао сюэси фудао байвэнь"). Пекин. Жэньминь чубаньшэ. 2002. С. 83-84.
15. 2004 чжунго кэ чисюй фачжань чжаньлюэ баогао — Пекин. Кэсюэ чубаньшэ. 2004.
16. Там же. С. 303-313.
17. Бэйцзин циннянь бао. 18.09.2003.
18. Жэньминь жибао. 19.01.2005.
19. http://www.people.com.cn/GB/jingji/1037/23_17776.html
20. Жэньминь жибао. 27.09.2004; <http://russian1.people.com.cn/31521/3188488.html>
21. Дандэ шилюцзе сычжун цюаньхуй "Цзюэдин" сюэси фудао байвэнь (100 вопросов к изучению "Решения" 4-го пленума партии 16-го созыва) — Пекин. 2004. С. 197. К "среднему" классу здесь отнесены семьи с размером имущества от 150 тысяч до 300 тысяч юаней.
22. 21 шицзи Чжунго цзинци да цюйши. — Шэньян. 1998.
23. М.Л. Титаренко (Отв. ред.), И.Н. Наумов (руководитель авторского коллектива). Экономика Китая вступает в XXI век. — М., Институт Дальнего Востока РАН, 2004. С. 33-100.
24. Там же. С. 38-39, 51, 58.
25. Сюй Сяньчунь. Чжунго вэйлай цзинци цзэнчжан цзи ци гоцзи цзинци дивэй чжаньван. — Цзинци яньцзю. Пекин. 2002. № 3. С. 27-35.
26. China to become the world largest economic entity by 2030. — http://english.people.com.cn/200501/12/eng20050112_170361.html.
27. Доклад о модернизации Китая 2005 ("Чжунго сяньдайхуа баогао 2005") — Пекин, Бэйцзин дасюэ чубаньшэ, 2005. С. V-VI.
28. 2004 Чжунго кэ чисюй фачжань чжаньлюэ баогао. С. 197.
29. См.: Лю Шучэн. Чжунго цзинци дэ чжоуци бодун юй хунгуань тяокун (Циклические колебания китайской экономики и макроконтроль) — В: 2005 нянь: Чжунго цзинци синши фэньси юй юйцэ (Анализ и прогноз экономической ситуации в Китае — 2005). Пекин, Шэхуй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ. 2004. С. 43-55.
30. См.: Селищев А.С., Селищев Н.А. Китайская экономика в XXI веке. Санкт-Петербург, 2004. С. 179.
31. Цзинци жибао. 05.12.1987.
32. 2004 Чжунго кэ чисюй фачжань чжаньлюэ баогао. С. 97.
33. Селищев А.С., Селищев Н.А. Цит. соч. С. 193.
34. Sutter, Robert. China's Rise in Asia — Promises, Prospects and Implications for the United States. — Asia-Pacific Center for Security Studies. Honolulu. Occasional Paper Series/February 2005.

Российский Дальний Восток

Трудовая миграция из КНДР в Россию (середина 1940-х — 2003 гг.)

© 2005

Л. Забровская

По оценкам зарубежных экспертов, в начале XXI в. более 175 млн чел. населения планеты находилось за границей своих стран в поисках лучшей доли. В 1990-е годы только в странах ЕС прирост населения на 90% обеспечивался за счет мигрантов из стран Азии и Африки. В ближайшее десятилетие ожидается дальнейший рост миграции ввиду безработицы и низкого уровня жизни в странах-экспортерах трудовых ресурсов на мировой рынок. В свою очередь, трудовые мигранты ежегодно переводят на родину около 80 млрд долл, что, по подсчетам зарубежных исследователей, составляет вторую по величине статью дохода в развивающихся странах после зарубежной внешней помощи.

Этот процесс не обошел стороной и Корейский полуостров, население которого в течение всего XX в. находилось в движении. В первой половине XX в. корейцы переселялись в основном в соседние страны — в Северо-Восточный Китай, Дальний Восток России/СССР и Японию. В тот период времени корейская миграция за рубеж во многом носила стихийный безвозвратный характер и не регулировалась какими-либо внутренними законами или международными соглашениями.

После Второй мировой войны степень стихийности при переселении корейцев за рубеж несколько снизилась. При этом расширились географические рамки переселения корейцы продолжали мигрировать не только в вышеуказанные районы Восточной Азии, но и в другие страны Старого и Нового Света, главным образом, в США. Характер их миграции из безвозвратной трансформировался в возвратную, т.е. переселение было достаточно длительным, но заранее ограниченным по срокам пребывания в другой стране. Мигрировали в основном

Забровская Лариса Вячеславовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН.

Поддержка данного проекта была осуществлена АНО ИНО-Центр в рамках программы "Межрегиональные исследования в общественных науках" совместно с Министерством образования Российской Федерации, Институтом перспективных российских исследований им. Кеннана (США) при участии Корпорации Карнеги в Нью-Йорке (США), Фондом Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров (США). Точка зрения, отраженная в данном документе, может не совпадать с точкой зрения вышеперечисленных благотворительных организаций. Грант НКТК 041/1-3-03.

мужчины трудоспособного возраста, главным мотивом которых было зарабатывать денег и повышение таким путем своего социального статуса на родине.

В данной статье речь идет о трудовой миграции северокорейцев на Дальний Восток России/СССР, о мотивах миграции и основных ее результатах.

Северокорейская трудовая миграция на российском Дальнем Востоке имеет продолжительную историю. На всех этапах отношений СССР с КНДР вопросы трудовой миграции северокорейцев на Дальний Восток имели первостепенное значение и, как правило, полностью удовлетворялись советской стороной.

В трудовой миграции из Северной Кореи прослеживается по меньшей мере три волны:

— 1945 г.- начало 1950-х годов, которая была обусловлена нехваткой трудовых ресурсов на советском Дальнем Востоке;

— 1967 г. — начало 1990-х годов — вызвана политическими соображениями советского правительства, хотя и не была экономически целесообразна;

— 1992-2003 гг. — период контролируемой северокорейской трудовой миграции, которая сочетает как экономическую целесообразность, так и политические интересы России и КНДР.

Первая волна северокорейской трудовой миграции на советский Дальний Восток началась сразу же после освобождения Северной Кореи частями Советской Армии в 1945 г., когда советское правительство стало приглашать северокорейских безработных на сезонные работы в районы Дальнего Востока, который в то время нуждался в трудовых ресурсах. Северокорейские рабочие направлялись в северные отдаленные районы Хабаровского края, Сахалинской и Магаданской областей, где были заняты на сезонных работах в сельском хозяйстве, лесоразработке и рыбообработке. Так, в 1945-1948 гг. на Дальний Восток СССР прибыло более 20 тыс. северокорейских рабочих и более 5 тыс. членов их семей¹.

Ввиду того, что на такие тяжелые и непрестижные работы было мало желающих, северокорейские власти первоначально направляли туда своих заключенных. Это вызывало протесты со стороны советских местных властей, поэтому в дальнейшем власти Северной Кореи стали принудительно посылать квалифицированных рабочих.

Среди охотно ехавших на заработки на советский Дальний Восток были те, кто ранее жил в Приморье и был выселен за границу в 1937 г. Впоследствии эти корейцы постарались больше не возвращаться в Северную Корею и осели в СССР, получив советское гражданство. В этом им помогло то, что в конце 1940-х годов с обеих сторон не было достаточного контроля за въездом и выездом рабочих из Северной Кореи. Существенную роль в этом также сыграло длительное пребывание северокорейских рабочих на территории СССР и их самоотверженный труд, а также быстрая адаптация к новым условиям проживания, хорошее знание русского языка и, главное, общая экономическая ситуация на советском Дальнем Востоке, способствовавшая трудоустройству внешних мигрантов.

По всей видимости, условия работы и оплаты труда вполне устраивали северокорейских рабочих. Они не торопились возвращаться на родину, особенно в период после Корейской войны 1950-1953 гг., и постоянно продлевали трудовые контракты с дальневосточными предприятиями. Те же, кто отработал на Дальнем Востоке несколько лет и в середине 50-х годов решил вернуться на родину, смогли скопить значительные суммы денег — по 100-250 тыс. руб. на семью. Имущество многих семей погружалось на 1-2 четырехтонные машины².

В последующее десятилетие советская экономика Дальнего Востока не прибегала к использованию северокорейских трудовых ресурсов. Правительство КНДР также не предлагало своих рабочих для работы на Дальнем Востоке, т.к. само нуждалось в трудовых руках для восстановления разрушенной после

Корейской войны экономики страны. В 1959 г. правительство КНДР даже организовало репатриацию на родину нескольких тысяч японских корейцев, которые были полны энтузиазма строить социализм на Севере Корейского полуострова.

Однако с середины 1960-х годов демографическая ситуация внутри КНДР изменилась, подросло новое поколение, которое не могло быть полностью трудоустроено на массовых стройках социализма. Руководству КНДР опять пришлось обратиться за помощью к СССР.

В мае 1966 г. во время неофициальной встречи между Л.И.Брежневым и Ким Ир Сенем во Владивостоке была достигнута договоренность об отправке северококорейцев на работу на советском Дальнем Востоке³. С 1967 г. начался массовый (ежегодно в количестве 15 тыс. чел.) заезд северококорейских рабочих на лесозаготовительные работы в Верхнебуреинском районе Хабаровского края. С этого времени берет отсчет вторая волна северококорейской трудовой миграции на советский Дальний Восток, когда северококорейцы привлекались только на лесозаготовки в Хабаровском крае.

В 1975, 1977 и 1985 годах был подписан ряд соглашений о расширении площадей лесозаготовок на территории советского Дальнего Востока. По этим соглашениям советская сторона обязалась предоставлять технику и отводить участки леса под вырубку, а КНДР — свою рабочую силу. На территории Верхнебуреинского района были образованы поселения северококорейских рабочих, где они жили в закрытых от посторонних глаз поселках и по законам своей страны, что, по первоначальному замыслу, должно было предотвратить стычки и, вообще, любые контакты между местным населением и гражданами КНДР⁴.

Власти КНДР ограничили срок работы своих граждан в СССР тремя годами, чтобы они не могли полностью адаптироваться к советской действительности и не “заразились советским ревизионизмом”. Такие обстоятельства не стимулировали советских работодателей обучать их какой-либо профессии, поэтому труд северококорейцев использовался только на тяжелых физических работах, непрестижных среди местного населения.

После одного-трех лет работы на лесоповале северококорейцы возвращались домой, приобретая в СССР различные электробытовые приборы и продукты, которые в КНДР продавались по карточкам и в ограниченном количестве. Поэтому с 60-х годов поездки на работу в СССР стали очень популярны среди населения КНДР как возможность заработать и приобрести дефицитные товары.

В мае 1984 г. во время визита президента КНДР Ким Ир Сена в СССР была достигнута договоренность об увеличении численности северококорейских рабочих на советском Дальнем Востоке до 20-30 тыс. чел. и об изменении оплаты их работы с северококорейских вон на советские рубли, что позволяло КНДР несколько снизить остроту безработицы внутри страны и получать валюту, на которую затем в СССР закупались необходимые товары.

После этого визита Ким Ир Сена для северококорейских рабочих на лесоразработках в Хабаровском крае, где была расширена площадь под северококорейские лесоразработки, наступил непродолжительный “золотой период”. Ежемесячная оплата труда каждого северококорейца была одинаковой и составляла 100 руб. (или 120 долл. по обменному курсу того времени).

В свою очередь, получаемая северококорейскими рабочими иностранная валюта вызвала волну коррупции и взяточничества среди партийных чиновников КНДР, которые стали использовать свое служебное положение в корыстных целях и брать поборы с работающих соотечественников даже за отправку домой заработанных денег, за перевод на другую работу, обеспечение необходимым инструментом и т.д.

Из неофициальных источников также известно, что рядовой состав северококорейских трудовых бригад зачастую занимался деятельностью, противоречившей основным положениям соглашений о совместных лесоразработках и нарушал советское законодательство. Так, помимо лесозаготовок северококорей-

цы нередко занимались незаконной добычей живицы, струи кабарги, дикоросов, которые затем контрабандным путем вывозили к себе на родину. Они также были замечены в сбыте местному населению наркотиков и в подпольной торговлей водкой по спекулятивным ценам. Это привлекало к ним внимание органов охраны порядка и вызывало протесты местных властей. Однако представители правительства КНДР довольно вяло реагировали на такие нарушения своих граждан и не стремились в корне пресечь все их противоправные действия.

Известно, что претенденты на поездку в СССР подвергались тщательному отбору. С формальной стороны они обязаны были быть членами партии. Немаловажным условием являлось и незапятнанное прошлое всей семьи. Они также должны были быть женатыми. Предпочтение отдавалось тем, кто не владел русским языком. Только руководители производственных бригад, в обиходе “капитаны”, могли изъясняться на русском языке. Как правило, “капитаны” посылались на более длительные сроки, так как пользовались особым расположением вышестоящего начальства. Соблюдение всех этих условий должно было, по мнению северокорейских спецслужб, воспрепятствовать побегам северокорейских рабочих из районов лесоразработок. Однако, практика показала, что незапятнанная анкета не являлась гарантией “правильного поведения”⁵.

В 80-е — начале 90-х годах северокорейцы, работавшие в Москве или на лесоразработках в Хабаровском крае, нередко совершали отчаянные побеги, воспользовавшись помощью российских корейцев, а затем просили политическое убежище в России или Республике Корея, воспользовавшись долговременным пребыванием за границей. Однако, что ни власти КНДР, ни власти СССР/России не были в этом заинтересованы. Поэтому случаи успешного осуществления подобных планов были единичными.

С конца 90-х годов такие побеги не наблюдались, хотя география мест работы северокорейцев на российском Дальнем Востоке заметно расширилась. К этому периоду времени относится третья волна северокорейской трудовой миграции в Россию. Для этого периода характерно то, что северокорейские рабочие проживали не в закрытых от посторонних глаз поселках лесорубов под присмотром своих спецслужб, а среди российского населения. Они также в своей массе не владели русским языком.

Однако мотивация их приезда в Россию принципиально изменилась: они стали приезжать не для последующей смены гражданства, а лишь на заработки. У них появилось осознанное желание вернуться на родину. Так, в 1992-2003 гг. они трудились не только на лесозаготовках в Хабаровском крае (более 2 тыс. чел. в 2001 г.) и Амурской области (1670 чел.), но и на строительных работах, в сельском хозяйстве в Приморье (2-3 тыс. чел.) и на о-ве Сахалин (180-300 чел.)⁶.

По требованию северокорейской стороны, трудовые соглашения с российскими предприятиями составлялись таким образом, что российские предприятия обязывались перечислять все заработанные северокорейцами деньги на счета северокорейских представительств по трудоустройству граждан КНДР в России. Северокорейские же рабочие получали заработанное только по возвращении на родину, а в период работы в России существовали на поденные заработки и самообеспечение продуктами питания. Разумеется, что такой порядок оплаты труда не стимулировал у них желания остаться в России навсегда.

В 1995 г. во время визита в Пхеньян приморского губернатора Е.Наздратенко было подписано соглашение о создании в г. Артеме представительства корейского сельскохозяйственного общества, в задачи которого входило трудоустройство северокорейцев, присылаемых на работу в Приморье. Соглас-

но договоренности это представительство могло трудоустроить 10 тыс. северокорейцев в течение 10 лет⁷.

В 1997 г. Федеральная миграционная служба РФ приняла ряд мер по ужесточению правил миграционного и паспортно-визового въезда северокорейцев в Россию, а также их перемещения по территории страны. Местные органы власти обязали все фирмы, приглашающие на работу северокорейцев, дать дополнительные гарантии о их полной занятости и своевременном выезде после завершения работы.

Консульская служба российского МИДа со своей стороны разработала и приняла ряд мер по введению строгого порядка въезда и выезда северокорейцев из России. Кроме того, во время визита в Пхеньян в январе 1997 г. заместителя министра иностранных дел России Г.Карасина было подписано Соглашение между правительством РФ и правительством КНДР о взаимных поездках граждан двух стран, по которому все поездки граждан России и КНДР были переведены на визовую основу⁸.

Если до этого северокорейские рабочие могли приезжать в Россию со своими внутренними паспортами, а их имена лишь вносились в общий список, составленный на русском языке для российских пограничников, то данное соглашение предусматривало для приезжающих на российскую территорию граждан КНДР прохождение обязательной регистрации местными органами власти и представление текста контракта с российской фирмой, по приглашению которой они приехали в Россию. Эти меры были призваны упорядочить деятельность северокорейских рабочих в России, более эффективно отслеживать и регулировать миграционные процессы между двумя странами.

Для исследователей факт приезда на работу в Россию северокорейских рабочих вызывает многоплановый интерес. По их поведению, устремлениям и характеру работы в России можно получить много новой информации о внутривнутриполитической жизни этой закрытой для посторонних глаз страны. В данном случае важно даже не то, что говорят о своей стране сами северокорейцы, а то, как они себя ведут в России, что можно считать косвенным показателем внутривнутриполитического положения КНДР.

С конца 90-х годов северокорейские рабочие не так строго ограничивались своими властями и сопровождающими их в России сотрудниками спецслужб, как это было в 60-80-е годы. Им разрешено передвигаться по населенным пунктам не только группами, но и поодиночке. У них было желание вернуться на родину. Во всяком случае никто из тех, с кем автору этой работы приходилось беседовать, не хотел бы остаться в России навсегда. О своей стране они отзывались положительно, хотя и отмечали, что в 1995-1998 гг. были трудности с продовольствием, но потом, по их словам, "все наладилось".

О многом может поведать непритязательный, если не аскетический быт северокорейских рабочих в Приморье. В комнатах, где они проживали, нет никаких лозунгов и портретов вождей. Только общая комната отдыха скромно украшена портретами покойного и ныне здравствующего корейских вождей, а также несколькими лозунгами в память о Ким Ир Сене. На вопрос, почему отсутствуют лозунги, славящие Ким Чен Ира, северокорейцы лишь пожимали плечами, отвечая, что соответствующих указаний не поступало.

Редко кто из северокорейских рабочих носил значки с изображением Ким Ир Сена, которые в 70-80-х годы были обязательной декорацией их одежды за рубежом и свидетельствовали, как правило, об успешном изучении имареком трудов Ким Ир Сена касательно идей чучхе. После объявления в КНДР в июне 2002 г. отмены запрета на частную торгово-предпринимательскую деятельность облик северокорейских рабочих в Приморье существенно изменился: они стали одеваться в кожаные куртки, меховые шапки, а у некоторых даже появились золотые кольца. Из этого можно сделать вывод, что идеология перестала иметь давящее значение в жизни северокорейского общества. Да и

сам Ким Чен Ир, по всей видимости, не стремился потеснить отца на революционном пьедестале, а хотел бы остаться в тени его авторитета.

Если в 90-е годы для КНДР первостепенную важность приобрело физическое выживание населения, то в начале XXI в. трудящиеся получили возможность самостоятельно зарабатывать и, тем самым, существенно повысить свой материальный уровень жизни.

Разумеется, при анализе поведения северокорейцев в России необходимо учитывать, что посылаемые за границу рабочие — это лояльные к правящему режиму граждане КНДР, возможно, даже являющиеся государственными служащими (гражданскими или военными).

Таблица 1

Общее число пересечений российско-северокорейской границы северокорейскими рабочими в 1998-2004 гг.

Годы	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004 (1-2 кв кв.)
Число	11862	9983	13219	7885	11164	11298	5320

Источник: Данные Федеральной пограничной службы России

По данным российских пограничных служб, в конце 1990-х годов — начале нового столетия ежегодно российскую границу пересекало 10-11 тыс. северокорейцев, значительная часть которых прибыла на российский Дальний Восток на временную и сезонную работу на период до трех месяцев [см. табл. 1]. Такие временные рабочие обычно не учитываются российскими статистическими службами, а проходят регистрацию только в местных органах власти.

К сожалению, российские миграционные службы также не дают личных характеристик северокорейских рабочих. Например, сколько раз приезжал на заработки в Россию тот или иной человек и где работал. На основе таких данных можно было бы составить более полную картину того, каков процент трудового населения КНДР побывал на заработках в России, каково социальное положение приезжающих, на какой срок приезжал тот или иной рабочий, уровень его образования и т.

В начале нового столетия численность северокорейских рабочих в Приморском крае в абсолютных и относительных цифрах получила тенденцию к снижению [см. табл. 2]. Пик их трудоустройства пришелся на 1996 г., когда приморские предприятия в большинстве своем еще нуждались в дешевой и неквалифицированной рабочей силе, которую привлекали на длительные сроки — на 6-12 месяцев.

Наряду со снижением численности северокорейских рабочих стабилизировалось и количество реально действующих в Приморье предприятий со 100% северокорейским капиталом [см. табл. 3]. Кроме того, на территории края действуют пять совместных предприятий с долевым участием инвесторов из КНДР, одно из которых японо-северокорейское предприятие питания.

Несмотря на наличие ряда северокорейских предприятий на территории Приморья, северокорейцы предпочитают трудиться не в рамках своих СП, а на российских, где заработки повыше и меньше контроля со стороны своих спецслужб. К тому же российско-северокорейские СП — это, как правило, предприятия питания, где может быть трудоустроено ограниченное количество сотрудников. Поэтому СП такого профиля не могут стимулировать образование новых рабочих мест для трудоустройства северокорейцев.

Только 11-23% от общей численности въехавших северокорейцев остались работать в Приморье. Остальные — выехали в другие районы российского Дальнего Востока. В течение всего изучаемого периода до 50% северокорейских рабочих в Приморском крае были сосредоточены на владивостокских

строительных объектах, где выполняли трудоемкую и низкооплачиваемую работу. Однако такие невыгодные условия не разочаровывали северокорейцев, которые целенаправленно стремились получить работу в крупных приморских городах, где было больше шансов найти дополнительные приработки.

Таблица 2

Численность северокорейских рабочих в Приморском крае в 1992-2003 гг.

Годы	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003
Коли-во	1774	1181	1421	3956	4144	3119	2134	2373	1469	2013	1780	1441
% от всех заруб. рабочих	20,1	15,2	25,5	30,8	30,6	27,6	20,6	23,5	12,5	13,6	12	9,3

Источники: Приморский край в 1994 году: Статистический ежегодник. Владивосток: Приморский краевой комитет государственной статистики. 1995. С. 16; Приморский край в 1999 году: Статистический ежегодник. Владивосток: Приморский краевой комитет государственной статистики. 2000. С. 188; Итоги внешнеторговой деятельности Приморского края за 1999-2001 гг. Владивосток. 2002. С. 2.

Таблица 3

Количество северокорейских предприятий в Приморском крае в 1992-2003 гг.

Годы	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003
Коли-во	2	2	2	4	3	3	2	2	3	2	2	3
% от всех СП края	1,1	1	0,7	1,3	0,8	0,7	0,6	0,5	0,6	0,4	0,4	0,3

Источники: Приморский край в 1994 году: Статистический ежегодник. Владивосток: Приморский краевой комитет государственной статистики. 1995. С. 198; Внешнеэкономическая деятельность в Приморском крае за 1999 год. (Кратк. стат. сб.). Владивосток: Приморский краевой комитет государственной статистики. 2000. С. 20; Приморский край в 2001 году. Владивосток: Приморский краевой комитет госстатистики. 2002. С. 122.

Как видно из Табл. 3, предприятия со 100% северокорейским капиталом занимают ничтожную долю среди иностранных предприятий в Приморье и не играют заметную роль в развитии экономики края.

В 90-е годы северокорейские рабочие трудились в основном на стройках акционерных обществ "Дальрыбстрой" и "АКФЕС", а также в сельском хозяйстве Хасанского района, где занимались выращиванием кукурузы, моркови, капусты, которые реализовывались в Приморье ради получения российской валюты. Среди приморских работодателей немало российских корейцев, предпочитающих приглашать на работу своих соплеменников из КНДР, так как те, в отличие от китайцев, не сбегают торговать на рынке, а исправно выполняют свою работу.

По рассказам северокорейцев, за год-два напряженной работы в России им удается скопить приличную сумму, позволяющую приобрести на родине дом или подержанный автомобиль, который, между прочим, стоит в КНДР в два раза дешевле, чем в Приморье. Однако из разговоров с северокорейцами становится понятно, что в действительности воспользоваться такой возможностью могут не все, а только руководящий состав северокорейских рабочих бригад, имеющий возможность работать в России по 3-5 лет. Тем не менее такая перспектива является стимулом для всех остальных. Во всяком случае всего

лишь 400 долл. США достаточно, чтобы северокорейская семья из пяти человек смогла безбедно прожить в течение года.

Поэтому по меркам КНДР северокореец, приехавший домой после заработков в России, становится вполне зажиточным человеком, что, с одной стороны, повышает его социальный статус, а, с другой, приводит к имущественному расслоению в обществе, где длившаяся десятилетиями уравнилельная система оплаты труда нивелировала социальную структуру общества. По всей видимости, наметившееся имущественное неравенство приводит к социальному расслоению населения КНДР, славившейся до недавнего времени всеобщей уравниловкой в оплате труда и спартанским бытом трудящихся.

На взгляд северокорейцев, самые значительные заработки — на лесозаготовках в Хабаровском крае. В 2001-2003 гг. официальная зарплата северокорейцев на лесоразработках достигала 3-5 тыс. руб. (100-170 дол. США), которая выдавалась непосредственно на руки рабочим. Понятно, что на такие работы попадают те, кто сумел доказать свою приверженность действующим в КНДР порядкам или заслужил эту привилегию другим путем [см. табл. 4]. Хотя в стране и не провозглашен открыто лозунг “обогащайтесь”, как это было в Китае, но у определенной категории северокорейцев уже наметилась подобная тенденция.

Таблица 4

Численность северокорейских рабочих в Хабаровском крае в 1995-2003 гг.

Годы	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003
Коли-во	319	296	1050	1065	2020	1363	1383	1735	1600
% от всех заруб. рабочих края	6,9	5	27	29,6	46,1	19	20	20,9	19

Источники: Паспорт Хабаровского края (1990-1998 гг.). Хабаровск: Хабаровский краевой комитет государственной статистики. 1999; Хабаровский край в 2000 г. Стат. ежегодн. Хабаровск: Хабар. краевой комитет госуд. статист. 2001. С. 40; Мотрич Е.Л. Иностранная рабочая сила на рынке труда в Хабаровском крае // Проблемы экономической политики на российском Дальнем Востоке. Матер. межд. научно-практич. конф. Хабаровск: “РИО-ТИП”, 2001. С. 180; Состояние экономики Хабаровского края. 1992-2002 годы. Аналитич. записка. Хабаровск: Хабар. краев. комит. госуд. стат. 2003. 86 с.

Как видно из табл. 4, в 90-е годы в Хабаровском крае было трудоустроено сопоставимое с Приморьем количество северокорейских рабочих. При этом их численность составляла больший процент всех привлеченных иностранных рабочих, чем в Приморье, что объясняется меньшей конкуренцией со стороны китайцев и вьетнамцев, мало заинтересованных в работе на лесоразработках, где низкие заработки и слишком тяжелые условия работы.

В 1991-1993 гг., то есть в период временного спада в российско-северокорейских политических отношениях, российские центральные власти намеревались не возобновлять соглашение с КНДР о сотрудничестве в сфере совместных лесозаготовок. К такому решению их подталкивали российские демократы, возмущенные наличием иностранных поселений на российской территории, где не действовали российские законы. Однако руководители хабаровских леспромхозов настояли на продолжении такого сотрудничества, т.к. в противном случае их предприятия остались бы без рабочих.

Для северокорейских рабочих поездка на работу в Россию — это значительная социальная привилегия, но, вместе с тем, это тяжелый изнурительный труд в суровых бытовых условиях. Северокорейские менеджеры стараются найти работу своим подопечным с любой оплатой — от 100 до 130 долл. в ме-

сяц лишь бы получить разрешение у российских миграционных служб на въезд в РФ. Во многих случаях северокорейские рабочие работают в России без всякой оплаты, а причитающуюся им заработную плату получают на родине по возвращении и в местной валюте, что, естественно, является еще одним стимулом для возвращения домой и, вместе с тем, финансово выгодно властям КНДР. К тому же такое положение с оплатой труда в России стимулирует северокорейских гастарбайтеров самостоятельно искать приработки на стороне для поддержания своего существования во время заграничной командировки.

Российские фирмы, приглашающие северокорейцев на работу, не всегда выполняют свои обязательства по обеспечению их полным рабочим днем, в результате чего северокорейцы остаются предоставленными сами себе, но при этом не стремятся уехать на родину, а ищут поденную работу самостоятельно. Зачастую случайные заработки оказываются намного прибыльнее, чем работа на российскую фирму.

В связи с этим Генеральное консульство КНДР в Находке под предлогом сбора средств для голодающих соотечественников обязало своих граждан в России вносить ежемесячно значительные суммы денег. Так, северокорейские рабочие в Приморье обязаны были ежемесячно сдавать по 200 долл., а на Сахалине, где поденных заработков больше и оплата выше, — по 300 долл. и т.д., что позволяло генконсульству ежемесячно собирать по 200 тыс. долл.⁹ После дефолта 1998 г. неофициальные заработки северокорейцев снизились в два раза, что также привело к снижению добровольно-принудительных отчислений в распоряжение Генерального консульства КНДР в Находке.

Эти средства шли как на закупку в Китае продовольствия для голодающих жителей КНДР, так и инвестирование на российском Дальнем Востоке в проекты и предприятия, представляющие интерес для северокорейской экономики — разработку южнокутских коксующихся углей, например, а также на оплату северокорейского импорта из России. Таково проявление на практике основных положений идеологии чучхе, обосновывающих необходимость во всех делах опираться только на собственные силы. Иными словами, при финансово-экономических операциях в России, северокорейское консульство в Находке ограничено теми средствами, которые получает за счет неофициальных приработков своих соотечественников.

Как видно, поощряя своих граждан материальными выгодами от поездок за границу, власти КНДР добиваются двоякого результата: во-первых, поступления в страну валюты, а во-вторых, создания среднего класса, терпимо относящегося к правящей элите и имеющего тенденцию стать более многочисленным. Россия, таким образом, становится соучастником формирования в КНДР среднего класса, являющегося, с одной стороны, опорой существующего режима власти, а, с другой — гарантом внутривластной стабильности. Одно то, что не происходит дестабилизации внутривластной обстановки в КНДР — благо как для самих северокорейцев, так и для их соседей.

Можно также предположить, что побывавшие за границей на заработках северокорейцы благодаря своему расширившемуся кругозору, приобретенному опыту жизни в современной России и, возможно, заработанным средствам, смогут быстро адаптироваться в изменившуюся внутривластную ситуацию в КНДР, активно включиться в частную торгово-экономическую деятельность, которая с июня 2002 г. больше не находится под запретом.

Хотя в период 2001-2002 гг. на всех встречах на высшем уровне между российскими и северокорейскими руководителями обсуждались планы увеличения квот на приезд северокорейских рабочих на российский Дальний Восток, с 1997 г. наблюдается постоянный спад численности северокорейцев, приглашаемых на работу на дальневосточные предприятия. Если в 1997 г. этот ре-

ский спад был обусловлен убийством 1 октября 1996 г. южнокорейского консула во Владивостоке, подозрением об участии в убийстве северокорейцев и последующем визовом и административном ужесточении правил въезда на российскую территорию для северокорейских рабочих¹⁰, то в последующие годы стали превалировать экономические факторы.

После дефолта 1998 г. в России резко ухудшилась экономическая ситуация, возросла безработица среди россиян, что привело к отказу многих строительных и сельскохозяйственных предприятий, где ранее северокорейцы могли найти рабочие места, от приглашения иностранных рабочих.

У северокорейских рабочих, которые за очень редким исключением являются неквалифицированными, сузилось поле деятельности на лесозаготовках, так как российские лесозаготовительные предприятия, закупив за границей современное деревообрабатывающее оборудование, взяли курс на экспорт обработанной древесины, и предпочли самостоятельно готовить кадры из числа россиян для долгосрочного трудоустройства. Совокупность этих причин и привела к снижению абсолютных и процентных показателей миграции северокорейской неквалифицированной рабочей силы в Россию.

Кроме экономического фактора имели место и другие более веские причины, по которым приморские предприятия отказывались от своей прошлой практики привлечения северокорейцев на работу. Так, представительство северокорейской сельскохозяйственной компании в г.Артеме, которое действовало в Приморье в 1995-1999 гг. и официальная задача которого состояла в поиске рабочих мест для граждан КНДР среди приморских сельхозпредприятий, было закрыто по настоянию российских миграционных властей. Причина, по мнению заместителя руководителя министерства по делам федерации, национальной и миграционной политики в Приморском крае Т.Рожанской состояла в том, что "было много претензий со стороны правоохранительных органов и три-четыре уголовных дела, связанных с распространением наркотиков"¹¹. Разумеется, в последующие годы это также негативно сказалось на численности приглашаемых на российский Дальний Восток северокорейских рабочих [см. табл. 1].

После российско-северокорейских встреч на высшем уровне 2001-2002 гг. КНДР неоднократно предлагала увеличить в Приморье численность северокорейских рабочих до 5 тыс. человек. Однако такие предложения не находили отклика в среде приморских предпринимателей, предпочитавших привлекать россиян даже на низкооплачиваемые строительно-отделочные работы. Тем не менее, во время визита в Пхеньян в октябре 2003 г. приморского губернатора С.Дарькина была достигнута договоренность о возможности отправки 3000 северокорейских рабочих на различные работы в Приморском крае.

КНДР смогла бы сохранить экономическую нишу для своих рабочих в России, только если бы направляла инвестиции на российский Дальний Восток, как это делают Китай и Вьетнам. В таком случае она могла бы создавать рабочие места для своих рабочих в России. Примером такого успешного экономического поведения является Китай, который путем сравнительно небольших инвестиций и создания многочисленных СП из года в год наращивает экспорт своих неквалифицированных трудовых ресурсов в Приморье, Хабаровский край и Амурскую область. Так, удельный вес китайских рабочих неуклонно возрастал и ежегодно достигал 66-72% от числа всех иностранных рабочих в Приморье, где определена квота для привлечения иностранных рабочих в количестве 15 тыс. чел. ежегодно. Всего же в Приморье более 70 тыс. рабочих мест ежегодно остаются вакантными ввиду их непрестижности и низкой оплаты труда.

Наличие китайских трудовых мигрантов, (значительная часть которых на российском Дальнем Востоке представлена этническими корейцами, выходцами из Корейского автономного округа Северо-Восточного Китая) составляет серьезную

конкуренцию северокорейцам. Не меньшую активность проявляет и Вьетнам, увеличивший численность своих рабочих в Приморье с 1,2% в 1998 г. до 8% в 2000 г.¹² и до 13% в 2003 г.¹³ от всех иностранных рабочих в Приморском крае.

Как видно, при избытке трудовых ресурсов внутри страны КНДР уже не может вывозить своих рабочих на Дальний Восток России в прежнем количестве, так как у нее нет свободных ресурсов для создания им рабочих мест. У российской стороны также нет возможности, а, главное, экономической заинтересованности в привлечении именно северокорейцев на работу на дальневосточные предприятия.

Ситуация по этому вопросу может измениться только в случае реализации какого-либо масштабного экономического проекта на территории российского Дальнего Востока, каким может стать восстановление транскорейской железной дороги и ее воссоединение с Транссибом. По всей видимости, северокорейские гастарбайтеры будут и в дальнейшем играть существенную роль локомотива в российско-северокорейских отношениях.

Увеличению спроса на северокорейскую рабочую силу также могло бы способствовать повышение ее квалификационного уровня, что, разумеется, предусматривает инвестирование правительством КНДР средств на ее обучение. Вполне возможно, что сами северокорейские рабочие будут прилагать усилия по овладению той или иной востребуемой рабочей специальностью, так как мотивация их приезда в Россию ограничилась в период третьей волны трудовой миграции зарабатыванием материальных благ, способствовавших повышению их социального статуса на родине. Это существенное отличие мотивации их приезда в Россию от первых двух периодов, для которых было характерно преследование двояких целей — заработать деньги и, по возможности, сменить гражданство, не возвратившись на родину.

1. Забровская Л.В. Россия и КНДР: опыт прошлого и перспективы будущего (1990-е годы). Владивосток: Изд-во ДВГУ. 1998. С. 23.
2. Кузин А.Т. Дальневосточные корейцы: жизнь и трагедия судьбы. Документально-исторический очерк. Южно-Сахалинск. Дальневосточное книжное издательство. 1993. С.246.
3. Забровская Л.В. Указ.соч. С.45.
4. Дунбэй Я цюйюй жэнькоу юй фачжань [Население Северо-Восточной Азии и ее развитие]. Под ред. Ван Шэнцзиня и Инь Хао. Харбин: Цзилинь дасюе чубаньшэ, 2002. С. 186-187.
5. Ginsburgs G. Cooperation in Extradition Matters between Moscow and Pyongyang // The Journal of East Asian Affairs. Seoul. Summer/Fall 1997. Seoul. Vol. XI. No. 2. Pp. 378-416.
6. Забровская Л.В. Указ. соч. С. 37.
7. Ващук А.С. и др. Этномиграционные процессы в Приморье в XX в. Владивосток: ДВО РАН, 2002. С. 198.
8. Пульс планеты. Азиатско-тихоокеанский регион (ИТАР\ТАСС). М. 27 января 1997 г.
9. Забровская Л.В. Указ. соч. С. 39.
10. Там же. С. 31-33.
11. Медецкий А. Корейцы строят дома и дружбу // Владивосток. 5 апр. 2002 г. С.19.
12. 12.Приморье в цифрах в 2000 году (Кратк. стат. сб.). Владивосток: Госкомстат России. Приморский краевой комитет государственной статистики. 2001. С. 28.
13. <http://vn.vladnews.ru> 26.03.2004.

Общество

Сексуальные услуги как социальный феномен в современном Китае

© 2005

О. Почагина

Проституция известна человечеству с незапамятных времен, недаром ее называют "древнейшей профессией". Она характеризуется общераспространенностью, исключение, пожалуй, составляют первобытные/примитивные общества, где не существует экономических основ для такого рода связей между полами. В разных культурах на различных этапах исторического развития отношения проституции с нравственными нормами, правом и государством складывались по-разному. В одних культурах проституция воспринималась как неизбежное зло, в других — как высокое искусство чувственных наслаждений.

В последнее десятилетие масштабы распространения проституции¹ во многих странах мира привлекают внимание не только исследователей², но и международных организаций, таких как ЮНИСЕФ, МОТ, ВОЗ, законодателей, правоохранительных органов как развитых, так и развивающихся государств. Это обусловлено целым комплексом сопутствующих и порождаемых проституцией антисоциальных явлений (распространение наркомании, венерических заболеваний и СПИДа, вовлечение в занятие проституцией несовершеннолетних, превращение сферы сексуальных услуг в криминальный бизнес организованной преступности, интернационализация проституции), нарушающих права граждан, разрушающих нравственные устои общества, представляющих угрозу социальной стабильности.

Краткий обзор тенденций, связанных с проституцией, и ситуации, сложившейся в индустрии коммерческого секса³, в некоторых европейских и азиатских странах помогает лучше понять специфику китайского рынка сексуальных услуг и верно оценить позиции китайского руководства по отношению к проституции.

В настоящее время в большинстве стран мира проституция (секс-бизнес) в той или иной мере регулируется и контролируется государством. В мировой практике начала XXI в. существуют три основных подхода к проституции — ее полный запрет, легализация/декриминализация, запрет на приобретение сексуальных услуг. Так, в Германии, Голландии, Дании, Швейцарии, Австралии, США (штат Невада), Турции, Перу проституция легализована.

В Германии, по данным федерального правительства, проституция превратилась в мощный сектор теневой экономики с ежегодным оборотом в 14 млрд евро. В 2004 г. число занятых в этой сфере женщин достигло 400 тыс., ежедневно их услугами пользуются 1,2 млн мужчин. Согласно материалам социологического исследования, принятие закона о легализации проституции (2002 г.) в действительности не сделало сферу сексуальных услуг менее криминализованной. Большинство проститутков так и не платят налогов, доминирующие позиции в секс-бизнесе продолжают занимать группы, связанные с торговлей людьми и наркотиками⁴.

В Нидерландах, где (сутенерство и публичные дома легализованы в 2000 г.) проституция — также весьма доходная отрасль национальной экономики, составляющая 5%. За последнее десятилетие секс-индустрия выросла на 25%⁵. По оценкам, в ней заняты около 30 тыс., причем половина из них — нелегально⁶. Легальная проститутка (которая платит налоги и имеет лицензию) зарабатывает от 700 до 1,5 тысяч евро в день, в зависимости от места “работы” и спроса.

В Великобритании, где проституция находится на полуправильном положении (закон карает не занятие проституцией, а “нарушение общественного порядка и благопристойности”), она также переживает взлет. Об этом свидетельствует особое внимание к этой проблеме главы британского МВД Д. Бланкетта, выступившего в 2004 г. с циркулярным письмом относительно легализации домов терпимости и изучения опыта Германии, Голландии и Австралии. В 2004 г. по экспертным оценкам насчитывалось 80 тыс. проститутков. На посещение проститутков британцы тратят 770 млн фунтов в год⁸. В Бирмингеме, например, секс-услугами пользуются 22% мужчин. После ведения платного обучения в вузах (2003 г.) отмечается интеллектуализация данной сферы, в Лидсе, например 60% студенток дневных отделений высших учебных заведений подрабатывают проституцией⁹.

В России проституция официально не разрешена, рынок сексуальных услуг находится на стадии формирования под жестким контролем организованных преступных группировок. Уголовный кодекс РФ (ст. 241) предусматривает наказание за занятие проституцией в виде штрафа в размере от 500 до 800 минимальных размеров оплаты труда и обязательных работ сроком от 150 до 200 часов либо ареста на срок до одного месяца¹⁰. Данные по занятым в сфере коммерческого секса оценочные. По Москве, например, порядок цифр колеблется от 30 до 130 тысяч. Оборот нелегальных доходов от проституции составляет в Москве до 150 млн долларов в год¹¹. Общество, государство и законодатели пока еще не определились нужно ли легализовать секс-бизнес¹².

В Корее проституция запрещена законом с 1961 г., однако в стране открыто существуют “кварталы красных фонарей”¹³. 358 тысяч мужчин в Южной Корее ежедневно покупают сексуальные услуги. Более 330 тысяч женщин в Южной Корее вовлечены в занятие проституцией. Объем производства услуг в корейской индустрии секса составляет более 4% от валового внутреннего продукта (ВВП). Об этом говорят данные, опубликованные Корейским институтом криминологии (КИК). Специалисты КИК оценили стоимость услуг, оказанных представительницами древнейшей профессии в 2002 г. в 24 триллиона вон, то есть около 20,4 миллиарда долларов США. Это — 4,1% от ВВП Южной Кореи, который в 2002 г. достиг 578 триллионов вон. Таким образом, проституция является гораздо более важной отраслью корейской национальной экономики, чем, например, индустрия электро-, газо- и водоснабжения, которая дает лишь 2,9%. Примерно 20% мужчин в возрасте от 20 до 64 лет навещают проститутков 4-5 раз в месяц, оставляя каждый раз “жрицам любви” в среднем 154 тысячи вон¹⁴. В последнее время активизировалась борьба с “древнейшей

профессией" в связи вовлечением в сферу сексуальных услуг девочек-подростков. Парламентом РК были приняты поправки к закону о защите молодежи, согласно которым, правоохранительные органы могут предавать гласности фамилии лиц, покупающих сексуальные удовольствия. С точки зрения законодателей, это должно являться действенной мерой и привести к снижению спроса на услуги такого рода. Эффективности рейдов полиции часто препятствуют связи между полицейским, сутенерами и государственными служащими. В настоящее время в Корее функционирует около двух десятков реабилитационных центров для проституток¹⁵.

В Японии проституция запрещена законом 1957 г. Тем не менее и здесь она процветает, обладая своей спецификой. Так, индивидуальный бизнес не поощряется: уличных проституток практически нет, нет и публичных домов. Сексуальные услуги оказываются в ночных барах, клубах, дискотеках, банях, ресторанах. Объявления о сексуальных услугах расклеиваются на столбах, в телефонах автоматах¹⁶.

В Швеции (это пока единственный пример в мире) с 1999 г. действует закон "О запрете на покупку сексуальных услуг": Лицо, посредством вознаграждения склоняющее другое лицо к вступлению в случайную половую связь, может быть приговорено к выплате денежного штрафа или к тюремному заключению на срок до шести месяцев по обвинению в покупке сексуальных услуг. По сведениям полиции и социальных служб, со времени введения упомянутого закона масштабы уличной проституции в Швеции значительно сократились, однако сексуальные услуги оказываются в гостиницах и борделях. Введение уголовной ответственности привело к сокращению уличной проституции вдвое, за 33 месяца существования закона к ответственности за покупку секса привлечены 249 мужчин. Шведы оценивают свой опыт неоднозначно. Профессор социологии Свен Аксель Монссон, известный сторонник закона, считает, что закон трудно реализовать на практике, в связи с тем, что полицейские, в основном, мужчины, которые вынуждены исполнять закон, подрывающий традиционные мужские ценности. Они, как правило, с сочувствием относятся к покупателям сексуальных услуг¹⁷.

Каковы же причины распространения проституции в современном мире и каковы его последствия? Какие меры должны и могут предпринять международные организации, правительства разных стран, международное сообщество в целом, чтобы ответить на угрозы глобального распространения СПИДа, международной работоторговли женщинами и детьми¹⁸, усиления позиций транснациональной организованной преступности, роста теневого сектора? Для того, чтобы ответить на эти вопросы необходимы кросс-культурные исследования, выявление общего и особенного в данном явлении в различных странах и регионах мира. Совершенно очевидно, что проституция в XXI веке перестала быть локальной социально-экономической, морально-нравственной, правовой и медицинской проблемой, она приобретает глобальные масштабы.

Чрезвычайный интерес в этой связи, с нашей точки зрения, представляют причины возрождения проституции в современном Китае, особенности формирования рынка сексуальных услуг, мнения китайских экспертов, позитивный и негативный опыт КНР в борьбе с проституцией.

Рынок сексуальных услуг в Китае: прошлое и настоящее

Отношение к проституции в китайском обществе значительно отличается от европейского, что связано с иными представлениями о сексуальности, значении секса в жизни индивида, о женщине и ее статусе в социуме. Судьба большинства женщин в традиционном Китае была достаточно драматична: их

продавали, покупали, над ними издевались изощренными способами (били плетью, бамбуковыми палками, отрезали волосы) и муж, и свекровь, и другие члены семьи мужа, уничтожая и морально, и физически. “Хочешь человеком быть, бабой не родись. Судьба ее горька — в руках чужих всю жизнь”¹⁹. У китаянок в зависимости от их социального происхождения было лишь три варианта жизненного пути: быть выданной замуж (часто это означало быть удачно проданной родительской семьей семье мужа), стать наложницей/младшей женой или быть проданной родителями в “веселый дом” и стать цзи-певичкой.

В старом Китае проституция и торговля женщинами были обычными и достаточно широко распространенными явлениями. Отцы, мужья, братья продавали или отдавали своих дочерей, жен и сестер в публичные дома и для сожителства с другими мужчинами чаще всего по экономическим соображениям. Особенно это было распространено в провинциях Чжэцзян, Гуандун и Цзянсу. Муж мог отдать жену другому мужчине для рождения детей в случае отсутствия детей или рождения в семье только девочек²⁰. Холить и лелеять мужа, выполнять все его желания — такова была одна из основных функций благонравной жены-китаянки. Эротические способности женщин ценились высоко, однако, как правило, в форме самоуничтожения²¹.

Проституция как институт сформировался уже в эпоху Тан (616-907 гг.). В те времена существовали две категории проституток — “правительственные” *гунцзи* и “домашние” *цзяцзи*. Первые подразделялись еще на две группы “дворцовых”, *гуаньцзи*, обслуживающих чиновников, и гарнизонных *иньцзи*. Гунцзи становились девушки из семей, главы которых были осуждены за преступления и из семей военнопленных. Высокопоставленные сановники имели право даже брать этих женщин в наложницы. Первый государственный бордель был создан в 645 г.²²

В городах существовали и целые веселые кварталы, где помимо развлечений оказывались и сексуальные услуги. Певички, жившие в них, представляли собой в большей степени куртизанок, а не проституток в современном понимании. Эти женщины должны были пением, игрой на музыкальных инструментах, танцами, игрой в шахматы, беседами об искусстве, стихами и цитатами из литературной классики скрашивать досуг мужчин. Цзи могла провести ночь с готовым хорошо заплатить гостем, однако “продажа весны”, (так поэтически назывались сексуальные услуги) была далеко не всегда обязательной, а в наиболее изысканных заведениях они даже хранили целомудрие²³. Тем не менее, ремесло это считалось постыдным, женщины из хороших семей им не занимались.

В нескольких главах известного романа XVI в. “Цветы сливы в золотой вазе, или Цзинь, Пин, Мэй” действие происходит в веселом доме “Прекрасная весна”. “Это было настоящее гнездо любовных утех, где иволги порхают в цветах... Сестры наливали чарки, играли на лютнях, пели и угощали гостей вином”. Хозяйка этого дома так определяет образ жизни своих девушек: “ведь мы гостями живем! Они нас кормят и одевают, от них и топливо, и рис”²⁴.

*“В заведениях веселом женщины отнюдь не ткнут —
Красотой своей торгуют, тем плутовки и живут
Им добра и снеди всякой хоть возами отгружай,
Чрево алчное, однако, им насытит не мечтай”²⁵.*

Посещение такого рода заведений считалось обычным времяпрепровождением для семейных и холостых мужчин. Публичные дома в Китае часто

играли роль места для деловых контактов, обсуждения и заключения различного рода сделок, сюда приходили отметить удачу в торговле, успехи в служебных делах, приятно провести время в обществе друзей и красивых женщин. Тем не менее, согласно нравственным представлениям, блуд и в Китае считался позором: “Кто растрчивает душу и плоть свою в любовных страстях... рано или поздно лишится должности и богатства, или возмездие падет на его детей, и даже в загробном мире не найдет он покоя... Небо благославляет благодетельных и карает распутных — таков его непреложный закон”²⁶.

В эпоху Цин (1644–1911 гг.) в Пекине, Шанхае, Нанкине, Янчжоу, Датуэне, Кайфэне, Сучжоу, Гуанчжоу, Нинбо, Фучжоу функционировало множество публичных домов. Шанхай считался “всемирной столицей греха”, в 20–30-ые годы XX в., в нем насчитывалось более 3 тыс. публичных домов. Среди проституток конца XIX начала XX вв. выделялись следующие основные группы, различавшиеся по доходам и клиентуре: куртизанки *чансань*, проститутки *яо’эр* (жившие в веселых кварталах), уличные проститутки *е цзи* и кантонские сестры, обслуживающие исключительно моряков. В 1920 г. по официальной статистике в Шанхае насчитывалось 1200 куртизанок, 4900 *яо’эр*, 37141 — уличных и 21315 других проституток²⁷. В основном ряды проституток пополнялись девочками и молодыми женщинами, похищенными и проданными в бордели (девочки продавались собственными родителями, молодые женщины — родственниками мужа в случае его смерти, жены — мужьями в случае отсутствия средств к существованию), а также женщинами из сельских районов, приезжавших в города в поисках работы и попадавших под власть сутенеров и посредников. Будучи проданными в публичные дома или оказавшись там по собственной воле, все женщины должны были пройти регистрацию, после чего их жизненное пространство ограничивалось стенами “веселого квартала”.

Распорядительницы в борделях высокого класса тщательно отбирали девушек. Более того, последние проходили специальное обучение, существовали даже учебные пособия, написанные опытными куртизанками. Считалось, что девушка сможет стать успешной в древнейшей профессии, если она обладает четырьмя качествами: красотой (особое внимание уделялось манерам, осанке, речи, умению пользоваться косметикой); умениями и навыками, позволяющими быть привлекательной и интересной для клиента в течение длительного времени; эмоциональностью, страстностью и одновременно умением скрывать свои истинные чувства, бессердечностью в отношениях с клиентами. В учебниках давались детальные рекомендации по поведению: как следует сидеть, лежать, ходить, петь, когда необходимо улыбаться, каким образом вести разговор, применять косметику, как флиртовать, какую одежду носить, как манипулировать клиентами²⁸.

Основное отличие проституции XIX и XX вв. состояло в постепенном исчезновении публичных домов высокого разряда, которые в большей мере являлись увеселительными заведениями, в бордели, где оказывали исключительно сексуальные услуги. В Шанхае, например, публичные дома XIX в. считались символами процветания и утонченности, в них часто проводили время образованные люди. Посещали их и знаменитые ученые, писатели и художники, в этой среде возникли многие жанры пения и инструментальной музыки, сохранявшие популярность до XX века²⁹. Образованные куртизанки играли заметную роль в судьбах представителей высших и средних классов, оказывали влияние на культурную жизнь и развитие города в целом.

В законодательстве Цин существовал ряд законов, регулировавших проституцию и отношения с проститутками. Так, проститутки определялись как “низкие люди” (*цзяньжэнь*) и были лишены многих гражданских прав. Например, их сыновья не допускались к сдаче государственных экзаменов, им

было запрещено вступать в браки с представителями высших сословий, хотя многие из них были наложницами в респектабельных семьях. Сановник, чиновник, имеющий ученую степень, военный или гражданское лицо, вступивший в брак с публичной женщиной наказывался за это 60 ударами палками и терял должность. За продажу жены или наложницы другому лицу виновный (как принимающий жену, дочь или наложницу другого лица в наем или покупающий, так и продающий) подвергались одинаковому наказанию — 60 ударов палкой. Кража девушек и женщин с целью продажи их в публичные дома, а также их покупка с аналогичными целями карались тремя месяцами ношения канги³⁰, ссылке на 3 года и 100 ударами палкой. Однако, судя по имеющимся материалам, вышеупомянутые законы применялись довольно редко, поскольку отношение к проституции среди населения, официальных властей и судей было в целом толерантным³¹.

В начале XX в. эскорт-услуги и проведение досуга в обществе куртизанок стали выходить из моды, более того, интеллектуалы Движения "Четвертого мая" считали проституцию символом национальной отсталости и социальной проблемой, требующей решения. В этот же период в китайском обществе начали распространяться идеи равенства полов.

После образования КНР проституция и торговля женщинами были запрещены законом, проводились многочисленные кампании по борьбе с феодальными пережитками, женщины получили равные права с мужчинами, в том числе право на образование и на трудоустройство. В первые восемь недель после провозглашения КНР в Пекине были закрыты 224 городских публичных домов, арестовано 1286 проституток, 424 сутенеров и владельцев борделей. В Шанхае в 1950-1955 гг. были арестованы 5333 проститутки³². Большинство были отправлены в трудовые лагеря на перевоспитание, некоторых сутенеров показательно расстреляли. В середине 50-х годов "шесть буржуазных зол"³³ включая проституцию, считались искорененными, что расценивалось как одно из важнейших достижений народной власти. По всей видимости, в социалистическом Китае проституция существовала в латентных формах, китайские средства массовой информации, о ней ничего не сообщали.

В 1983 г. Всекитайской федерацией женщин и Министерством внутренних дел и безопасности был подготовлен первый официальный отчет о возрождении проституции (*майинь плячан*) и распространении порнографических материалов. Согласно этому документу, основанному на неполных статистических данных, полученных из трех крупнейших городов КНР (Пекин, Шанхай, Тяньцзинь) и четырех провинций (Гуандун, Фуцзянь, Ляонин и Чжэцзян), с января по ноябрь 1982 г. было выявлено 11500 лиц, связанных с проституцией, 691 человек были арестованы, 662 — направлены в трудовые лагеря, 1500 оштрафованы. Более 900 подпольных публичных домов закрыты. Из материалов следовало, что 50-60% женщин, занимавшихся проституцией, — жительницы сельских районов страны³⁴.

В 1984 г. в Шанхае открылось исправительное учреждение для женщин, занимавшихся проституцией или совершивших сексуальные преступления. В 1987 г. были открыты 62 трудовых лагеря для проституток. В марте 1988 г. по официальной информации в КНР функционировало 68 исправительных учреждений для лиц, занимающихся проституцией³⁵. Увеличение количества такого рода заведений, внимание средств массовой информации к данной проблеме не сняло ее остроту. О проституции, как о явлении и социальной проблеме, заговорили в начале 90-х, в КНР в 1991-1992 гг. были проведены очередные кампании по борьбе с возрождающимся буржуазными пороками.

Дело в том, что экономические реформы конца 80-х дали китайцам возможность зарабатывать, а политика открытости расширила их культурно-

информационные возможности. Однако денежная лихорадка, охватившая китайское общество, в определенном смысле породила и духовный хаос (*цзячжи тунъюань*). Ценностные ориентации молодого поколения претерпели существенные изменения. Если еще в начале 80-х шкала ценностей молодежи выглядела следующим образом: 1) учиться; 2) исполнять патриотический долг; 3) упорно работать; 4) иметь свое мнение; 5) заботиться об общественной пользе; 6) быть открытым новому; 7) подчиняться дисциплине; 8) быть коллективистом, то в 90-е годы на первое место выходят: стремление заработать деньги, карьерный рост; потребительские ценности, открытость и толерантность.

Официальной печатью КНР были опубликованы итоги обследования нравственного состояния китайского общества: "...в области строительства гражданской морали у нас в стране существует немало проблем. В некоторых сферах и местах общества утрачены моральные ориентиры, размывы границы между правдой и ложью, добром и злом, прекрасным и отвратительным. Стали произрастать меркантилизм, гедонизм, крайний эгоизм, иногда имеет место забвение долга ради выгоды, личная нажива за общественный счет, общественным злом стали утрата доверия, обман и подлог, серьезный характер приобрели корыстное злоупотребление своим положением, разложение и деградация..."³⁶.

Значительно изменились представления о браке, семье, сексе, выборе брачного партнера, взаимоотношении полов в целом. Если в дореформенном Китае внебрачные связи считались предосудительными, а для состоящих в браке людей секс более одного раза в неделю считался "неразумным расходом энергии", то сейчас сексуальность активно пропагандируется средствами массовой информации, рекламой, став неотъемлемой частью молодежной массовой культуры, особенно в городах. Поведение молодого поколения все чаще строится на принципе "я делаю то, что я считаю правильным"³⁷, традиционные нравственные нормы не имеют больше доминирующего значения.

Несмотря на внешнюю строгость нравов, сексуальные отношения в Китае всегда (за исключением нескольких послереволюционных десятилетий) характеризовались значительной степенью свободы для мужчин. Однако даже в сегодняшнем Китае обсуждение проблем секса на межличностном уровне остается табу, за исключением поколения, выросшего в эпоху реформ. В последнее десятилетие внебрачные и добрачные половые связи получили широкое распространение среди представителей разных поколений, причем общество стало относиться к ним с большей терпимостью. По мнению известного китайского сексолога Лю Далиня, девушки хотят разбогатеть как можно быстрее и вести роскошную жизнь³⁸, торговля телом в условиях вседозволенности и ажиотажного спроса на сексуальные услуги предоставляет им такие возможности.

Кроме этого, в последние годы значительно усилилась социальная поляризация, имеют место массовые сокращения работников государственных и нерентабельных предприятий, что сказалось на росте безработицы, интенсификации внутренней миграции. По мере расширения миграции женщин, особенно молодых, из сельских районов Китая в 90-е годы возросло количество преступлений, связанных похищением, насильственными действиями и торговлей людьми в целях заключения с мигрантками принудительных браков или принудительного вовлечения их в сферу сексуальных услуг³⁹. Все вышеупомянутые процессы способствовали невиданному всплеску проституции.

Оценки доходов и численности занятых в сфере сексуальных услуг

Китайский экономист Ян Фань считает, что проститутки зарабатывают около 500 млрд юаней в год (он исходит из того, что их 20 млн со средним доходом 25 тыс. юаней в год), это составляет 6% ВВП. Половина из этих денег оседает в сфере потребления (услуги сотовой связи, охраны, такси, аренда апартаментов и домов, одежда, косметика, медицинские услуги и препараты и т.п.⁴⁰). Даже если исходить из того, что приведенные выше цифры завышены, они в любом случае впечатляют.

Действительно, количество проституток определить достаточно сложно, однако Чжун Вэй предложил оценить это количество по результатам кампании, проведенной полицией в 1999 г. в Пекине, где было проверено 6000 массажных салонов и салонов красоты, 1866 развлекательных заведений, в которых оказывались сексуальные услуги. По его оценкам в Пекине работало более 300 тыс. проституток, в Фучжоу — более 100 тыс., в Гуанчжоу и Шэньчжэне проституция имеет связи с организованной преступностью и местными чиновниками. В Тайюане провинции Шаньси было выявлено 5000 зарегистрированных танцевальных клубов, и более 3000 подпольных публичных домов, с общей численностью проституток более 100 тыс. В провинции Цзянсу проститутки предлагают свои услуги на автодорогах, останавливая машины, а в Куньмине пошли еще дальше: вдоль автодорог стоят трейлеры с кроватями. На 1000 бензозаправочных станциях в Нинся-Хуэйском автономном районе автомобилистам предлагались сексуальные услуги⁴¹.

С начала 90-х рынок сексуальных услуг стал формироваться и в Тибетском автономном районе: в основных городах, вблизи военных частей, вдоль основных дорог, оживившихся в связи со значительным ростом объемов товарных и людских перевозок. Большинство проституток (60%), работающих в ТАР, китайки, многие — из провинции Сычуань, есть представительницы народности хуэй из провинции Шаньси а также из других провинций, есть иностранки-«блондинки», работающие в Лхасе. Условия работы и заработка в разных местах ТАР значительно варьируют. Наилучшие условия отмечены в Лхасе, однако наиболее выгодные места заняты проститутками-китайками. Клиенту услуги тибеток в Лхасе стоят в среднем 100 юаней, из которых 50% они отдают владельцам заведений, в которых они работают (бары, парикмахерские и т.п.), в южных районах тариф падает до 80-50 юаней, в некоторых местах они получают от хозяев ежемесячно порядка 300 юаней. Поскольку многие из владельцев заведений имеют хорошие отношения с властями и полицией, проститутки не могут на них жаловаться в случае эксплуатации и физического насилия. Тарифы на сексуальные услуги у тибеток ниже, чем у китайок. Тем не менее, несмотря на то, что тибетцы предпочитают китайок, из-за боязни венерических заболеваний и по экономическим соображениям они обращаются не только к ним⁴².

Проституция расцвела пышным цветом в Шэньяне, став одним из основных источников дохода для жительниц после закрытия государственных предприятий и массовых увольнений. В городе в 2000 г. насчитывалось 5225 развлекательных заведений, клубов, танц-холлов, массажных салонов⁴³. Для многих молодых женщин из густонаселенных, отдаленных, горных районов таких, например, провинций, как Сычуань, Хунань, Гуйчжоу, проституция является единственным способом трудоустройства и добывания средств к существованию.

В Шанхае проститутки зарабатывают в среднем 300 юаней за ночь (36\$) и около 6000 юаней в месяц (725\$)⁴⁴. В Гонконге доходы женщин, занятых

в сексуальной сфере в середине 90-х составляли в среднем 12000 НК\$ (1500\$)⁴⁵. В Чжаотун пров. Юньнань в ночном клубе, расположенном в здании городского налогового управления, менеджер знакомит посетителей с расценками: девушка стоит 120 юаней (14,5\$) в час, если гость забирает девушку в гостиницу на короткое время — 1200 юаней (145\$), на всю ночь — 2000 юаней (241.63\$)⁴⁶.

По некоторым оценкам, в КНР насчитывается около 20 млн проституток⁴⁷. Согласно материалам доклада Госдепартамента США, в КНР в 2001 г. около 10 млн человек были вовлечены в сферу сексуальных услуг⁴⁸. По данным же Министерства общественной безопасности КНР на 2000 г. в стране насчитывалось 4 млн проституток и 18 млн молодых женщин (средний возраст 23 года), которые мигрируют по стране в поисках лучшей работы и более высоких доходов⁴⁹.

Основные причины попадания девушек на секс-рынок

Можно выделить несколько основных причин попадания девушек и молодых женщин в КНР в сферу сексуальных услуг. Неравные возможности в трудоустройстве мужчин и женщин, несмотря на законодательно закрепленное равенство полов, меньшая оплата труда женщин по сравнению с мужчинами, существование профессий, особенно в сфере неквалифицированного труда и сфере услуг, где заняты исключительно женщины. Это многочисленные отели, бары, рестораны, ночные клубы, парикмахерские, салоны красоты, и т.п. Часто работающие в ночных клубах и барах таких заведений женщины не имеют заработной платы как таковой, они получают чаевые от клиентов в качестве оплаты за свои услуги. Для того, что свести концы с концами в городах им необходимы дополнительные заработки.

Даже после окончания университета девушке очень сложно найти рабочее место. Некоторые юные выпускницы китайских вузов прилагают к своим резюме фотографии, на которых они изображены в мини-юбках или даже в бикини. Другие подчеркивают свое умение петь и танцевать и даже способность выпить много спиртного, надеясь таким образом привлечь внимание потенциальных работодателей. Показательны в этом отношении объявления о найме на работу в китайских газетах. В большинстве объявлений о приеме на работу уже давно стали привычными фразы: "рабочие места только для выпускников-мужчин", "предпочтение отдается мужчинам". Как правило, частные и иностранные работодатели готовы принять на работу лишь "привлекательных, одиноких молодых женщин не старше 25 лет". В трудовых контрактах особо оговаривается отсутствие отношений с молодыми людьми и отказ от планов создания семьи. В объявлениях термин "менеджер по связям с общественностью", как правило, означает эскорт услуги для высокопоставленных чиновников, потенциальных клиентов и партнеров компании. Сотрудники, выполняющие секретарские обязанности, допускают, что им придется выполнять сексуальные прихоти своего начальства, дабы не лишиться места. Дело в том, что в КНР до сих нет законов, защищающих женщин от сексуальных домогательств на рабочих местах⁵⁰.

По словам заместителя председателя Городской женской федерации Пекина У Чанчжэн, несмотря на то, что недавно был принят целый ряд особых законов и постановлений, гарантирующих равную возможность обеспечения занятости мужчинам и женщинам, многое еще предстоит сделать для того, чтобы претворить эти законы в жизнь". В 2004 г. показатель занятости студентов-выпускников снизился с 70% до 65%. Это значит, что более 1 млн дипломированных специалистов пополнили ряды безработных, причем большинство из них девушки⁵¹.

Известно, что 80% трудоспособных китайянок работают, поскольку семья не может покрывать свои расходы исключительно за счет доходов мужчин. Потеря рабочего места замужней женщиной бывает ставит семью на грань выживания, заставляя ее искать любую работу, вплоть до торговли собственным телом. На сегодняшний день общее число нуждающегося населения Китая составляет 20 млн человек, 60% которых — женщины. В целом, как в городах, так и в деревнях доходы женщин ниже доходов мужчин⁵². Проституция, таким образом, является источником как основного, так и дополнительного доходов в условиях острой конкуренции на рынке труда и массовой безработицы.

В деревнях вербовщики прежде всего работают с женщинами рано вышедшими замуж или с теми, чье сексуальное поведение далеко, по мнению односельчан, от традиционной морали. Этой категории женщин открыто рассказывают о характере ожидающей их работы. Тем не менее большинство едет в города в поисках работы. Как правило, из дома девушки берут небольшую сумму денег с собой и в жестких экономических условиях городской жизни без поддержки близких, в отсутствии знакомых и друзей им ничего не остается, как идти на панель. Однажды попав в секс-бизнес, женщины начинают искать лучшие условия, не оставаясь более 6 месяцев в одном городе. Как правило, проститутки стараются сохранить в тайне, чем они зарабатывают на жизнь, продолжая, однако, поддерживать связи с родственниками, друзьями и знакомыми в их родных деревнях и городах. В тех местах, где работают, они держатся вместе, являясь в определенном смысле особой маргинальной группой. Несмотря на жесткую конкуренцию в трудных жизненных ситуациях помогают и поддерживают друг друга.

Согласно материалам исследования, проведенного в Гонконге среди уличных проституток в начале 90-х годов, женщины сделали свой выбор в пользу сферы сексуальных услуг по следующим причинам: отсутствие приемлемой работы, возможность заработать гораздо больше денег, чем на различного рода предприятиях и в сельскохозяйственном производстве, гибкий график работы, неполный рабочий день, более комфортные условия труда, чем на производстве (где часто плохая вентиляция, повышенный уровень шума, значительная скученность), наличие долгов, связи с членами триад (групп организованной преступности). Немаловажную роль в выборе играет и мечта встретить богатого мужчину и выйти за него замуж. Многие из перечисленных представлений не соответствует действительности или соответствует лишь ей частично, однако они достаточно широко распространены среди молодых женщин, попадающих по собственной воле в сферу сексуальных услуг. Большая часть опрошенных женщин до того, как попасть на панель, работала на производственных предприятиях⁵³.

Еще несколько лет назад тибетки в этом бизнесе были редкостью, однако экономические сдвиги подвигли и их на путь проституции. Они в поисках работы и лучшей жизни приходят в города из отдаленных деревень Центрального Тибета. Однако, отчаявшись найти достойную работу, в конце концов оказываются в ресторанчиках, барах, развлекательных заведениях, где им приходится оказывать и сексуальные услуги. Многие из женщин состоят в браке, они, как правило, зарабатывают деньги, необходимые для определенной цели, например постройки дома, открытия магазина и т.п. Согласно опросам, проведенным Тибетской информационной сетью, тибетки назвали основной причиной толкнувшей их к занятию проституцией возможность дополнительного заработка, кроме того, они особо отметили, что это единственный способ зарабатывать приличные деньги, поскольку им достаточно трудно найти работу из-за низкого уровня образования (они, как правило, не говорят и не пишут по-китайски), большинство из них вообще неграмотные. Средний возраст про-

ституток тибеток составляет 20 лет, однако в отличие от других провинций Китая среди них практически нет девушек моложе 18 лет⁵⁴.

В Шанхае помимо вышеперечисленных причин, молодые женщины сказали, что занимаются проституцией временно с целью сэкономить деньги на открытие собственного бизнеса, чтобы иметь дополнительные средства на жизнь во время обучения в колледжах и университетах⁵⁵.

Старшекласницы Куньмина, оказывавшие сексуальные услуги, заявили представителям местной прессы, освещавшей громкий судебный процесс о вовлечении в проституцию более 50 школьниц, что им нравится проводить время с богатыми клиентами. Общественность была шокирована тем, что школьницы, занимавшиеся проституцией, в большинстве своем хорошо учились, шли на панель добровольно, часто из-за любопытства, а не из-за нищеты. Богатые клиенты, главным образом местные бизнесмены и чиновники, водили их в роскошные рестораны, шикарные отели, давали им значительные, по их представлениям, суммы денег, причем платили в несколько раз больше, в случае если девочки были девственницами⁵⁶. Из этого можно заключить, что не только нищета толкает девушек на этот путь, но и подростковое любопытство и стремление к красивой жизни.

В материалах Министерства общественной безопасности КНР (отчет по району Дунчэн, Пекин, опрошено 119 проституток в возрасте 17—54 лет) особый акцент делается на следующих мотивах, толкающих девушек и женщин на панель: 1) любовь к роскоши и стремление к материальному благополучию — 30,3%; 2) потеря девственности, которая воспринимается ими как невозможность выйти замуж и вести нормальную жизнь — 10,1%; 3) скука и поиск утешения — 16%; 4) преклонение перед Западом и поиск удовольствий — 3,3%; 5) любовь к деньгам — 19,3%; 6) способ заработать на жизнь в трудные времена — 21%⁵⁷.

В условиях рыночной экономики сфера сексуальных услуг стала весьма привлекательной, поскольку предлагает более заманчивые финансовые перспективы, чем другие виды профессиональной деятельности. Таким образом, очевидны три основных мотива, по которым китайские девушки и женщины делают относительно добровольный выбор в пользу занятости в сфере сексуальных услуг — это деньги (высокий заработок), определенный образ жизни (относительная свобода, работа в развлекательных заведениях и т.п.) и добытие средств к существованию (в условиях безработицы).

Социально-демографические характеристики женщин

Социальные и возрастные характеристики женщин, занятых в сфере коммерческого секса, в последнее десятилетие претерпели изменения. Если раньше проституцией занимались, как правило, в основном малообразованные женщины, сельские и горожанки, принадлежавшие к низшим социальным слоям, не имеющие профессии или безработные, то в 80-е годы древнейшая профессия стала привлекательной и для работниц государственных и частных предприятий, и для интеллигенции, студентов, и даже для дочерей высокопоставленных чиновников⁵⁸.

Пекинская федерация женщин в конце 90-х годов провела исследование, из которых следует, что проституцией занимаются в основном женщины 14-29 лет, однако в последние годы в связи с массовыми увольнениями с госпредприятий, на панель вышли и женщины более старших возрастов. Более половины занятых в секс-индустрии — это жительницы сельских районов. Если в 1991 г. женщины из сельских районов страны, арестованные за занятие проституцией составляли, лишь 3%, то в 1999 г. — 62%, что связано с интенсивным оттоком населения, особенно молодежи, из сельских районов в города⁵⁹.

Изменение демографических характеристик женщин, занятых в секс-индустрии зафиксировано в материалах исследований китайских специалистов, проводившихся в 1995-2000 гг. в двух небольших городах Хайнани и одном из городов Гуанси Чжуаньского автономного района. Если в 1995 г. на Хайнани проституцией занимались в основном женщины из других провинций, то в 2000 г. местные проститутки составляли более 60%, причем за этот же период среди них вдвое увеличилось количество представительниц народности ли с 22 до 45%. Количество незамужних женщин среди проституток падает, так на Хайнани в 1995 г. они составляли 90%, в Гуанси — 54%, а в 2000 г. 70% и 44% соответственно. Более 70% из них имеют образование выше начального⁶⁰.

В последние годы в китайской прессе все чаще появляются материалы о занятии проституцией и сутенерством школьниц 13-18 лет. В этой связи особо отметим, что согласно УК КНР, уголовному преследованию подвергаются мужчины в случае приобретения ими сексуальных услуг у несовершеннолетних моложе 14 лет⁶¹.

Основные группы женщин, занятых в сфере сексуальных услуг

Можно выделить несколько групп девушек и женщин, работающих в секс-индустрии. Как и в других частях мира, в Китае существует "элита" среди женщин, оказывающих сексуальные услуги. Это, как правило, взрослые женщины, которые работают независимо, зарабатывают хорошие деньги, обладают относительно высоким уровнем контроля над условиями контрактов с клиентами. Эта группа работает по системе "девушки по вызову", с постоянной клиентурой из высших слоев общества, обладающей деньгами и властью. Кроме того, существуют женщины, которые в Китае известны как бао эр, содержанки, которые оказывают сексуальные услуги достаточно долгий период времени определенному клиенту и получают ежемесячную оплату. Конечно же, длительная связь подразумевает эмоциональную окрашенность отношений, однако, их основу все-таки составляют деньги и материальные ценности. Наличными любовницам выплачивают от 61\$ до 610\$, обычная сумма составляет 240\$. Кроме этого, мужчина должен оплачивать жилье и ежедневные расходы своей пассии.

Существует группа проституток, которые работают самостоятельно, в четырех- и пятизвездочных гостиницах, в которых останавливаются обеспеченные иностранцы и китайские бизнесмены. Как правило, они оказывают эскорт- и сексуальные услуги.

Значительная по численности группа жриц любви работает в ресторанах, гостиницах, караоке-клубах, барах, массажных салонах, салонах красоты и парикмахерских. Их заработки, условия труда, взаимоотношения с работодателями (хозяевами) варьируют. Так, в прибрежных провинциях они выше и лучше, чем в более бедных внутренних районах. Рынок сексуальных услуг наиболее развит в Гонконге, в курортных местах (о. Хайнань, Циндао). Хайкоу, например, столица Хайнаня, считается вторым крупнейшим центром проституции в Азии после Бангкока. Действительно, не успеет иностранец, независимо от пола, зарегистрироваться в отеле и подняться в свой номер, как ему по телефону неоднократно и настойчиво предлагаются разнообразные сексуальные услуги. В сентябре 2003 г. разразился международный скандал, связанный с организованным секс-туризмом. В г. Чжухай, пров. Гуандун 200 японских туристов устроили шумную вечеринку с местными проститутками в годовщину оккупации Японией северо-восточных районов Китая. В связи с нотой МИД КНР японскому правительству пришлось признать аморальность поведения своих граждан⁶².

Особую группу составляют проститутки, оказывающие разовые сексуальные услуги у себя на дому. Они самостоятельно снимают жилье и ищут клиентов, как правило, по телефону.

На более низкой ступени иерархии по доходам, условиям работы, включая и опасность быть арестованными полицией и сосланными в трудовые лагеря, стоят проститутки, работающие на улицах и обслуживающие менее состоятельных клиентов и, как правило, имеющие посредников-сутенеров.

Существует группа женщин, оказывающих сексуальные услуги не за деньги, а за крышу над головой и пищу. Это так называемые "общественные жены", женщины, которые живут вместе с группами сельских мигрантов, работающих в городах. Днем они готовят пищу, стирают, а ночью оказывают сексуальные услуги⁶².

Особую группу составляют иностранные проститутки (янцзи), работающие, как правило, в крупных городах и экономически развитых прибрежных провинциях Китая. Согласно статистике, большинство из них выходы из развивающихся стран, которые используют как различные легальные (контракты на работу или учеба в вузах), так и нелегальные способы въезда в страну (как правило, их курируют преступные группировки). Иностранки пользуются повышенным спросом, среди местных мужчин, желающих "попробовать иностранной плоти"⁶⁴.

(Окончание следует)

1. Сексуальные контакты, мотивированные получением денежного или иного материального вознаграждения (секс на коммерческой основе). Действия индивида, идущего на такого рода связи, могут рассматриваться как услуги (т.е. действия направленные непосредственно на потребителя, учитывающие его сексуальные запросы).
2. Автор выражает благодарность и признательность Фонду Цзян Цзинго (Chiang Sning-kuo Foundation for Scholarly Exchange) за возможность сбора материалов в библиотеке Школы востоковедения и африканистики Лондонского университета.
3. Коммерческие сексуальные услуги, оказываемые физическими лицами, не являются предпринимательской деятельностью как таковой. Труд лица, оказывающего коммерческие сексуальные услуги, приносит лишь доход в форме соответствующего вознаграждения, но не прибыль. Для получения дохода используются способности физического лица. Предметом торга является не само лицо, а его способности. Однако как лицо, получающее доход, оно обязано уплачивать налог в соответствии налоговым законодательством и, безусловно, считаться с нравственными устоями общества, в котором проживает.
4. <http://www2.kaskad-info.ru/new/gazeta/europa/e-73.hfm>.
5. <http://haifa.jnews.co.il/news/237>
6. Молодежь Эстонии. 2002, 13 сентября.
7. www.sexgid.ru/news.jsp?id=997
8. Бесправный живой товар // <http://www.sexgid.ru/news.jsp?id=450>
9. Барбан Е. Реформа легкого поведения // Московские новости. 27 августа, 2004.
10. <http://www.gazeta.ru/parliament/info/laws/14307.shtml>
11. Бесправный живой товар // <http://www.sexgid.ru/news.jsp?id=450>
12. Данилкин А. Куда летят ночные бабочки? Перспективы самой древней профессии // <http://www.mirprognozov.ru>
13. Штефан Е. Сеульская полиция арестовала организатора секс-клуба // Сеульский вестник. 30 мая 2003.
14. Штефан Е. Проституция — одна из ведущих отраслей корейской экономики // Сеульский вестник. 09.02.2003 // <http://vestnik.tripod.com/novosti03/020901.html>
15. <http://vestnik.tripod.com/articles/prostitution/html>
16. Мешеряков А. Платный секс в Японии дорог, но хорош // <http://www.grani.ru/prostitutes/articles/japanese/print.html>

17. Нарышкина А. Закон смотрит сквозь пальцы // *Время новостей*. 30 июля 2003; www.owl.ru/cgi/Content/runbroker
18. Проблему торговли женщинами в КНР автор предполагает рассмотреть в отдельной статье.
19. Цзинь, Пин, Мэй или Цветы сливы в золотой вазе. Иркутск: Улисс. 1995. С. 263.
20. Усов В.Н. Женские тайны старого Китая (жены, наложницы и гетеры в Поднебесной). М.: Наталис. 2005. С. 166-167.
21. Городецкая О.М. Искусство "Весеннего дворца" // *Китайский эрос*. М., "Квадрат", 1993. С. 84.
22. Усов В.Н. Указ. соч. С. 147; Pearson V., Yu R. Y.M. *Business and Pleasure: Aspects of Commercial Sex Industry // Women in Hong Kong* (ed. by Pearson V., Leung B.K.P.). Oxford Univ. Press, 1995. P. 250.
23. Лин Мэнчу. Любовные игрища Вэньжэня // *Китайский эрос*. С. 286.
24. Цзинь, Пин, Мэй или Цветы сливы в золотой вазе. С. 414.
25. Там же С. 414-415.
26. Ли Мэнчу. Наказанный сластолюб // *Китайский эрос*. С. 315, 329.
27. Ye Xiaqing *Commercialization and Prostitution in 19th Culture, Shanghai // Dress, Sex and Text in Chinese Culture* (ed. By A. Finnane, A. McZaren), Monash Univ. 1999, P. 51-52.
28. Ruan Fang Fu. *Sex in China: Studies in Sexology in Chinese Culture*. N.Y. 1991. P.75.
29. Усов В.Н. Указ. соч. С. 151-152.
30. Это большая толстая доска шириной в 4 или 5 ладоней с выдолбленным посередине отверстием. Ее надевают на шею человеку, а к ней прикрепляют два листа бумаги, на одном из которых перечислены его преступления, на другом — наказания, которые тот должен понести.
31. Ye Xiaqing. *Commercialization and Prostitution in 19th Culture, Shanghai*. P. 45.
32. Ruan Fang Fu. *Op.cit.* P. 75.
33. Проституция и торговля женщинами, порнография, производство и торговля наркотиками, азартные игры, запрещенные законом и мошенничество с использованием религиозных предрассудков // *Xin Ren. Violence against Women under China's Economic Modernization* // <http://www.aic.gov/au/publications/proceedings/27/Ren.pdf>
34. *Ibid.* P. 77.
35. Evans H. *Women and Sexuality in China*. Cambridge. 1997. P. 175; Ruan Fang Fu. *Op.cit.* P.79.
36. Переломов Л.С. "Четверокнижие" — ключ к постижению конфуцианства // *Конфуцианское "Четверокнижие"* ("Сы шу"). М., Восточная литература. 2004. С. 60-61.
37. Xu Luo. *Searching for Life's Meaning: Changes and Tentions in the Worlds Views of Chinese Youth in the 80-s*. Ann Arbor. 2002. P. 78, 102-103, 170.
38. Компас № 190, ИТАР ТАСС 13.12. 1994.
39. Гизе К. Мобильность и миграция в Китае // *Народонаселение и экология — ключевые факторы реформ*. М. Инф. мат-лы ИДВ РАН. Сер. Д. Вып. 3-4. 2003. С. 118-119.
40. Zhong Wei. *A Close Look at China's "Sex Industry"* // *Lianhe Zaobao*. Singapore October 2, 2000.
41. <http://www.uri.edu/artsci/wms/hughes/china.htm>
42. *Prostitution Booms in China's Newest Colony* // http://www.travelmag.co.uk/printer_473.shtml
43. <http://www.hartford-hwp.com/archives/55/319.html>
44. Lynch D.J. *More over Mao, Today's Chinese Revolution is Sexual* // http://www.usatoday.com/news/world/2003-09-15-china-sex_x.htm
45. Pearson V., Yu R. Y.M. *Business and Pleasure: Aspects of Commercial Sex Industry // Women in Hong Kong* (ed. by Pearson V., Leung B.K.P.). Oxford Univ. Press, 1995. P. 256.
46. *The Epoch Times*. August. 4, 2004.
47. Zhong Wei. *A Close Look at China's "Sex Industry"* // *Lianhe Zaobao*. Singapore October 2, 2000.
48. <http://www.state.gov/g/drl/rls/hrrpt/2001/eap8289pf.htm>
49. *China's Prostitution Capital Stirred, not Shaken by Vice Crackdown* // <http://www.hartford-hwpcom.archives/55/319/html>

50. Xin Ren. Prostitution and Employment Opportunities for Women under China's Economic Reform // <http://www.lolapress.org/artenglish/xinre13.htm>
51. <http://www.newsru.com/world/05apr2004/cv.html>
52. Синьхуа. 3 января 2005.
53. Pearson V., Yu R. Y.M. Business and Pleasure: Aspects of Commercial Sex Industry // Women in Hong Kong (ed. by Pearson V., Leung B.K.P.) Oxford Univ. Press, 1995. P. 246-253.
54. Prostitution Booms in China's Newest Colony // http://www.travelmag.co.uk/printer_473.shtml
55. Lynch D.J. More over Mao, Today's Chinese Revolution is Sexual // http://www.usatoday.com/news/world/2003-09-15-china-sex_x.htm
56. Teenage Prostitution Case Shocks China // <http://news.bbc.co.uk/2/hi/asia-pacific/17775221.stm>
57. An Analysis of 260 Prostitutes and Prostitute Clients // Chinese Sociology and Anthropology. 1997. Vol. 30. N1. P. 40-43.
58. Evans H. Op.cit. P. 176.
59. Xin Ren. Prostitution and Employment Opportunities for Women under Chinese Economic Reform // <http://www.lolapress.org/artenglish/xinre13.htm>
60. <http://ari.ucsf.edu/pdf/Posters/barcelona/liaol.pdf>
61. <http://newsbbc.co.uk/2/hi/asia-pacific/1775221.sfm>; <http://newsbbc.co.uk/2/hi/asia-pacific/729337.stm>
62. South China Morning Post. Sept. 30, 2003.
63. <http://ari.ucsf.edu/pdf/Posters/barcelona/liaol.pdf>
64. Nui Yangzi. Exploring the Phenomenon of "Foreign Prostitutes". // Chinese Sociology and Anthropology. 1997. Vol. 30. N 1. P. 90-95.

Проблема передачи современных технологий из США в Китай

© 2005

А. Лопатина

Обозначив стратегические приоритеты в экономическом развитии на десятилетие (до 2010 г.), КНР придает решающее значение развитию электронной, аэрокосмической и ядерной промышленности, призванных обеспечить стране определенный уровень экономической и военной мощи. Внедрение высоких технологий и научно-технических достижений развитых стран, осознается китайским руководством как фактор ускорения процесса модернизации индустриальной базы страны.

В этой статье рассматривается вопрос о том, какую роль играет проблема передачи технологий в американо-китайских отношениях; насколько данная проблема затрагивает вопросы национальной безопасности США; какие формальные и неформальные методы используются при передаче современных технологий в Китай — насколько актуальна проблема "перекачки мозгов", раскрытия коммерческих тайн и технологических секретов, связанных с желанием овладеть необходимыми технологическими приемами и навыками.

Средства передачи технологий

Лицензирование и приобретение современного оборудования, включая техническую поддержку, традиционно являются официальными способами импортирования технологий. Прямые иностранные инвестиции (ПИИ) могут во многом способствовать увеличению притока технических инноваций в страну, что расширяет возможности государства развить и обновить национальную индустриальную базу. Однако другие, неформальные, способы передачи технологий могут оказаться не менее значимыми в технологическом и, в конечном итоге, экономическом прорыве страны. Так, согласно оценке Мирового Банка,¹ в технологическом прорыве Южной Кореи в 70-е годы неформальные средства передачи технологий: техническая поддержка поставщиков, вклад персонала, имевшего опыт работы за рубежом, передача технической информации в страну — все это имело важное значение для быстрого технологического развития страны, сделав ее новым индустриальным государством.

Более того, копирование иностранных образцов также рассматривается в качестве эффективного способа передачи технологий, хотя, очевидно, оно применяется с определенной степенью выборочности и осторожности. В качестве примера Мировой Банк² приводит Шанхайскую велосипедную компанию (the Shanghai Bicycle Company), которая, копируя европейские модели, достигла высоких стандартов производства велосипедов и даже превзошла западных производителей.

При анализе стратегических подходов КНР к овладению новейшими высокими технологиями, однако, следует обратить внимание на то, что государственные капиталовложения в создание и развитие национальной базы для исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР) представляют собой один из решающих факторов индустриальной модернизации страны, где образование, профессионализм кадров и их способность освоить технические инновации играют важную роль.³

Создание механизмов, ограничивающих передачу технологий в Китай

В 1949 г. США и их союзники создали Координационный Комитет по многостороннему контролю над экспортом (КОКОМ), целью которого было ограничить торговые операции Запада с социалистическим блоком в целом и передачу технологических наименований с их возможным использованием в военно-промышленном комплексе в частности. Хотя Комитет по-прежнему выполнял свои функции и во время администрации Рейгана, в период ускорения внедрения научно-технических инноваций (например средств связи), по отношению к Китаю режим был ослаблен: стране был предоставлен новый статус, позволявший приобретать наименования, относящиеся к современным технологиям с возможным применением в военных целях.⁴ Подобные сдвиги в контроле над экспортом из США были продиктованы коммерческими интересами американских компаний, которые уже в 80-х годах стремились достичь сравнительного преимущества, внедрившись на китайский рынок.

По окончании "холодной войны" с потеплением отношений между Востоком и Западом функции КОКОМа, казалось, должны были бы исчерпать себя. Так, в ноябре 1993 г. на заседании глав представительств стран — участников Комитета было решено закрыть эту организацию.⁵ Однако менее чем через три года (в июле 1996 г.) в датском городе Вассенаар был обнародован новый механизм, практически унаследовавший режим КОКОМа в виде "многостороннего соглашения, регламентирующего торговлю обычными видами вооружения⁶ и высоко-технологическими наименованиями с их возможным применением в военных целях".⁷ Китайская Народная Республика не была включена в число стран-участниц нового соглашения под предлогом недостаточно сильного экспортного контроля над наименованиями оборонного комплекса, которые могли оказаться "в ненадежных руках".⁸ Нововведенный механизм был, таким образом, направлен на ограничение передачи стратегически важных технологий в КНР, а также на сдерживание растущей покупательной способности Китая в отношении высоко-технологичных продуктов.

Помимо Вассенаарского соглашения, Соединенными Штатами был разработан ряд инструментов и методов, призванных ограничить доступ Китая к стратегически важным технологиям. Так, политика США в отношении контроля над экспортом наименований двойного применения, программного обеспечения и технологий, отраженная в Правилах экспортного администрирования,⁹ включает в себя широкий спектр технологий, товаров, видов образовательной и научной деятельности, которые могут быть соотнесены с военно-стратегическими областями, а именно: с вопросами национальной безопасности, нераспро-

странения ядерных и ракетных технологий, химического и биологического оружия. Правилами предусматривается отказ в предоставлении лицензий на вышеупомянутые товары в случае, если они способствуют "прямому и значительному" или "предметному" вкладу в развитие военного комплекса в зарубежной стране.¹⁰

Перечень организаций, включенный в Правила экспортного администрирования, приводит ряд зарубежных организаций (в случае Китая — их двенадцать), которые могут представлять риск распространения вооружения или находить пути для своей деятельности в обход Вассенаарского соглашения.¹¹ Вышеупомянутые организации являются, в основном, научно-исследовательскими и проектными институтами, включая академические организации и университеты, вовлеченные в проекты ВПК.

Министерство обороны США принимает активное участие в экспортном лицензировании, проверяя возможность двойного применения экспортных наименований, утверждаемым Государственным департаментом и Департаментом торговли США. Так, Администрация по безопасности оборонной технологии, входящая в состав Министерства обороны, непосредственно занимается экспортным лицензированием и проводит тщательную экспертизу научных разработок в области инжиниринга и производственных инноваций. Помимо этого, существует также специальный отдел мониторинга космических запусков, который отвечает за лицензирование и разработку специальных программ контроля над запуском американского оборудования на иностранных пусковых установках и космических носителях, а также над запуском в США американских спутников, являющихся собственностью других стран. Таким образом, контроль над развитием и работой технологий космического запуска ведется на протяжении всего проекта — от начальной стадии до запуска.¹²

Работа отдела мониторинга космических запусков была тесно связана с американо-китайским сотрудничеством в области вывода на орбиту коммерческих спутников, получившим значительный импульс во время администрации Рейгана. Коммерческие спутники США использовали в качестве носителей для вывода на орбиту китайские ракеты "Великий поход". После событий на площади Тяньаньмынь в 1989 г. США и другие члены КОКОМа ввели ограничения на экспорт высоких технологий в Китай. Однако торговые операции по поставкам высоко-технологического оборудования (включая наименования двойного применения) продолжались в Китай; более того, в области вывода спутников на орбиту Китай неоднократно пользовался отказом от требований санкций.¹³ При этом следует отметить, что начиная с 1998 г. КНР более не могла воспользоваться отказом от требований "Тяньаньмыньских санкций", запрещавших запуск какого бы то ни было американского оборудования с территории Китая.¹⁴

Политика КНР в отношении передачи технологий

Ставя задачи модернизации и обеспечения высокого уровня самостоятельности промышленного и военно-промышленного комплексов страны, китайские лидеры подчеркивали важное значение развития национальной базы высоких технологий: "Без современной науки и техники невозможно создавать современное сельское хозяйство, современную промышленность и национальную оборону" (Дэн Сяопин);¹⁵ "Взаимодействие традиционной экономики с информационными технологиями станет двигателем развития экономики и общества в XXI веке." (Цзян Цзэминь).¹⁶ Импульс созданию базы высоких технологий был дан Национальной программой развития высоких технологий, принятой правительством КНР в 1987 г., которая основывалась на Плане под названием "863" (обнародованном в 1986 г.). Согласно Плану "863", в течение пятнадцати лет Китай должен был осуществить колоссальный прорыв в развитии

технологической базы и повышении оборонного потенциала страны, что позволило бы ему приблизиться к мировым стандартам и даже иметь возможность конкурировать с мировыми лидерами в области высоких технологий.¹⁷ Начиная с 1987 г. такие приоритетные секторы сферы НИОКР, как исследования в области освоения космоса, лазерные технологии и создание суперкомпьютеров стали объектом крупного прямого государственного финансирования.¹⁸ Другой правительственной инициативой явился объявленный в 1988 г. план “Факел”, преследовавший своей целью усиленное развитие и поддержку системы НИОКР. Изначально в задачи данной программы входило изыскание средств на научно-исследовательские проекты в основном в области создания новых материалов, микроэлектроники, информатики, энергетики, биотехнологии и электромагнитного приборостроения.¹⁹ В апреле 1992 г. была опубликована “Государственная долгосрочная (до 2020 г.) программа развития науки и техники в КНР”, которая подчеркивала необходимость тесной связи науки, техники и образования как основных движущих сил, ответственных за “возрождение” страны.²⁰

Столкнувшись с ограничениями в прямом приобретении лицензий на высоко-технологичные продукты, введенные высокоиндустриальными странами-разработчиками и владельцами технических знаний и навыков, Китай разработал долгосрочную стратегию привлечения в страну иностранных компаний, задействованных в наиболее передовых производственных секторах экономики. Как отмечалось на Комиссии по безопасности американо-китайских отношений, тактика китайского руководства по привлечению иностранных капиталовложений представляет собой набор средств с тем, чтобы “поощрять, разрешать, ограничивать и запрещать” иностранное присутствие в отдельных технологически-интенсивных производственных областях.²¹ Китайские государственные структуры строят свое законодательство таким образом, чтобы направить деятельность иностранных инвесторов от трудоемких проектов в развитие новейших технологий и современной инфраструктуры, усовершенствование и обновление индустриальной базы.²²

Так, уже на самом начальном этапе реформ китайское законодательство содержало многочисленные положения относительно передачи из-за рубежа современных технологий. Иностранные компании-инвесторы должны были предоставлять в правительственные структуры лицензионные документы на использование современных технологий; зарубежные предприниматели-инвесторы получали значительные льготы при ввозе в страну современного оборудования для запуска производственных линий (например освобождение от импортных пошлин). Кроме того, совместные предприятия, задействованные в секторах экономики, особо поощряемых государством, могли воспользоваться налоговыми каникулами в течение первых пяти лет с начала получения прибыли, что давало возможность реинвестировать в уже существующие производства.

Привлечение прямых иностранных инвестиций в Китай имеет важное значение по ряду причин. Прежде всего ПИИ способствуют созданию и оснащению национальной производственной базы страны через импортное производство технологий, что в конечном итоге трансформирует страну в современное индустриальное государство. Центры НИОКР, созданные иностранными корпорациями, вносят существенный вклад в обновление и совершенствование технологического уровня экономики: подобная деятельность компаний направляется в промышленные секторы, включая экспортно-ориентированное производство и военно-промышленный комплекс. Наконец, размещая свои опытно-технологические центры в Китае, транснациональные корпорации тем самым создают возможности для глобализации интеллектуального труда в КНР.²³ Без передачи современных технологий из-за рубежа Китаю

пришлось бы затратить значительно больше времени на создание и развитие своей собственной технической базы.

Передача развитыми странами технологий и китайский рынок

Китайский огромный потребительский рынок и низкая стоимость труда стали основными факторами, привлекшими зарубежных производителей в КНР. При этом следует отметить, что льготы, предоставляемые государством иностранным предпринимателям, были во многом аналогичны системе поощрения иностранных инвесторов в других странах Восточной Азии и Латинской Америки, в то время как требования по передаче технологий и бюрократические барьеры, связанные с регистрацией совместных производственных предприятий в КНР порой оказывались более жесткими и даже дискриминационными.

Для транснациональных корпораций (ТНК) с капиталом из США, Евросоюза и Японии передача технологий во многом способствовала получению разрешений от китайских властей на ведение бизнеса в КНР, зачастую являясь своего рода неформальным соглашением между иностранными предпринимателями и китайскими чиновниками. Компаниям было значительно легче получить разрешение на свою деятельность в КНР, если они дополнительно вкладывали средства в создание своих научно-исследовательских, экспериментальных центров на территории республики.

Присутствие и успешная деятельность зарубежных крупных корпораций в Китае связана с двумя основными вопросами. Во-первых, компании вынуждены постоянно конкурировать между собой: американские корпорации имеют достойных оппонентов в лице европейских и японских компаний. Китайские власти, преследуя цель заполучить максимально возможную передачу технических инноваций в обмен на китайский рынок, сознательно используют конкуренцию между ведущими мировыми производителями. Во-вторых, зарубежные корпорации вынуждены подстраиваться под политический фон конкретной ситуации и общую картину международных отношений КНР с индустриальными капиталистическими странами.

Согласно Докладу о мировых инвестициях 2002 г., в период с 1985 по 2000 г. Китай вышел победителем в области экспорта полупроводников, увеличив свою долю в мировом рынке с 0,14% в 1985 до 8,82% в 2000 гг.²⁴ Все десять лидирующих ТНК в этой области имеют свои производства в Китае: Intel, Texas Instruments, Motorola (США); Toshiba, NEC, Hitachi (Япония); ST, Infineon, Philips (Европа) и Samsung (Южная Корея). В качестве производственной платформы Китай, похоже, имеет на своей территории все основные голубые фишки с довольно сбалансированной структурой относительно географической принадлежности уставного капитала корпораций.

Нижеприведенные цифры дают представление о степени конкуренции на китайском рынке между европейскими, американскими и японскими корпорациями в 1995 г.: 38 ведущих мировых автомобильных компаний имели свои производства в Китае, 16 из которых из Евросоюза, 10 — из США и 9 — из Японии. Подобным образом 25 крупнейших корпоративных игроков в химической промышленности имеют свое присутствие в КНР: 11 из них из Евросоюза, 3 из США и 1 из Японии. Остальные 9 — тоже из Европы — из Швейцарии и Норвегии.

Неудачный опыт "Крайслера" в тендере в январе 1995 г. на участие в совместном предприятии, созданном под государственный заказ производства микроавтобусов (доля участия китайской стороны составляла 1,2 млрд ам. долл.), может служить одновременно примером политического решения и разрешения дискуссий о передаче технологий. Тендер выиграл германский "Даймлер-Бенц", который не имел такого большого опыта как "Крайслер" в производстве объявленного типа автомобилей. Тендер совпал по времени с ви-

зитом тайваньского президента Ли в США, что вызвало вполне прогнозируемую негативную реакцию Пекина. Кроме того, “Крайслер” был склонен в меньшей степени заключить соглашение с китайской стороной о передаче технологий, в то время как “Даймлер-Бенц” шел на большие уступки в этом вопросе.²⁵

Визиты в Европу председателя КНР Ху Цзиньтао в январе 2004 г. и премьера Вэня Цзябао в мае того же года четко продемонстрировали основные направления внешне-экономической политики Китая в отношении развитых индустриальных стран. Суть соглашений с крупнейшими европейскими компаниями, подписанных с участием китайских лидеров, сводится к следующему: Китай предоставляет доступ на свой многообещающий рынок европейским производителям (что может помочь им преодолеть трудности экономической рецессии) в обмен на передачу технологий. Китайские лидеры нового поколения последовательны в императивах экономической стратегии, выдвинутой Дэн Сяопином в начале 1980-х:

“Сейчас, когда западно-европейские страны испытывают экономические трудности, мы не должны терять времени в поисках путей сотрудничества с ними с тем, чтобы ускорить технологическую трансформацию нашей страны... Китай может предоставить огромный рынок, так что многие страны захотят развивать сотрудничество или совместно работать с нами. Мы должны ухватиться за эту возможность. Это является вопросом стратегической важности”.²⁶

Вряд ли можно рассматривать как чистое совпадение тот факт, что в январе 2005 г. министрами иностранных дел Евросоюза был поднят вопрос об ослаблении эмбарго на поставку вооружений в Китай, ограничивающего продажу оружия и передачу военных технологий. Напомним, что эмбарго по отношению к Китаю было введено по инициативе развитых капиталистических стран после событий на площади Тяньаньмынь в 1989 г. Вассенаарским соглашением, а в 1996 г. эмбарго было подтверждено и усилено.

Китай и ВТО

В связи с приближением Китая в процессе переговоров к моменту вступления в ВТО правительство США столкнулось с необходимостью избежать конфликта между законодательством США, которое требовало ежегодного подтверждения Конгрессом статуса режима наибольшего благоприятствования (РНБ) в отношении КНР, и обязательствами США как члена ВТО, заключающимися в безусловном предоставлении РНБ странам-членам организации. Перед Конгрессом США встал вопрос окончательного рассмотрения вопроса о предоставлении РНБ Китаю.²⁷ Противники положительного решения выразили свою озабоченность по поводу будущего развития американо-китайских отношений. Так, сенатор Поль Сарбан подчеркивал, что, помимо торговли, существуют другие вопросы государственного значения — национальная безопасность, внешняя политика, права человека, права трудящихся и окружающая среда.²⁸ Политика Китая по привлечению иностранного капитала и технологий может иметь серьезные последствия для национальной безопасности США.

Примерно за год до этого 200 глав американских корпораций, работающих в области высоких технологий (так называемые “голубые фишки”), обратились к сенаторам и членам Конгресса США с просьбой проголосовать за предоставление КНР режима наибольшего благоприятствования: “РНБ является абсолютным приоритетом для корпораций высоких технологий, и мы рассматриваем данный процесс голосования, как имеющий критическое значение в поддержке промышленности высоких технологий в этом году [2000]; ...срыв в установлении РНБ с Китаем откроет беспрецедентные возможности нашим европейским и азиатским конкурентам, предоставив им огромные преимущества в Китае и пошатнув глобальное лидерство Америки в области развития и приращения самых современных технологий.”.²⁹ Компания “Боинг” являлась одним

из самых активных и заинтересованных сторонников предоставления РНБ Китаю и принятия КНР в ВТО.³⁰

В период с 1990 по 2000 г. прямые инвестиции из США в КНР выросли с 354 млн амер. долл. до 9,58 млрд амер. долл. (в 27 раз). Рост прямых инвестиций США (1994-2000) в производство электронного оборудования в КНР составил 1787%.³¹

Корпорации, инвестирующие в Китай, ставят в сильную зависимость свой бизнес от производственных линий, работающих в КНР. Оборонная промышленность США также не является исключением: многие компоненты для ВПК США производятся в цехах, принадлежащих США и размещенных на территории КНР.³² Следующие цифры раскрывают динамику импорта в США из Китая современных технологических наименований: от объема стоимостью в 0,16 млрд амер. долл. в 1990 г. до 13,36 млрд амер. долл. в 2001 г., что составляет прирост на 8126%! Одновременно экспорт из США в Китай современных технологических наименований вырос на 483% — от объема стоимостью в 1,24 млрд амер. долл. до 7,24 млрд амер. долл.³³ Содержание китайского импорта в США смещается в сторону растущей доли высоко-технологичных наименований, которые в состоянии конкурировать с подобными наименованиями, произведенными в США.³⁴

В мае 2001 г., за несколько месяцев до подписания Президентом Бушем прокламации о предоставлении КНР статуса РНБ, что ознаменовало конец ежегодного голосования по этому вопросу в Конгрессе США (согласно поправке Джексона-Ваника),³⁵ Комиссия по безопасности американо-китайских отношений сделала вывод о том, что основная часть современной технологической базы КНР была создана с помощью США и мульти-национальных корпораций, в то время как Япония и Евросоюз "не делились своими технологическими инновациями с такой же готовностью, как это делала американская сторона".³⁶ Таким образом, китайский растущий рынок стал одним из факторов нарушения равновесия в американо-китайских отношениях между желанием американских корпораций извлечь максимальную выгоду от сотрудничества с КНР, что являлось залогом успеха и победы над конкурентами, и стремлением правительства США сохранить уровень национальной безопасности на высоком уровне.

Хотя, став членом ВТО, Китай уже не в состоянии выдвигать иностранным компаниям требования по передаче технологий и созданию центров НИ-ОКР в обмен на предоставление доступа на внутренний рынок и определенных льгот при импорте в страну, условие передачи технологий остаются по-прежнему значимым при получении компаниями разного рода разрешений от местных властей: "...иностранные компании все еще должны подавать на рассмотрение в государственные органы власти лицензионные документы касательно использования технологий в целях получения разрешения на продление проекта. В некоторых отраслях промышленности неформальные административные меры принимают форму "рекомендации" иностранным компаниям по передаче технологий как условия в обмен на допуск на китайский рынок...".³⁷ Комиссия по безопасности американо-китайских отношений высказала предположение, что американские компании "могут идти на скрытые уступки [по передаче технологий] в желании опередить и вытеснить своих конкурентов".³⁸ О случаях незаконной передачи технологий в Китай компаниями "Боинг" и "МакДоннелл Дуглас", связанных с вопросами торговли и инвестирования, речь впереди.

(Окончание следует)

1. China. Long-term development issues and options. [The Report of a Mission sent to China by the World Bank.]: World Bank, The Johns Hopkins University Press, 1985. pp. 116-117.
2. Ibid.
3. Так, например, только за 2003 г. в сферу НИОКР было вложено Китаем 152,01 млрд юаней (18,36 млрд амер. долл.) или 1,3% ВВП страны. Подобная цифра за 2000 год составляла 89,6 млрд юаней или 1% ВВП страны. При этом более 50% капиталовложений в НИОКР приходится на предприятия, а не ВУЗы и НИИ страны.
4. Gurtov M. Pacific Asia? Prospects for security and cooperation in East Asia. Rowman & Littlefield Publishers, Inc. 2002. P. 111.
5. Lipson M. The reincarnation of COCOM: explaining post-Cold War export controls // The Nonproliferation Review, Winter 1999. Retrieved April 3, 2003, from <http://cns.miis.edu/pubs/npr/vol06/62/lipson62.pdf>
6. Имеются в виду неядерные виды вооружения.
7. Lipson M. Ibid. Членами Вассенаарского соглашения стали следующие страны: Аргентина, Австралия, Австрия, Бельгия, Болгария, Канада, Чехия, Дания, Финляндия, Франция, Германия, Греция, Венгрия, Ирландия, Италия, Япония, Люксембург, Нидерланды, Новая Зеландия, Норвегия, Польша, Португалия, Румыния, Россия, Словакия, Южная Корея, Испания, Швеция, Швейцария, Турция, Великобритания, Украина, США.
8. Gurtov M., Hwang B.-M. China's security. The new roles of the military. London: Lynne Rienner Publishers, 1998. P. 238.
9. The Export Administration Regulation (EAR).
10. Principal Statutory Authority for the Export Administration Regulations. (January 2003). Export Administration Regulations Database: <http://w3.access.gpo.gov/bis/ear/pdf/legalauthority.pdf>
11. Entity List, Export Administration Regulations. (December 21, 2001). [Supplement No. 4 to Part 744.] Export Administration Regulations Database: <http://w3.access.gpo.gov/+bis/ear/pdf/744spir.pdf>
12. Bronson L. [Deputy under Secretary of Defense for Technology Security Policy and Counterproliferation.] Statement. U.S.-China Commission Export Controls and China, January 17, 2002. [Electronic version].
13. Gurtov M. Op. cit. P. 111.
14. Bronson L. Op. cit.
15. Deng X. Speech at the opening ceremony of the national conference on science. (March 18, 1978) // People's Daily. Retrieved January 23, 2004, from <http://english.peopledaily.com.cn>
16. Jiang Zemin (August 22, 2000). Recited from Segal A. Digital dragon. High-technology enterprises in China. Cornell: Cornell University Press, 2003. P. 1.
17. 863 — hi-tech research and development program of China. [Annual Report 2001.] Retrieved December 9, 2004, from <http://www.863.org.cn>; См. также: Segal A. Digital Dragon. High-Technology Enterprises in China. P. 30.
18. Feigenbaum E. A. Who's behind China's high-technology 'revolution'? International Security. Vol. 24. Issue 1. Summer 99. [Electronic version].
19. Segal A. Op. cit. P. 30.
20. Наумов И. Н. Стратегия экономического развития КНР 1996-2020 гг.: Институт Дальнего Востока РАН. М., 2001. С. 117.
21. USCC. Trade and investment. In The national security implications of the economic relationship between the United States and China (Ch. 2). [U.S.- China Security Review Commission Report to U. S Congress], July 2002. Retrieved March 5, 2003, from http://www.uscc.gov/ch2_02.htm.
22. Chai M. Foreign capital helps maintain rapid growth. [Electronic version] // Beijing Review. 3. January 17, 2003.
23. Choate P. & Miller E. An analysis of the US industrial base and China. USCC (United States-China Security Review Commission), 2002. Retrieved March 5, 2003, from <http://www.uscc.gov>
24. UNCTAD. World Investment Report 2002: Transitional Corporation and Export Competitiveness Conference on Trade and Development. New York and Geneva, 2002/Retrieved March 2, 2003 from United Nations Conference on Trade and Development's website. <http://www.unctad.org>, Table V.4.

25. Hughes S. & Weidenbaum M. The bamboo network:. Martin Kessler Books, The Free Press, 1996. P. 180.
26. Deng X. Use the intellectual resources of other countries and open wider to the outside world. Excerpt from a talk with leading members of the Central Committee of the Communist Party of China. (July 8, 1983) // People's Daily. Retrieved January 23, 2004, from <http://english.peopledaily.com.cn>.
27. GAO (United States General Accounting Office). World Trade Organization, China's membership status and normal trade relations issues. March, 2000. Retrieved March 5, 2003, from <http://www.gao.gov>; См. также: Лопатина А.В. Китай и Всемирная Торговая Организация: политическая игра и объективная реальность // Вестник научной информации. РАН. ИМЭПИ. Эпикон. № 9, М.: Эпикон, 2001. № 9. С. 58-83.
28. Sarbanes P. S. (June 14, 2001). U.S.-China Security Review Commission. Retrieved November 2, 2000, from <http://lists.state.gov> [See also reference under United States General Accounting Office].
29. B. Clinton cites support for China permanent normal trade status. White House touts support of governors and high-tech CEOs. April 3, 2000. Retrieved May 26, 2004, from the U.S. Diplomatic Mission to Australia's website: <http://usembassy-australia.state.gov/hyper/2000/0403/epf102.htm>
30. Boeing is "China's most valuable lobbyist" // New York Times. September 6, 1996. Retrieved October 6, 2002, from <http://www.nytimes.com>; См. также сайт компании "Боинг" в Китае: <http://www.boeingchina.com>
31. USCC. Trade and investment. In The national security implications of the economic relationship between the United States and China (Ch. 2).
32. Choate P. & Miller E. An analysis of the US industrial base and China.
33. McMillion C. China's very rapid economic, industrial and technical emergence. [Report prepared for the U.S.-China Security Review Commission]. May, 2002. Retrieved April 3, 2003, from <http://www.uscc.gov>
34. Sarbanes P. S. (June 14, 2001).
35. Bush grants Permanent Normal Trade Relations Status to China. US Department of State, December 27, 2001. Retrieved November 19, 2002, from: <http://usinfo.state.gov/regional/ea/uschina/pntrfinl.htm>.
36. USCC. (United States-China Security Review Commission). Technical briefing on business, trade, and economic issues, May 9, 2001. Retrieved March 5, 2003, from <http://www.uscc.gov>
37. USCC. Trade and investment. In The national security implications of the economic relationship between the United States and China (Ch. 2).
38. Ibid.

Формирование транснациональных корпораций в Китае

© 2005

Ба Цзиньсинь

В "Постановлении ЦК КПК о совершенствовании системы социалистической рыночной экономики", принятом на 3-м пленуме ЦК КПК 16-го созыва (октябрь 2003 г.), четко поставлена задача "способствовать развитию китайских транснациональных корпораций". Выдвижение этой задачи продиктовано тем обстоятельством, что в условиях глобализации место и роль Китая в международном разделении труда во все большей степени зависят от конкурентоспособности китайских национальных предприятий на мировом рынке. Наряду с поступательным повышением качества функционирования корпоративного звена экономики в целом, одним из важнейших направлений обеспечения международной конкурентоспособности народного хозяйства КНР ныне является создание мощных транснациональных корпораций, основанных на китайском капитале и формирующихся прежде всего путем прямого инвестирования средств за рубежом.

Хотя международная деятельность китайских предприятий достигла заметных масштабов сравнительно недавно, после провозглашения руководством КНР в 2000 г. стратегии выхода отечественного бизнеса за национальные границы, однако сам по себе старт транснациональному инвестированию китайского капитала был дан еще в конце 1970-х годов в связи с переходом Китая к политике реформ и внешнеэкономической открытости.

На наш взгляд, можно выделить четыре этапа развития транснациональной деятельности китайских предприятий.

Этап первичного формирования (1979-1985)

В августе 1979 г. Госсовет КНР предложил комплекс мероприятий по экономической реформе, среди которых значилось и создание предприятий за рубежом. В ответ на этот призыв часть предприятий, обладавших опытом международной деятельности, создали за границей представительства или торговые фирмы и начали поиск путей транснациональной деятельности. Однако в начальный период открытости китайское правительство осуществляло строгую систему утверждения предприятий, которым разрешалось зарубежное инвестирование. Независимо от форм и масштабов вывоза капитала за рубеж они должны были получать разрешение Госсовета. Кроме того, зарубежная деятельность разрешалась лишь компаниям, обладавшим правом ведения внешне-торговой деятельности, и компаниям технико-экономического сотрудничества провинций и городов. В этих условиях внешняя инвестиционная деятельность китайских предприятий осуществлялась в рамках высокоцентрализованного управления и характеризовалась крайне ограниченными объемами инвестирования. Предприятий, созданных за рубежом, было мало, и они были невелики

Ба Цзиньсинь, аспирант ИДВ РАН.

по масштабам. Методы их деятельности ограничивались простым субподрядом, предоставлением в небольших объемах трудовых услуг, созданием сбытовых сетей. Располагались такие предприятия в основном в Гонконге и Макао, странах Ближнего и Среднего Востока.

В ноябре 1979 г. пекинская фирма "Дружба" вместе с японской фирмой "Маруити седзи" создали в Токио акционерное общество "Кева". Это было первое предприятие после того, как Китай приступил к политике внешней открытости. Основная деятельность фирмы состояла в обеспечении пекинских предприятий пищевой промышленности передовыми технологиями и оборудованием, созданием в Японии ресторанов пекинской кухни, предоставлении поваров и публикации рецептов блюд китайской кухни.

В марте 1980 г. Китайская генеральная судостроительная компания и Китайская фрахтовая компания создали совместное предприятие с Гонконгской корпорацией региональных и всемирных перевозок — "Компанию с ограниченным капиталом по инвестированию объединенных морских международных перевозок". Штаб-квартира компании разместилась на Бермудах, а в Гонконге было создано представительство "Компании по международным объединенным морским перевозкам".

В июле 1980 г. Банк Китая создал в Гонконге вместе с "Ферст нэшил Бэнк оф Чикаго" (США), банком "Ниппон коге" и Банком "Хуажунь" первое совместное кредитно-денежное предприятие — компанию финансовых услуг с ограниченной ответственностью "Чжунчжи синъе".

В целом, согласно статистическим данным, если в 1979 г. Китай создал за рубежом только четыре предприятия неторгового характера с общей суммой инвестиций 1,21 млн долл., в т. ч. китайских — 0,53 млн долл., то к концу 1985 г. Китай имел за рубежом уже 189 подобных предприятий с общей суммой инвестиций 298 млн долл., в т. ч. китайских — 197 млн долл. (Рассчитано по данным таблицы 1). Зарубежные предприятия располагались в 45 странах и регионах, хотя большинство их было сосредоточено в Гонконге и Макао.

Этап последовательного развития (1986-1991)

Ради активизации участия предприятий в международной конкуренции, китайское правительство ослабило ограничения на внешнее инвестирование. В июле 1985 г. Министерство внешней торговли по поручению Госсовета КНР обнародовало "Экспериментальные правила порядка утверждения создания за рубежом совместных предприятий неторгового характера и методах управления ими", которые позволили существенно увеличить количество субъектов внешней инвестиционной деятельности. Право подать заявление на инвестиционную деятельность за рубежом имело любое предприятие, обладавшее устойчивым источником финансирования, определенным техническим уровнем и располагавшее конкретным партнером по сотрудничеству. Одновременно Министерство внешней торговли упростило процедуру утверждения проектов. Обычные проекты стоимостью до 1 млн долл. могли непосредственно утверждаться правительствами провинций или министерствами и комитетами Госсовета. В 1988 г. Госсовет также официально утвердил Китайскую компанию по импорту и экспорту химической продукции в качестве опытного объекта транснациональной деятельности. Благодаря этим мерам за 1986-1991 гг. было создано 819 новых предприятий за рубежом, а сумма накопленных зарубежных китайских инвестиций возросла к 1991 г. до 1395 млн долл. (См. Таблицу 1). Особенностью транснационального хозяйствования в этот период стало расширение его географии — с 45 до 90 стран и территорий. Зарубежная деятельность китайских компаний начала распространяться на такие сферы, как разработка природных ресурсов, отверточная сборка, транспорт и медицинские услуги. В зарубежное инвестирование помимо специализированных внеш-

неторговых компаний начали вовлекаться средние и крупные производственные предприятия и объединения. На этом этапе в Китае появился ряд компаний, обладавших определенными масштабами хозяйственной деятельности и достаточным уровнем международной конкурентоспособности. К ним можно отнести Компанию дальних морских перевозок, металлургическую компанию "Шоуган", Китайскую международную трастовую инвестиционную компанию (Ситик) и т. д.

Таблица 1

Динамика создания за рубежом предприятий с китайским капиталом

Год	Количество утвержденных предприятий	Объем китайских инвестиций, млн долл.
1979	4	0,53
1980	13	30,93
1981	13	2,56
1982	13	3,18
1983	18	8,70
1984	42	80,86
1985	77	50,51
1986	92	158,00
1987	124	350,00
1988	169	153,00
1989	119	230,00
1990	157	74,70
1991	207	366,99
1992	355	195,32
1993	294	96,02
1994	106	70,62
1995	119	106,43
1996	103	293,83
1997	158	196,30
1998	266	259,02
1999	220	590,64
2000	243	550,97
2001	232	707,54
2002	350	982,68
2003	510	2087,00

Источник: Ван Чжилэ. Китайские транснациональные корпорации выходят в мир, Пекин. (Цзоу сян шицзе дэ Чжунго куаго гунсы). Чжунго шанье чубаньшэ. 2004. С. 35 (на кит. яз.). В данной таблице приведены сведения о предприятиях неторгового и нефинансового характера.

Этап постепенного развития (1992-1998)

После известных выступлений Дэн Сяопина во время поездки на юг в начале 1992 г. начался новый период в реформе экономической системы и внешней открытости. Ускорилась реформа внешнеторговой системы, значительно упростилась процедура утверждения зарубежных предприятий с китайскими инвестициями. Китайские предприятия начинали обращать все большее внимание на международный рынок и активнее применять международный менеджмент. К концу 1998 г. Китай создал за рубежом 2396 неторговых предприятий, накопленная сумма контрактного капитала китайской стороны

достигла 2584 млн долл. Инвестиционное сотрудничество распространилось на перерабатывающую промышленность, строительство, туризм, связи и информатику, сельское хозяйство.

Этап ускоренного развития (1999-2005)

Это период ознаменован выдвиганием и началом реализации стратегии “выхода за границу”, которая стала движущей силой в интернационализации хозяйствования китайских предприятий. Вступление Китая во Всемирную торговую организацию также способствовало росту международной активности китайских предприятий.

Существенно улучшилась система управления процессом зарубежного инвестирования. В феврале 1999 г. Госсовет принял “Положения о стимулировании внешнеэкономической деятельности предприятий в сфере переработки сырья и отверточной сборки”, подготовленные Министерством внешней торговли, Комитетом по торговле и экономике и Министерством финансов. Этот документ был подкреплен комплексом конкретных мер в области финансирования, кредитования, налогообложения, валютного регулирования, что способствовало увеличению масштабов китайских инвестиций за рубежом.

Уже в 1999 г. сумма внешних инвестиций Китая достигла 590 млн долл., увеличившись по сравнению с 1998 г. на 128%. В 2000 г. сумма внешних инвестиций составила 551 млн долл., в 2001 г. — 707 млн долл., в 2002 г. — 982 млн долл. В 2003 г. был поставлен рекорд по сумме инвестиций — 2087 млн долл. Всего за период 1999-2003 гг. за рубежом было создано свыше полутора тысяч предприятий с суммарным объемом китайских инвестиций около 5 млрд долл.

В 2004 г. количество утвержденных предприятий за рубежом достигло 829, сумма контрактного капитала китайской стороны достигла 3,7 млрд долл., в т. ч. прямые инвестиции в предприятия нефинансового характера — 3,62 млрд долл. В целом, согласно статистике Министерства торговли КНР, на конец 2004 г. общая сумма прямых зарубежных инвестиций Китая достигла 37 млрд долл.

Сферы инвестирования

Сфера внешнего инвестирования китайских предприятий непрерывно расширялась: от торговли на начальном этапе до разработки ресурсов, промышленного производства, сельского хозяйства, общественного питания, туризма, розничной торговли, информационного и научного обслуживания. В настоящее время наиболее значительны доли связи и информатики, разработки ресурсов и промышленного производства.

Так, по состоянию на конец 2003 г. в связь, вычислительную технику и программное обеспечение было вложено 10,76 млрд долл., что составило 32,8% всех прямых зарубежных инвестиций Китая на тот период. Доля инвестиций в оптовую и розничную торговлю составила 20% (6,53 млрд долл.). Инвестиции в разработку ресурсов достигли 5,9 млрд долл. (18% общей суммы).

Прямые зарубежные инвестиции в промышленное производство достигли 2,07 млрд долл., или 6,2% общей суммы. Средства вкладывались в текстильную, металлургическую, бумажную, лесную и швейную промышленность. Доля инвестиций в логистику (транспорт и складское хозяйство) составила 6% (1,97 млрд долл.).

По данным Министерства торговли, в 2004 г. прямые зарубежные инвестиции Китая были направлены в горнодобывающую промышленность — 1,91 млрд долл. (52,8%), сферу услуг — 960 млн долл. (26,5%), в обрабатывающую промышленность — 490 млн долл. (13,5%), оптовую и розничную торговлю — 110 млн долл. (3%).

Региональное распределение

К настоящему времени прямые зарубежные инвестиции Китая размещены в 139 странах и территориях мира. Основной поток инвестиций направлялся в Азию — на конец 2003 г. 26,56 млрд долл., в т. ч. 24,63 млрд долл. — в Гонконг.

Вторым по значению географическим приоритетом являются страны Латинской Америки. На конец 2003 г. сумма прямых китайских инвестиций в этот регион достигла 4,62 млрд долл., или 14% общей суммы. Особое место занимают Вирджинские и Каймановы острова, являющиеся оффшорными зонами (не исключено, что средства сюда вкладываются с целью их последующего возвращения в Китай в качестве иностранных инвестиций с получением под них различных налоговых льгот).

Важным рынком для китайских инвестиций являются и страны Африки. Китай развивает сотрудничество в деле создания совместных предприятий с Замбией, ЮАР, Зимбабве, Нигерией. На конец 2003 г. объем прямых китайских инвестиций в страны Африки достиг 490 млн долларов, что составило 1,5% от всех инвестиций.

В Австралии и Новой Зеландии Китай в основном участвует в разработке минеральных и лесных ресурсов, в транспортных перевозках. На конец 2003 г. объем инвестиций в эти страны достиг 470 млн долл. — 1,4% от всех инвестиций.

Из 20 стран, занимающих первые места в списке китайских инвестиций, 8 находятся в Азии, 5 в Европе, 4 в Латинской Америке. (См. Таблицу 2).

Таблица 2.

20 первых стран и регионов по сумме прямых китайских инвестиций
(по состоянию на конец 2003 г.)

Место	Страна (регион)	Сумма инвестиций (млн.долл.)
1	Гонконг	24630
2	Каймановы острова	3691
3	Вирджинские острова	533
4	США	502
5	Макао	446
6	Австралия	416
7	Республика Корея	235
8	Сингапур	165
9	Таиланд	151
10	Замбия	144
11	Перу	126
12	Испания	102
13	Малайзия	100
14	Мексика	97
15	Япония	89
16	Германия	83
17	Великобритания	75
18	Дания	74
19	Россия	62
20	Камбоджа	20

Источник: сайт Министерства торговли КНР <http://www.mofcom.gov.cn>.

По данным Министерства торговли КНР, в 2004 г. сумма прямых инвестиций Китая в страны Латинской Америке составила 1,67 млрд долл. (46,2%), в страны Азии — 1,396 млрд долл. (в основном Гонконг и Индонезия, 38,6%), государства Европы и СНГ — 308 млн долл. (3,7%), в Северную Америку — 62 млн долл. (1,7%), в Океании. — 48 млн долл. (1,3%).

Особенности прямых китайских зарубежных инвестиций

Среди субъектов прямого зарубежного инвестирования в Китае можно выделить несколько основных видов:

— Специализированные внешнеторговые фирмы и крупные торговые объединения — Генеральная компания по экспорту и импорту товаров химической промышленности, Китайская компания по экспорту и импорту зерна и масла, Генеральная компания по экспорту и импорту электроники, Китайская компания по импорту и экспорту техники. Эти компании, уже долгое время занимающиеся внешней торговлей, являются авангардом международного хозяйствования китайских предприятий;

— Крупные производственные предприятия и объединения, имеющие в КНР мощную производственную базу и торговую сеть и обладающие очевидными конкурентными преимуществами в финансах, технологиях, кадрах, рынках, опыте управления. Среди них можно назвать государственные компании “Чжун шию” (“Петрочайна”), “Чжун шихуа” (“Синопек”), “Хайэр”, “Шоуган”, “Чуеньлан”, “Конка” и частные компании “Ваньсян”, “Юаньда кунтяо”, “Хуавэй”, “Синь сиван”;

— Крупные финансовые, страховые и многопрофильные сервисные компании, в т. ч. Банк Китая и другие крупнейшие банки Китая, Китайская народная страховая компания и т. п.;

— Средние и мелкие предприятия государственной, смешанной и частной собственности.

Согласно статистике Министерства торговли, среди компаний, ведущих внешнюю инвестиционную деятельность, 42% составляют государственные предприятия, 10% — частные компании, 7% — компании с иностранным капиталом, 2% — предприятия коллективной собственности, а остальное — акционерные и паевые общества различных типов.

В число двадцати компаний, осуществивших наиболее крупные инвестиции за рубежом, входят основные нефтегазовые компании КНР, ряд телекоммуникационных, инвестиционных, транспортных и внешнеторговых компаний.

По мотивам внешнего инвестирования китайские предприятия можно разделить на четыре категории.

Первая группа предприятий ориентирована на расширение сбыта своей продукции за рубежом. Субъектами такого инвестирования являются, как правило, торговые компании и предприятия отраслей, обладающих сравнительными преимуществами (текстильная, бытовая электротехника).

Вторая группа — это компании, занимающиеся разработкой природных ресурсов. Субъектами инвестирования здесь обычно выступают крупные государственные предприятия, прежде всего связанные с добычей и переработкой нефти и других видов минерального сырья. Осваиваются нефтегазовые месторождения в Судане, Венесуэле, Казахстане, месторождения железной руды в Австралии, медные рудники Замбии и Перу, лесные ресурсы России, США, Новой Зеландии, рыбные ресурсы стран Западной Африки.

Третья группа — предприятия, ориентированные на получение доступа к передовым технологиям. Через прямые инвестиции в развитые страны можно получить передовые технологии либо покупая действующие предприятия, либо создавая совместные производства. При этом появляется возможность использовать местный научно-технический, инженерный и управленческий пер-

сонал и квалифицированных рабочих. Субъектами этого типа инвестирования являются высокотехнологические предприятия, в основном они создают за границей научно-исследовательские центры.

Наконец, четвертая группа предприятий ориентирована прежде всего на повышение экономической эффективности своей деятельности. Примером может служить фирма TCL, организовавшая производство цветных телевизоров во Вьетнаме, где стоимость рабочей силы ниже, чем в Китае.

В деле развития транснационального хозяйствования и формирования транснациональных компаний с китайским капиталом к настоящему времени достигнуты определенные успехи. Так, китайская компания "Хайэр", производящая ныне 96 видов бытовой техники, включена в "Список ста самых влиятельных торговых марок (брендов) мира", составляемый Всемирной организацией по оценке брендов. Нефтяная компания "Петрочайна" ("Чжунго шию") в июне 2005 г. обогнала японскую "Тойоту" и стала крупнейшей компанией Азии по объему рыночной капитализации (соответственно 133,4 и 127,8 млрд долл. США). Телекоммуникационная компания "Хуавэй" создала исследовательские центры в Силиконовой долине США, знаменитом индийском центре высоких технологий Бангалоре и в Москве. В 2003 г. 14 китайских компаний вошли в число 500 крупнейших мировых компаний, список которых составляется журналом "Форчун".

В целом, однако, достижения Китая на данном направлении не следует переоценивать. По объективным показателям они еще весьма скромны. Так, исходя из формальных критериев ЮНКТАД (Комиссия ООН по торговле и развитию), страна ныне располагает примерно двумя тысячами транснациональных корпораций с участием китайского капитала. Однако это составляет всего-навсего 2% от общего числа китайских компаний, занимающихся внешнеэкономической деятельностью, и порядка 3% ТНК, насчитывавшихся в мире по состоянию на 2003 г. И самое главное — ТНК с участием китайского капитала пока еще маломощны. Их инвестиции составляют лишь 0,16% объема мировых прямых иностранных инвестиций.

Такая ситуация непосредственно обусловлена сохраняющейся слабостью корпоративного звена экономики КНР. Сравнение 500 крупнейших компаний КНР и мира показывает что по размеру активов, валового дохода и прибыли первые отстают от вторых на порядок.

На наш взгляд, в процессе формирования транснациональных компаний, обладающих серьезным международным влиянием, Китай пока прошел только первую часть пути. Решение стратегической задачи создания в стране группы транснациональных компаний высшего класса, способных обеспечить инициативное участие китайской экономики в глобализации, требует последовательного внедрения на внутреннем рынке страны норм и правил хозяйствования, действующих на мировом рынке. Именно под этим прицелом должно проводиться дальнейшее совершенствование системы управления государственными предприятиями страны. Широкое заимствование опыта действующих в Китае мировых ТНК и его соединение с собственными сравнительными преимуществами, активное участие в международной конкуренции — таковы ведущие элементы стратегии дальнейшего укрепления и развития транснациональных корпораций с китайским капиталом. Разумеется, реализация этой стратегии требует значительных усилий и немалого времени, кропотливой последовательной работы, причем не только на внешних рынках, но и внутри страны, так сказать, в "тыловой базе". Однако в данном случае мало сказать, что игра стоит свеч. Иного выбора, альтернативного пути существенного укрепления места и роли Китая в мировом хозяйстве просто-напросто не существует.

Структурно-экономические аспекты реформы военно-промышленного комплекса Китая

© 2005

А. Плотников

На рубеже веков преобладающей тенденцией в области военного строительства КНР стало совершенствование качественных параметров оборонного потенциала при одновременном сокращении численности Народно-освободительной армии Китая (НОАК). Руководством страны взят курс на проведение "военной реформы с китайской спецификой"¹. Он подразумевает, в частности, повышение боеспособности армии путем использования достижений науки и техники, усиление исследований оборонного значения, создание и совершенствование механизма оборонной промышленности, соответствующего условиям рыночной экономики, постепенное обновление вооружений и военной техники (ВВТ). При этом китайским правительством ставится задача скачкообразного развития модернизации национальной обороны и вооруженных сил².

Военно-промышленный комплекс (ВПК) Китая, называемый в Китае "Оборонная наука, техника и промышленность" является структурой, состоящей из промышленных предприятий, НИИ и академий, охватывающих атомную энергетику, космонавтику, авиацию, судостроение, обычные вооружения и электронику. Как говорится в издании "Национальная оборона Китая в 2002 году (Белая книга)" — "Оборонная наука, техника и промышленность Китая — стратегическая отрасль государства, важная промышленная и техническая основа модернизации национальной обороны, а также главная движущая сила развития народного хозяйства, науки и техники".

Низкая эффективность оборонной промышленности и глубокое научно-техническое и технологическое отставание от ведущих мировых производителей в 1960-1970-е годы побудили руководство Китая приступить в начале 1980-х годов к реформированию военно-промышленного комплекса. В ходе реформ преследуются две основные цели: во-первых, обеспечить максимальное использование потенциала оборонной промышленности в интересах социально-экономического развития страны; во-вторых, обеспечить качественно новый уровень выпускаемой продукции, как военного, так и гражданского назначения. Для этого реформы и модернизация ВПК движутся в двух направлениях:

1. создание и совершенствование структуры и механизма оборонной промышленности для эффективного действия в условиях рыночной экономики;
2. решение узловых технических проблем, тормозящих прогресс военной науки и перевооружение армии, разработка современных высокотехнологичных вооружений, чтобы покончить с зависимостью от импорта оружия последнего поколения.

Цель настоящей работы — проанализировать структурные изменения китайского ВПК, выявить взаимосвязь экономических и оборонных реформ в Китае, рассмотреть изменения, происходящие в ВПК Китая после 1998 г.

История реформирования ВПК Китая

Построенная с помощью советских специалистов в 50-е годы XX века китайская оборонная промышленность пережила периоды “большого скачка” и “культурной революции”. В середине 70-х годов в военной политике Китая стал проводиться широкий комплекс мероприятий, названный “курсом на модернизацию армии”. Важной вехой стало пленарное заседание Военного совета ЦК КПК (12-31 декабря 1977 г.), на котором с программной речью выступил Дэн Сяопин³. Среди сформулированных им 10 основных направлений военного строительства под номером 6 значилось: “Всемерно наладить научные исследования в области оборонной науки и техники, а также в производство в оборонной промышленности, ускорить модернизацию вооружений”⁴. Однако началом коренной перестройки ВПК, как и всей жизни китайского общества, считается проходивший в декабре 1978 г. 3-й пленум ЦК КПК 11-го созыва, провозгласивший политику реформ и открытости внешнему миру. Поставленная на пленуме цель — превратить Китай в могучую и процветающую державу — была раскрыта и конкретизирована в программе “четырёх модернизаций” — промышленности, сельского хозяйства, национальной обороны, науки и техники. В отличие от периода “холодной войны”, когда ВПК находился в привилегированном положении и развивался в значительной степени автономно, с реализацией программы “четырёх модернизаций” утвердилась новая концепция, согласно которой главной гарантией национальной безопасности страны является ее совокупная национальная мощь, основанная на согласованном развитии оборонной и гражданской сфер. В широком смысле предполагается не только зависимость военного строительства от экономического, но и обратная связь — использование возможностей ВПК в интересах развития экономики⁵.

Первые практические шаги по реформированию структуры ВПК относятся к началу 1980-х годов. В 1982 г. с целью упорядочения разработки, производства и поставок ВВТ в структуре Госсовета КНР был создан Комитет оборонной науки, техники и оборонной промышленности (КОНТОП), главными задачами которого были определены “централизация руководства военными программами НИОКР и концентрация усилий в области производства вооружений”⁶. Комитет имел двойное подчинение: по военной линии — Центральному военному совету (ЦВС) КНР, по гражданской линии — Госсовету КНР. Совместно с Государственным плановым комитетом и Государственным комитетом по науке и технике он обеспечивал перспективное планирование военных НИОКР и производства военной продукции, контролировал финансирование программ приобретения ВВТ. Через специализированные государственные экспортно-импортные компании Комитет осуществлял реализацию за рубеж продукции оборонных предприятий и импорт новых технологий и оборудования.

Дэн Сяопин, выступая 4 июня 1985 г. на расширенном совещании Военного совета ЦК КПК, обозначил основы и приоритеты в процессе модернизации обороны. “Подлинная модернизация оснащения войск становится возможной лишь в том случае, если народное хозяйство становится на прочный фундамент. Поэтому нам нужно потерпеть несколько лет. На мой взгляд, к концу нынешнего столетия мы определенно увеличим ВВП более, чем в четыре раза. Тогда наша экономическая мощь возрастет, и можно будет выделить гораздо больше средств на обновление оснащения. Мы сможем покупать его за грани-

цей, но еще важнее положиться на собственные научные изыскания, самим конструировать хорошие самолеты, хорошее оснащение для морского флота и сухопутных войск. Поднимем сначала экономику — все остальное сделать будет нетрудно. Сейчас нужно во что бы то ни стало поднять экономику.”

В 1986 г. ЦК КПК и Госсоветом КНР была принята “Программа развертывания исследований в области высоких технологий”, более известная как “Программа 863”. Намечалось совершить прорыв и приблизиться к мировому уровню в ряде высокотехнологичных областей: биотехнологии, космической технике, информатике, передовых оборонных технологиях, автоматике, энергетике и технологии новых материалов. Всесторонние работы по реализации данной программы, в частности затрагивающие предприятия ВПК, начались с марта 1987 г.⁹

В октябре 1992 г. 14-й съезд КПК принял решение о форсировании модернизации НОАК. Был взят курс на приоритетное развитие экономики, науки, техники в направлении создания мощной экономической базы для оборонного строительства и развития военно-промышленного комплекса. Такое внимание руководства страны к проблемам ВПК было вызвано объективной необходимостью в проведении модернизации вооруженных сил в соответствии с дальнейшим углублением экономических реформ в Китае⁹.

Однако реально ситуация стала меняться только в конце 1990-х годов. Правительство увеличило финансирование закупок оружия. В период с 1990 по 2002 год статья оборонного бюджета, предназначенная для закупок ВВТ, увеличилась с 5 млрд юаней до 57,3 млрд юаней. Этот рост вдвое превышает рост официального военного бюджета. Таким образом, в этот период ассигнования на закупки ВВТ увеличились в составе военных затрат с 16,3 до 33,8%¹⁰.

Помимо финансирования закупок ВВТ, правительство, наконец, решилось на реформы, что указывает на серьезное внимание к проблемам ВПК и неудачам предыдущих попыток преобразований. Весной 1998 г. на 1-й сессии ВСНП 9-го созыва был принят ряд законов по реформированию управления системой ВПК на правительственном уровне, а также по реструктуризации ВПК на уровне предприятий. Эти меры привели к изменениям в управлении ВПК Китая, превосходящим по глубине и возможностям все предыдущие мероприятия, а также оказали положительное влияние на все структуры ВПК. К 1 июля 1999 г. в основном была завершена структурная реорганизация ВПК, связанная с созданием корпораций¹¹. Эта дата считается в Китае началом нового периода в развитии оборонной промышленности.

ВПК Китая до начала реформ 1998 г.

На протяжении многих лет бытовало мнение, что ВПК Китая разрушен, распался на части и не способен решать задачи по оснащению вооруженных сил вооружением и военной техникой, отвечающим потребностям периода модернизации. Для большей части периода начала реформ такая оценка была правильной.

ВПК Китая показал слабость на всех уровнях системы: от государственного заказа до заводского производства. На уровне государственного заказа вопрос о выборе предприятия-производителя решался административным путем. В результате предприятия ВПК практически не имели финансовых интересов для улучшения качества систем вооружений или увеличения эффективности процессов их разработки и производства. При таких условиях способность предприятия производить продукцию высокого качества никак не связывалась с возможностью получения заказа и прибыли¹².

В дополнение к отсутствию финансовых стимулов для внедрения новых технологий и модернизации производства, организационная структура, скопированная с советской, также тормозила внедрение новшеств. В соответствии с этой моделью научно-исследовательские институты были организационно отделены от фактических производителей продукции. Кроме того, структура организационной иерархии препятствовала горизонтальному распространению новых знаний, являющихся критическими для технологического прогресса¹³. Все это усугублялось завесой секретности, связанной с производством продукции военного назначения (ПВН).

Другие главные проблемы ВПК Китая были связаны с чрезмерными производственными мощностями, избыточным персоналом, оттоком высококвалифицированных кадров в негосударственный сектор, неправильной оценкой капиталовложений, слабыми методами управления и неэффективным географическим расположением предприятий ВПК из-за проводившейся в 1960-1970-е годы политики "Третьей линии Китая", выражавшейся в перемещении предприятий ВПК в отдаленные внутренние регионы страны.

Усилия китайского правительства в 1980-х и первой половине 1990-х годов по реорганизации ВПК были в значительной степени неэффективными. Пекин полагался в основном на две стратегии: конверсия производства и структурная реорганизация. Однако обе стратегии из-за их плохой реализации не принесли повышения эффективности предприятий ВПК. Конверсия производства была в значительной степени проблематичной для большинства китайских компаний, которые шли путем создания структуры производства по выпуску гражданской, коммерческой продукции. Этот процесс сдерживался юридическими ограничениями и трудностями в привлечении иностранных партнеров, которые могли бы обеспечить новый приток капитала, "ноу-хау", технологий. Эти проблемы еще более усложнялись слабыми возможностями по освоению новых технологий, отсутствием опытного менеджмента, недостаточной квалификацией рабочей силы. В результате основная масса гражданской продукции, произведенной на предприятиях ВПК, имела низкое качество, была неконкурентоспособной и, таким образом, не приносила никакой прибыли.

Как и конверсия, структурная реорганизация предприятий ВПК, была в значительной степени косметической. Большое внимание уделялось изменению наименований организаций и перераспределению их функций, но лишь немногие из этих мер способствовали увеличению эффективности и введению инноваций.

Недостаточная эффективность предприятий ВПК по производству ВВТ на начальном этапе реформ (1978-1998) характеризуется двумя главными факторами:

— технологическая отсталость многих видов ВВТ, производимых в 1980-х и 1990-х годах, длительный процесс разработки и внедрения в производство новых систем оружия и их компонентов;

— обширные закупки Китаем основных систем оружия за границей. У ВПК Китая существует много примеров производства систем оружия с серьезными технологическими изъянами и ограничениями в применении. В то же время основная масса танков, артиллерии, зенитных ракет, ракет класса "поверхность-поверхность", "воздух-воздух", самолетов, подводных лодок и надводных кораблей, стоящих на вооружении НОАК с 1980 г., представляли собой главным образом модернизированные версии более ранних систем, ведущих свое происхождение от советских образцов 1950-х годов.

Таким образом, система военно-промышленного комплекса не соответствовала масштабам экономических реформ, проводимых в Китае, и требовала более глубоких преобразований.

Изменения ВПК Китая в ходе реформ 1998 г.

Реформы государственного уровня

В марте 1998 г. правительство упразднило находящийся в подчинении Центрального военного совета КНР Комитет оборонной науки, техники и оборонной промышленности и заменило его гражданской структурой с тем же наименованием, но под управлением Госсовета КНР (ГК ОНТП)¹⁴. Старому КОНТОП, подчиняющемуся и Госсовету, и ЦВС, было очень тяжело одновременно решать задачи по проведению НИОКР и закупке ВВТ. Права, обязанности и ресурсы преобразованного ГК ОНТП были существенно ограничены. Он больше не играет главной роли в решении вопроса приобретения ВВТ для нужд НОАК или прямом хозяйственном управлении предприятиями ВПК. Реорганизованный ГК ОНТП является административным и регулирующим органом для базовых предприятий ВПК Китая.

Основными функциями ГК ОНТП являются:¹⁵

- воплощение в жизнь политических установок, связанных с реформированием ВПК;
- изучение существующего состояния и разработка политики развития ВПК;
- руководство ядерной, космической, авиационной, судостроительной, оружейной отраслями промышленности, направление работ электронной отрасли;
- ведение единого планирования НИОКР и увязка их с производством и общей концепцией строительства вооруженных сил;
- проверка полномочий и выдача разрешений на проведение НИОКР и производство ВВТ, координация и контроль исполнения контрактов, заключаемых с НОАК, на проведение НИОКР;
- организация работ по оптимизации производственных мощностей, структуры и размещения предприятий ВПК;
- составление программ капиталовложений в основные фонды, конверсии, модернизации, а также организация их выполнения;
- контроль и координация международного сотрудничества по всем вопросам ВПК.

Второй основной организационной реформой, после подчинения ГК ОНТП гражданскому руководству, было создание в апреле 1998 г. новой структуры в составе НОАК — Главного управления вооружения и военной техники (ГУВВТ)¹⁶. ГУВВТ приняло на себя функции старого КОНТОП по закупкам ВВТ, а также ряд функций Генерального штаба (ГШ) и Главного управления тыла (ГУТ), связанные с закупками ВВТ. Перечень основных подразделений, перешедших к ГУВВТ НОАК приведен в табл. 1.

Таблица 1

Основные подразделения, перешедшие к ГУВВТ НОАК после реформы*

От Главного управления тыла:

- Управление оружия.

От Генерального штаба:

- Управление вооружений, включая Бюро технического сотрудничества военных вооружений (БТСВВ);
- Управление родов войск (значительная часть);
- "Группа 703" (Группа контроля за нераспространением вооружений).

От прежнего КОНТОП:

- Офисное здание прежнего КОНТОП;
- Весь военный персонал;
- Все испытательные центры и полигоны;
- Информационный центр оборонной науки и техники Китая (ИЦОНТК);
- Научно-технический комитет;
- Китайская академия инженерной физики;
- Некоторые НИИ;
- Инженерно-командная академия КОНТОП.

Источник: *Mulvenon James C., Yang Andrew N. D. The People's Liberation Army as Organization: Reference Volume vl.O. Santa Monica, CA: The RAND Corporation, 2003. P. 305.*

Основными функциями ГУВВТ НОАК являются:¹⁷

- разработка общей концепции и перспективных планов модернизации ВВТ НОАК;
- размещение через ГК ОНТП на предприятиях ВПК заказов на фундаментальные и прикладные исследования в области разработки ВВТ;— координация деятельности научно-исследовательских организаций и промышленных предприятий по проведению НИОКР и производству ВВТ;
- размещение на конкурсной основе заказов на производство ВВТ на предприятиях ВПК и их закупка для нужд НОАК;
- материально-техническое и финансовое обеспечение НИОКР и серийного производства ВВТ;
- экспертная оценка новых китайских образцов ВВТ, сбор и анализ информации о достижениях иностранных государств в военно-технической области;
- организация и комплексное проведение испытаний новых образцов ВВТ на этапах проведения НИОКР и их приемка на вооружение НОАК;
- осуществление внешнеторговых операций в отношении продукции военного назначения, а также координация экспорта продукции военного назначения уполномоченными китайскими организациями;
- управление циклами жизни оружейных систем (от научной разработки до утилизации).

Структура ГУВВТ НОАК:

ИЦОНТК — Информационный центр оборонной науки и техники Китая.

Перешел в ГУВВТ из прежнего КОНТОП. Обрабатывает и анализирует военную и научно-техническую информацию со всего мира: публикации, материалы конференций, специальную литературу и т.п. Имеет большую библиотеку и значительный штат переводчиков. Издает ежемесячный журнал "Гофан кэнцзи яовэнь" и ряд провинциальных газет по тематике ВПК.

Группа контроля за нераспространением вооружений. Перешла из прежнего КОНТОПа ("Группа 703"). Контролирует экспорт вооружений, технологий двойного назначения, которые могут быть использованы для производства оружия массового поражения.

Научно-технический комитет. Перешел в ГУВВТ из прежнего КОНТОПа. В прежней структуре был полностью независимым органом, как с финансовой стороны, так и в подборе военных и научных кадров, имел высокий политический и технический престиж. Несмотря на формальную подчиненность КОНТОПу директор НТК напрямую мог докладывать ЦВС и Госсовету. НТК, например, фактически курировал всю программу разработки и производства ядерных вооружений КНР. В настоящее время НТК отвечает за

связи с НИИ, подчиненные ГК ОНТП, и является координатором всех военных НИОКР.

Главное управление международного сотрудничества. Занимается вопросами военно-технического сотрудничества с зарубежными странами. Координирует поездки китайских ученых за границу для изучения передовых военных технологий и прием иностранных ученых и специалистов в Китае. Через Бюро закупок ведет закупки за рубежом ВВТ и военных технологий.

Главное управление комплексного планирования. Отвечает за проработку и полное сопровождение жизненных циклов всех систем оружия, концепции их применения.

Штаб. Занимается вопросами организации обучения войск применению новых образцов ВВТ, координирует связь ГУВВТ НОАК с подчиненными организациями.

Политическое управление. Является проводником политики КПК в подразделениях. Отвечает за политическое, моральное, культурное воспитание личного состава.

Финансовое управление. Финансовые операции, бухгалтерский учет, бюджетное планирование.

Управление обычных вооружений. Сопровождает эксплуатацию в войсках систем вооружений и техники общего назначения.

Управление видов вооруженных сил и родов войск. Контролирует вопросы закупок и эксплуатации в войсках новых систем вооружений каждого вида вооруженных сил и рода войск (ВВС, ВМС, СРВ).

Управление испытаний и закупок ВВТ. Отвечает за проведение войсковых испытаний и закупок ВВТ у ВПК Китая. Через представительства военной приемки осуществляет контроль за выполнением технических заданий, соблюдением технологий и качеством ВВТ на всех этапах разработки и производства.

Управление тыла. Отвечает за тыловое обеспечение как самого ГУВВТ, так и подчиненных ему организаций.

Информационно-вычислительное управление. Занимается вопросами компьютерного обеспечения подразделений, ведения информационных банков данных, обеспечения компьютерных сетей.

Управление безопасности. Обеспечивает соблюдение режима секретности в деятельности ГУВВТ.

КАИФ — Китайская академия инженерной физики (более известная, как “Девятая академия”). Научно-исследовательская структура по разработке ядерного оружия. Располагается в “научограде” Мянъян (Сычуань). Функционирует аналогично Арзамасу-16 и Челябинску-70 в России, Лос-Аламосу и Ливермору в США.

Передача ГК ОНТП в гражданское подчинение и создание ГУВВТ НОАК имело два значения:

Во-первых, эти изменения централизовали систему закупок ВВТ в Китае. Ранее обязанности по закупкам ВВТ для нужд НОАК были разделены между многочисленными гражданскими и военными организациями, имеющими разные, зачастую противоположные, интересы. А руководящая роль в этом процессе прежнего КОНТОПа была неэффективной.

Во-вторых, реформы 1998 г. разделили производителей ВВТ и покупателей. Это организационное изменение сделало более рациональной систему закупок и привело к уменьшению конфликтов интересов и снижению коррупции. ГУВВТ теперь представляет интересы НОАК, тогда как ГК ОНТП, являясь гражданской структурой, главным образом занимается производственным планированием и администрированием предприятий ВПК.

В дополнение к этим большим организационным реформам правительство также приняло меры для упрощения процесса закупок ВВТ. В октябре 2002 г. председатель ЦВС КНР Цзян Цзэминь подписал пакет законов о новом порядке закупок ВВТ¹⁸. Эти законы предназначены для стандартизации, унификации и легализации процессов закупок ВВТ¹⁹. Кроме того, они предназначены для ускорения процесса перехода к системе конкуренции и конкурсного предложения цены при заключении контрактов с НОАК. Подобная система закладывалась еще в 1998 г. при создании ГУВВТ НОАК²⁰. Однако степень практической реализации данных положений еще далека от задуманного результата.

Изменение структуры предприятий ВПК

До реформ 1998 г. основу китайского ВПК составляли пять корпораций и одно министерство:

- Министерство электронной промышленности (MEI);
- Китайская ядерная корпорация (CNNC);
- Корпорация авиационной промышленности Китая (AVIC);
- Китайская северная промышленная корпорация (NORINCO);
- Китайская государственная судостроительная корпорация (CSSC);
- Китайская аэрокосмическая корпорация (CASC).

После реформ 1998 г. Министерство электронной промышленности было объединено с Министерством почты и связи и преобразовано в Министерство информационной промышленности. Каждая из пяти корпораций была разделена на две групповые корпорации. Цель деления — с учетом рыночного характера экономики создать определенную конкуренцию между корпорациями в производстве продукции военного назначения.

На базе Китайской ядерной корпорации созданы:

- Корпорация атомной промышленности Китая (CNCC);
- Корпорация по строительству объектов атомной промышленности Китая (CNECC).

На базе Корпорации авиационной промышленности Китая созданы:

- Первая корпорация авиационной промышленности Китая (AVIC I);
- Вторая корпорация авиационной промышленности Китая (AVIC II).

На базе Китайской северной промышленной корпорации созданы:

- Корпорация оружейной промышленности Китая (CNGC), известная также как Северная промышленная корпорация (групповая);
- Корпорация вооружения и военной техники Китая (CSGC), известная также как Южная промышленная корпорация (групповая).

На базе Китайской государственной судостроительной корпорации созданы:

- Корпорация судостроительной промышленности Китая (CSSC);
- Корпорация тяжелого судостроения Китая (CSIC).

На базе Китайской аэрокосмической корпорации созданы:

- Корпорация аэрокосмической науки и техники Китая (CASC);
- Корпорация аэрокосмической науки и промышленности Китая (CASIC).

Под эгидой Министерства информационной промышленности создана Корпорация электронной науки и техники Китая (CETC), решающая задачи военно-промышленного комплекса.

Эти 11 государственных корпораций и составляют в настоящее время производственную базу ВПК Китая²¹. Однако ввиду того, что Китайская корпорация электронной науки и техники входит в состав "гражданского" министерства, в общей статистике развития ВПК, как правило, фигурируют только 10 корпораций, напрямую находящихся под руководством ГК ОНТП.

Структурные изменения, происходившие в системе ВПК за годы реформ, отображены в таблице 2.

Таблица 2. Изменения структурных организаций ВПК Китая за годы реформ*

№ п/п	Министерства/корпорации			
	1982 г.	1988 г.	1993 г.	1998 г.
1.	Министерство атомной энергии	Министерство атомной промышленности	Китайская ядерная корпорация (CNNC)	Корпорация атомной промышленности Китая (CNCC)
				Корпорация по строительству объектов атомной промышленности Китая (CNECC)
2.	Министерство авиации	Министерство авиации и космоса (MAS), образовано путем слияния Министерства авиации и Министерства космической промышленности	Корпорация авиационной промышленности Китая (AVIC) (MAS разделен на AVIC и CASC)	Первая корпорация авиационной промышленности Китая (AVIC I)
				Вторая корпорация авиационной промышленности Китая (AVIC II)
3.	Министерство электроники	Министерство машиностроения и электронной промышленности (ММВЕИ)	Министерство электронной промышленности (МЕИ) (ММВЕИ разделилось на МЕИ "гражданское" Министерство машиностроения)	Корпорация электронной науки и техники Китая (СЕТС) из состава Министерства информационной промышленности (МИИ), не входящего в структуру ВПК (МИИ образовано путем слияния МЕИ с Министерством почты и связи)
4.	Министерство вооружений	ММВЕИ	Китайская северная промышленная корпорация (NORINCO)	Корпорация оружейной промышленности Китая (CSGC)
				Корпорация вооружения и военной техники Китая (CSSC)
5.	Китайская государственная судостроительная корпорация (CSSC)	CSSC	CSSC	Корпорация судостроительной промышленности Китая (CSSC)
				Корпорация тяжелого судостроения Китая (CSIC)

№ п/п	Министерства/корпорации			
	1982 г.	1988 г.	1993 г.	1998 г.
6.	Министерство космической промышленности	MAS	Китайская аэрокосмическая корпорация (CASC)	Корпорация аэрокосмической науки и техники Китая (CASC) Корпорация аэрокосмической науки и промышленности Китая (CASIC)

Источник: Frankenstein John. *China's Defense Industries: A New Course?* Santa Monica, CA: The RAND Corporation, 1999. P.6.

Основная продукция, изготавливаемая предприятиями ВПК, приведена в таблице 3.

Таблица 3

Основная продукция предприятий ВПК

Корпорация	Основная продукция
Корпорация атомной промышленности Китая (CNNC)	Ядерная энергия, ядерное топливо
Корпорация по строительству объектов атомной промышленности Китая (CNECC)	Атомные электростанция, строительство других крупных объектов
Первая корпорация авиационной промышленности Китая (AVIC I)	Истребители, бомбардировщики, транспортные самолеты, учебно-тренировочные самолеты, пассажирские самолеты
Вторая корпорация авиационной промышленности Китая (AVCII)	Вертолеты, ударные самолеты, учебно-тренировочные самолеты, беспилотная авиация
Корпорация оружейной промышленности Китая (CNGC)	Танки, бронетранспортеры, артиллерия, стрелковое оружие
Корпорация вооружения и военной техники Китая (CSGC)	Стрелковое оружие, артиллерия, автомобили, мотоциклы
Корпорация судостроительной промышленности Китая CSSC)	Боевые корабли малого и среднего класса, гражданские суда
Корпорация тяжелого судостроения Китая (CSIC)	Боевые корабли и вспомогательные суда большого водоизмещения, гражданские суда
Корпорация аэрокосмической науки и техники Китая (CASC)	Космические запуски, спутники, ракеты-носители
Корпорация аэрокосмической науки и промышленности Китая (CASIC)	Ракеты, электроника, другое ракетно-космическое оборудование
Корпорация электронной науки и техники Китая CTEC)	Ракеты, электроника, другое ракетно-космическое оборудование

Источники: официальный сайт ГК ОНТП (<http://www.costind.gov.cn>) и Frankenstein John. *Globalization of Defense Industries: China*. The Atlantic Council of the United States, N. Y., 2003. P.16.

В каждой из отраслей ВПК работают импортно-экспортные коммерческие компании, занимающиеся непосредственно импортом технологий и экспортом производимой гражданской и военной продукции:

- Корпорация атомной промышленности и энергии (CNEIC);
- Китайская корпорация по импорту и экспорту авиационной техники (CATIC);
- Северная промышленная корпорация (NORINCO);
- Китайская импортно-экспортная электронная корпорация (CEIEC);
- Китайская судостроительная торговая корпорация (CSTC);
- Промышленная корпорация "Великая стена" (GW);
- Китайская импортно-экспортная корпорация точного машиностроения (CPMIEC).

Следует отметить, что предприятия ВПК полностью отличаются от бывших ранее в подчинении НОАК заводов и фабрик (известных как "военные предприятия"). Военные предприятия создавались и управлялись НОАК. В течение 1980 — 1990-х годов эти предприятия вели активную коммерческую деятельность, которая была прекращена в 1998 г. указом председателя ЦБС КНР Цзян Цзэминя²².

Еще с начала 1980-х годов предприятия ВПК приступили к процессу диверсификации производства и выпуску гражданской продукции для внутреннего и внешнего рынков. Это было важной частью программы экономических реформ Дэн Сяопина — с целью снижения объемов правительственной поддержки предприятий ВПК. Китайское правительство последовательно проводит курс на "сочетание военного производства с гражданским, слияние одного с другим"²³. На сегодняшний день объем гражданской продукции в каждой из 11 корпораций ВПК составляет от 65% до 90% в зависимости от специфики производства. Таким образом, несмотря на то, что данные предприятия относятся китайским правительством к предприятиям ВПК, они также вовлечены в процесс создания гражданского товаров и услуг и плотно переплетены с гражданской экономикой Китая. Кроме того, существует все большее количество предприятий, которые не относятся к корпорациям ВПК (особенно в сфере информационных технологий), однако на контрактной основе производят продукцию для военных нужд.

Таким образом, курс китайского правительства на слияние военного производства с гражданским активно претворяется в жизнь, а линия раздела между предприятиями ВПК и гражданскими компаниями в Китае становится все более размытой²⁴.

Реформы на уровне предприятий

Вне зависимости от преобразований процесса закупки ВВТ на правительственном уровне, в 1998 г. также была принята долгосрочная программа изменения отношений между правительством и предприятиями ВПК с целью поддержания стимулов для повышения эффективности производства и внедрения новых технологий. Главная цель центрального правительства состояла в том, чтобы отделить правительство от деятельности предприятий, сделать предприятия более ориентированными на рынок, конкурентоспособными, обеспечить более жесткое ограничение бюджетного финансирования и государственных субсидий, уменьшить классические социальные нагрузки.

Есть определенные признаки, что данная политика принесла положительные результаты. В отдельных отраслях ВПК (например космосе и судостроении) появилась или шире развернулась ранее ограниченная конкуренция в области готовых систем, ключевых подсистем и их частей. Наиболее очевидным является улучшение качества гражданских товаров, производимых предприятиями ВПК, что свидетельствует о повышении эффективности и модернизации производства. Предприятия ВПК получают значительную пользу от сотрудничества с гражданскими университетами и научно-исследовательскими институтами как для повышения общеобразовательного уровня, так и для

дальнейшего развития оборонных технологий. Особенно это заметно в области информационных технологий.

Определенные изменения в сфере ВПК в последние годы происходят, однако, учитывая все еще большую неэффективность и избыточность производств, для большинства из них необходим более длительный период модернизации. Отдельные предприятия были закрыты, другие переданы провинциальным властям. Около 20% всех занятых на предприятиях ВПК рабочих и служащих (2,5 — 3 млн чел.) было уволено²³. Основные параметры корпораций приведены в таблице 4.

Таблица 4

Сравнительные характеристики корпораций ВПК Китая

№ п/п	Наименование корпорации	Количество входящих в корпорацию предприятий, НИИ, организаций	Общее количество сотрудников (тыс. чел.)
1	Корпорация атомной промышленности Китая (CNNC)	246	120
2	Корпорация по строительству объектов атомной промышленности Китая (CNECC)	150	36
3	Первая корпорация авиационной промышленности Китая (AVIC I)	104	236
4	Вторая корпорация авиационной промышленности Китая (AVIC II)	81	210
5	Корпорация оружейной промышленности Китая (CNGC)	133	476
6	Корпорация вооружения и военной техники Китая (CSGC)	64	260
7	Корпорация судостроительной промышленности Китая (CSSC)	61	95
8	Корпорация тяжелого судостроения Китая (CSIC)	99	170
9	Корпорация аэрокосмической науки и техники Китая (CASC)	137	110
10	Корпорация аэрокосмической науки и промышленности Китая (CASIC)	180	100
11	Корпорация электронной науки и техники Китая (CETC)	376	60

Источник: официальный сайт ГК ОНТП <http://www.costind.gov.cn>

Кроме того, ГК ОНТП и ГУВВТ НОАК показали эффективную работу при размещении НИОКР и организации кооперации производств, расположенных в различных провинциях. Раньше отдельные отрасли ВПК (например авиационная промышленность) могли полагаться только на единственных поставщиков комплектующих изделий, что приводило к неэффективности, избыточности и высокой степени изолированности.

Увеличение доступа китайских предприятий ВПК к иностранным военным технологиям (ноу-хау, технологиям производства) принесло дополнительные изменения. Это облегчило процесс реформирования ВПК Китая. Напри-

мер, совместное с Россией производство истребителей помогло китайцам расширить их знания в производстве самолетов четвертого поколения. Израиль обеспечил помощь в авиационной радиоэлектронике и ракетах класса "воздух-воздух". Франция оказала содействие в развитии ракет класса "воздух-воздух" и "поверхность-воздух".

Некоторые отрасли ВПК (например судостроение и авиастроение) получают также определенную выгоду от доступа к иностранным инвестициям и иностранным коммерческим технологиям через совместные коммерческие предприятия. Они осуществляют многоуровневое коммерческое сотрудничество с иностранными компаниями с целью реформирования своей производственной инфраструктуры и улучшения деятельности. Еще одна ценность реформ состоит в появлении возможности использования рынков капитала в Китае и Гонконге с целью генерирования фондов, которые могут использоваться для военных проектов²⁶.

"В связи с завершением основных структурных преобразований ВПК Китая и созданием военно-промышленных корпораций наиболее актуальной проблемой в военно-технической области становится развитие эффективной интеграции науки, техники и технологий при разработке вооружений для выхода оборонной промышленности КНР к 2010 г. на уровень мировых стандартов"²⁷. Это позволит обеспечить безусловное выполнение программы "модернизации обороны" КНР на период до 2049 г., целью которой является создание к 2020 г. военного потенциала, обеспечивающего нейтрализацию потенциальных угроз национальной безопасности, к 2049 г. — его наращивание до уровня "мировой державы", создание вооруженных сил, способных обеспечить защиту национальных интересов в глобальной масштабе²⁸.

Результаты перестройки ВПК

В 1978 г. "патриархом китайской перестройки" Дэн Сяопином и руководством правящей Коммунистической партии Китая (КПК) в "программе четырех модернизаций" была поставлена главная "историческая цель" — превращение страны в государство, которое способно оказывать влияние на развитие военно-политической обстановки не только в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), но и во всем мире. С тех пор прошло четверть века и сегодня следует признать, что эта программа в значительной степени выполнена. Китай — страна, имеющая одну из самых динамично развивающихся экономик. Если подходить с военно-политической точки зрения, то за это время Пекин успешно реализовал две важнейшие программы: стал обладателем ракетно-ядерного оружия и запустил в космос летательный аппарат с человеком на борту²⁹.

В программе "четырёх модернизаций" в качестве приоритетов были определены следующие направления: развитие промышленности, науки и технологий, сельского хозяйства и обороны. Однако модернизация обороны по масштабам, темпам и выделяемым ресурсам длительное время уступала остальным областям. В конце 1990-х годов положение начало меняться в лучшую сторону. В настоящее время в китайском военно-промышленном комплексе продолжается курс на специализированное разделение труда и сотрудничество, постепенно создается новая система общественного кооперирования на коммерческих условиях с полной цепочкой из генеральных подрядчиков, субподрядчиков и поставщиков. Продолжается стратегическая перегруппировка предприятий и учреждений военной промышленности, оптимизируется размещение ресурсов, развивается базовая промышленность, постепенно создается ряд крупных объединений предприятий, обладающих конкурентоспособностью на международном рынке. Углубляется реформа самих предприятий ВПК, формируется современный режим предприятий, оказывается содействие мно-

гоукладности субъектов инвестирования предприятий и трансформации хозяйственного механизма, предприятия военной промышленности трансформируются в субъекты рыночной конкуренции, способные строить свою деятельность на началах самостоятельного хозяйствования и самокупаемости³⁰.

Создание военно-промышленных корпораций, отражает характерную для нынешнего Китая общую тенденцию — создание крупных научно-производственных объединений, обладающих, как показывает мировой опыт, более высокой экономической эффективностью по сравнению с отдельными предприятиями. Вместе с тем становление созданных военно-промышленных объединений будет, по-видимому, достаточно сложным и длительным процессом. Главное препятствие здесь — сохраняющееся научно-техническое отставание Китая от уровня развитых стран, что влечет за собой недостаточное производственное освоение как собственных научно-технических достижений, так и импортируемых технологий и оборудования. Китайское правительство относит техническое отставание в новых военных технологиях к одному из 4 факторов, оказывающих существенное влияние на безопасность Китая, наряду с “проблемой Тайваня”, рисками глобализации экономики и противоречиями между концепциями однополярности и многополярности мира, и всячески стремится к его сокращению³¹.

Большое значение для Китая в решении проблем модернизации обороны имеет и расширение военно-технического сотрудничества с Россией, которое ныне осуществляется на долгосрочной основе в контексте развивающихся между двумя странами отношений равноправного доверительного партнерства. Благодаря ему Китай получил возможность закупать современное российское вооружение и военную технику, готовить в России военно-технических специалистов, осуществлять совместные проекты по разработке, модернизации и ремонту вооружений, обмениваться необходимой информацией. Заинтересована в военно-техническом сотрудничестве с Китаем и Россия, которая получает возможность использовать потенциал своего военно-промышленного комплекса для решения финансовых проблем.

В 2002 г. появились первые результаты проводимых реформ, китайская оборонная промышленность вышла из трудного положения и впервые за долгое время стала рентабельной³².

В конце 2003 г. реализованная предприятиями ВПК прибыль превысила 440 млн долларов США, акции 39 предприятий отрасли были размещены на фондовом рынке. В 2003 г. валовая продукция, добавленная стоимость промышленной продукции и доход от сбыта 10 военно-промышленных корпораций Китая соответственно увеличились на 88,2, 95,8 и 95,6% по сравнению с 1999 г.³³ Самым важным событием года стал успешный запуск и приземление пилотируемого космического корабля “Шэньчжоу-5” (“Священная ладья”), который представляет собой новое важнейшее достижение Китая после испытательного взрыва атомной бомбы и запуска первого искусственного спутника Земли в 60 — 70 годах XX века. В 2003 г. ВПК Китая заработал на 18 процентов больше, чем в 2002 г. Стоимость произведенных товаров народного потребления составила 130 млрд юаней (около 15,7 млрд долларов США), что на 25% больше показателей 2002 г.³⁴

В 2004 г. в Китае оборонная промышленность Китая продолжила свое быстрое развитие. Все 10 корпораций ВПК закончили год с прибылью. Общий прирост в военной промышленности оказался на 10 процентных пунктов выше по сравнению с приростом промышленности по всей стране.³⁵ В сравнении с 2003 г. рост совокупного годового дохода, добавленной стоимости продукции и дохода от реализации продукции составил 21,7, 26,8 и 26,4 процента соответственно. В 2004 г. стоимость произведенных на предприятиях ВПК товаров на-

родного потребления достигла 165,6 млрд юаней, что на 26,8% больше по сравнению с 2003 г. К концу 2004 г. акции 49 предприятий ВПК котировались на фондовых биржах. Особенно активно развивалось судостроение³⁶. В 2004 г. грузоподъемность спущенных на воды новых судов превысила 8 млн 550 тыс. тонн (в 2002 г. грузоподъемность новых судов достигла 4 млн 170 тыс. тонн, а в 2003 г. — 6 млн 410 тыс. тонн)³⁷.

За годы проведения реформы предприятия ВПК Китая передали гражданским предприятиям свыше 30 тысяч технологий и разработок, которые позволили последним увеличить стоимость продукции на 100 млрд юаней (около 12 млрд долларов США)³⁸.

Таким образом, можно констатировать, что политика китайского руководства в области реформирования военно-промышленного комплекса принесла положительные результаты. Несмотря на все сложности, связанные с процессами реорганизации структуры и освоения новых высоких технологий, ВПК Китая начал активное развитие и уже достиг значительных успехов.

1. Белая книга об обороне КНР в 2004 году. Пекин: Канцелярия Госсовета КНР, 2004. (<http://www.china.org.cn>).
2. Вэнь Цзябао. Доклад о работе правительства на 2-й сессии ВСНП 10-го созыва // Агентство "Синьхуа". 2004. 5 марта.
3. Горбачев Б.Н. Вооруженные силы Кктая: роль в общественно-политической жизни КНР в 1949-1979 годы // Информ. бюлл. № 3 М., Институт Дальнего Востока РАН. 1999. С. 74.
4. Хао Мэнби, Дуань Хаожень. 60 лет КПК (на кит. яз.). Т. 1-2. Пекин. 1984. С. 685.
5. Каменнов П.Б. КНР: военно-технические аспекты модернизации обороны // Информационные материалы. Вып. 14. М., Институт Дальнего Востока РАН. 2001. С. 8.
6. Веретенников Д.К. Фундамент сотрудничества. Контакты Москвы и Пекина выходят на новый уровень // Военно-промышленный курьер. № 16. 2003. 24-31 декабря.
7. Дэн Сяопин. Строительство социализма с китайской спецификой. Статьи и выступления. М., МП Палея, 1997. С. 254.
8. Дэн Сяопин. Указ. соч. С. 466-467.
9. Сумбатян Ю. По пути модернизации. Народно-освободительная армия Китая на современном этапе // Военно-промышленный курьер. № 24(41). 2004. 30 июня.
10. Chinese Defence Industry: Chinese Puzzle // Jane's Defence Review. 2004. (<http://jdw.jahes.com>).
11. За 5 лет ВПК Китая достиг серьезных производственных и коммерческих успехов // Агентство "Синьхуа". 2004. 6 июля.
12. Medeiros Evan. Analyzing China's Defense Industries and the Implications for Chinese Military Modernization. Santa Monica, CA: The RAND Corporation, 2004. P. 4.
13. Frieman Wendy. China's Defence Industries // The Pacific Review, 1999.
14. В связи с изменением статуса комитета перевод наименования новой организации на русский язык предлагается как Государственный комитет по оборонной науке, технике и промышленности (ГК ОНТП). См., например: Модернизация китайской армии в оценках западных специалистов // Экспресс-информация. № 6. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 1997. С. 61.
15. Национальная оборона Китая в 2002 году (Белая книга). Пекин: Канцелярия Госсовета КНР, 2002. (<http://www/china/org.cn>).
16. Такой перевод наименования организации на русский язык принят в качестве официального.
17. Mulvenon James C., Yang Andrew N.D. The People's Liberation Army as Organization: Reference Volume v1.0. Santa Monica, CA: The RAND Corporation, 2003. P. 276-278.
18. Синьхуа. 2002. 1 ноября.
19. Medeiros Evan S. Analyzing China's Defense Industries and the Implications for Chinese Military Modernization. Santa Monica, CA: The RAND Corporation, 2004. P. 7.
20. Синьхуа. 1999. 8 марта. Цзефанцзюнь бао. 1999. 9 февраля.

21. Национальная оборона Китая в 2002 г. (Белая книга). Пекин: Канцелярия Госсовета КНР, 2002. (<http://www.china.org.cn/>)
22. Каменнов П.Б. КНР: военно-технические аспекты модернизации обороны // Информационные материалы. Вып. 14. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2001. С. 54.
23. Вэнь Цзябао. Доклад о работе правительства на 2-й сессии ВСНП 10-го созыва. Агентство "Синьхуа". 2004. 15 марта.
24. Например, по сообщениям СМИ, в 2003 г. предприятия ВПК произвели 780 тыс. автомобилей, что составляет 19% всего производства автомобилей в КНР. См.: China's Defense Sector Expands in 2003. Xinhua (english). 5 January. 2004. Доходы Китайской корпорации космической науки и техники от сбыта гражданской продукции в 2003 г. достигли 25,1 млрд юаней (около 3 млрд долларов США). См.: Жэньминь жибао онлайн. 2004. 31 декабря.
25. Chinese Defence Industry: Chinese Puzzle // Lane's Defence Review. 21 January. 2004. (<http://janes.com>).
26. Medeiros Evan S. Analyzing China's Defense Industries and the Implications and the Implications for Chinese Military Modernization. Santa Monica, CA: The RAND Corporation, 2004. P. 8.
27. Каменнов Б. КНР: военно-технические аспекты модернизации обороны // Информационные материалы вып. 14. М., Институт Дальнего Востока РАН, 2001. С. 62.
28. Веретенников Д.К. Фундамент сотрудничества. Контакты Москвы и Пекина выходят на новый уровень // Военно-промышленный курьер. № 16. 2003. 24-31 декабря.
29. Горшков А., Даминов Ю. Опора на собственные силы. Китайский опыт реформирования армии // Военно-промышленный курьер. № 14. 2003. 10 декабря.
30. Национальная оборона Китая в 2002 году (Белая книга). Пекин: Канцелярия Госсовета КНР, 2002.
31. Белая книга об обороне КНР в 2004 году. Пекин: Канцелярия Госсовета КНР, 2004.
32. За 5 лет ВПК Китая достиг серьезных производственных и коммерческих успехов // Агентство "Синьхуа". 2004. 6 июля.
33. Там же.
34. ВПК Китая подводит итоги 2003 г. // Агентство "Синьхуа". 2004 7 января.
35. Всестороннее и гармоничное развитие оборонной науки, техники и промышленности Китая в 2004 г. // Китайский информационный Интернет-центр. 2005. 4 февраля.
36. Стремительное развитие оборонной промышленности Китая // Китайский информационный Интернет-центр. 2005. 24 января.
37. Китайский информационный Интернет-центр. 2005. 4 февраля.
38. Ближайшие цели конверсии оборонной промышленности Китая // Агентство "Синьхуа". 2004. 3 мая.

Инвестиционное сотрудничество между Россией и Японией

© 2005

И. Куранова

Изучая вопросы инвестиционного сотрудничества между Россией и Японией, следует иметь в виду, что рассмотрение данных вопросов носит несколько односторонний характер, поскольку инвестиционный поток из Японии в Россию намного шире и значительнее, чем обратный.

По данным Росстата, общий объем накопленных в России японских инвестиций на конец июня 2004 г. составил 694 млн долл. (в том числе прямых — 118 млн долл), что составляет около 1% в общем объеме аккумулированного иностранного капитала в экономике России, — уровень явно не соответствующий ни потенциалу, ни потребностям российско-японского сотрудничества.

В первом полугодии 2004 г. из Японии в российскую экономику поступило инвестиций на сумму 85 млн долл., в том числе прямых — 24 млн долл. (см. Таблицу № 1). Наиболее значительные поступления японских инвестиций зафиксированы в 2003 г. (1,005 млрд долл.). Однако причина этого заключалась в предоставлении Японским банком международного сотрудничества (ЯБМС) кредита на сумму 895 млн долл. японской компании "Содеко", участвующей в реализации нефтегазового проекта "Сахалин-1". Без учета указанного кредита объем поступивших инвестиций составил лишь 110 млн долл.

В то же время из России в Японию в 2003 г. поступило всего 908 тыс. долл. (см. Таблицу № 2). При этом случаи инвестирования из России в Японию, хотя и имеют место, но носят сугубо фрагментарный характер.

По объему иностранных инвестиций в дальневосточный регион России Япония является лидером среди стран АТР. Однако объем японских капиталовложений в другие азиатские страны несравнимо больше¹, да и по сравнению с потребностями российского Дальнего Востока эти инвестиции невелики. Так, Япония, являясь крупнейшим инвестором в АТР, за последние 26 лет инвестировала в регион около 620 млрд долл., из них в Россию были направлены 0,054%, из которых российский Дальний Восток получил всего 0,025%².

Таблица 1

Японские инвестиции в экономике России в 2002-2004 гг.
(тыс. долларов США)

Годы	Поступило всего	В том числе		
		прямые	портфельные	прочие
2002	440714	260245	-	180469
2003	1004603	828140	-	176463
2004 (1 полугодие)	85245	24153	-	61092

Источник: данные Росстата.

Таблица № 2

Российские инвестиции в экономике Японии в 2002-2004 гг.
(тыс. долларов США)

Годы	Поступило всего	В том числе		
		прямые	портфельные	прочие
2002	1199	-	-	1199
2003	908	-	-	908
2004 (1 полугодие)	819	-	-	819

Источник: данные Росстата.

Инвестиционное сотрудничество, как представляется, логично рассматривать на двух уровнях взаимодействия. Первый — это прямые японские инвестиции в экономике России, которые участвуют в создании совместных предприятий (СП), либо компаний со 100%-ным японским капиталом. Второй уровень — это японские инвестиции в крупных инвестиционных проектах, в реализации которых принимает активное участие государство, которое обеспечивает их правовую и финансово-экономическую поддержку. Как правило, в таких проектах участвуют крупные компании, действующие в рамках межгосударственных договоренностей³.

Остановимся прежде на рассмотрении роли и значения прямых японских инвестиций в экономике России. Совместное предпринимательство является одним из наиболее перспективных направлений российско-японского сотрудничества равно как и развития бизнеса в условиях глобализации, имея в виду общую тенденцию опережающего развития международного производства по сравнению с ростом мирового ВВП и торговли. Для российско-японских отношений важно то, что в процессе совместной работы преодолевается недоверие сторон друг к другу, происходит организационное обучение, приобретается ценный опыт, новые навыки работы, ноу-хау. Кроме того, создание СП всегда связано с привлечением дополнительных инвестиций в страну, сопровождающихся притоком новых иностранных технологий, что особенно актуально для России, повышается степень использования российских.

В настоящее время российско-японское предпринимательство развивается преимущественно в виде СП различных организационно-правовых форм и географически сосредоточено на Дальнем Востоке. Связано это с тем, что инвестиционная активность японцев в данном регионе России наиболее интенсивна. Так, по данным Государственной Думы РФ в России действует 380 предприятий с японским капиталом, из которых около 300 — на Дальнем Востоке⁴. Привлекательность этого региона России для японцев очевидна (географическая близость, богатые запасы углеводородного сырья и разнообразие биоресурсов), однако, и проблемы совместного предпринимательства наиболее остро

проявляются именно на Дальнем Востоке. Поэтому наиболее успешны в настоящее время немногочисленные российско-японские СП, действующие в центральной части России (“JT”-“Джапан Табако”; “NEC — Нева”, которая является СП с японской корпорацией “Нихон дэнки” и одновременно основным предприятием в России, производящим цифровое коммутационное оборудование для АТС. На юге Москвы успешно работает по проблематике биотехнологии НИИ генетики Адзиномото (AGRI). Он основан в 1998 году как совместное предприятие российского государственного НИИ генетики и японской фирмы “Адзиномото”, которые начали сотрудничать в области применения аминокислот еще в 70-е годы; электротехническая корпорация “Сева Дэнко”, уделяя внимание российским фундаментальным технологиям, уже шесть лет занимается разработкой газов и химических товаров, которые используются в полупроводниковой промышленности⁵).

Существуют некоторые различия в отраслевой принадлежности предприятий с японским капиталом, в зависимости от того, где они действуют. Так, в центральной части России предприятия с японским капиталом сосредоточены, главным образом, в сфере высоких технологий: биотехнологические исследования — НИИ генетики Адзиномото; полупроводниковая промышленность — электротехническая корпорация Сева Дэнко; цифровое коммутационное оборудование для АТС — СП “НЭЖ — Нева”; а также в пищевой промышленности — компания “Джей-Ти-Ай Петро”. На Дальнем Востоке России предприятия с японским капиталом действуют в таких отраслях и сферах бизнеса, как торгово-посреднические и консультационные услуги, нефтедобыча и нефтепереработка, легкая промышленность, производство и переработка сельскохозяйственной продукции, объектов морского промысла, древесины, вторичного сырья, строительство, пищевая промышленность⁷.

В региональном плане крупнейшими реципиентами японского капитала на Дальнем Востоке России являются Сахалин, Камчатка, Приморский и Хабаровский края. Так, в начале 2003 г. накопленный объем инвестиций Японии в экономику Приморского края составил 58,6 млн долл., или 17,3% всего объема накопленных в крае иностранных инвестиций⁸. Вместе с тем, после кризиса 1998г. активность японских компаний в крае, как и в целом в России, заметно снизилась. Так, если в 1997 г. число случаев инвестирования японского капитала в Приморский край составило 51, то в 1998 г. этот показатель сократился до 27 и до 2002 г. включительно не превышал 30⁹. Российско-японские СП в Приморском крае заняты в основном обработкой сырья и производством готовой продукции, в том числе предназначенной на экспорт.

В Хабаровском крае самое крупное предприятие, производящее пиломатериалы, — это предприятие компании “Ванино — Тайрику” (со 100% -м японским капиталом), которое действует с 1993 г. За счет реконструкции, технического обновления и повышения качества продукции в 2003 г. выручка предприятия от реализации выросла на 20%. И в настоящее время предприятие дает 40% от краевого экспорта пиломатериалов, значительная часть которого направляется в Японию¹⁰.

Как показывает практика, наиболее успешно (бесконфликтно) действуют именно предприятия со 100% -м японским капиталом, а не СП, в которых доли поделены между японской и российской стороной (иное дело, когда участником с российской стороны выступает государство). Показательным в этом смысле является пример с ООО “Игирма-Тайрику”, которое было создано в форме СП еще в 1987 г. Оно — одно из старейших российских предприятий, созданных с участием иностранного капитала и является первым совместным с

японской стороной предприятием. Учредителем с российской (тогда советской) стороны (его доля составляет 51%) стало Всесоюзное лесопромышленное объединение "Иркутсклеспром". Доля японского участника (торговой компании "Тайрику-Трејдинг") составляет 49%¹¹. После перерегистрации, осуществленной в 1992 г. в связи с прекращением существования СССР, Российская Федерация вошла в состав СП "Игирма-Тайрику" в качестве правопреемника "Иркутсклеспром"¹².

В последние годы в целях повышения эффективности использования государственного имущества, находящегося в федеральной собственности и возможности поступления в федеральный бюджет на разовой основе достаточно крупного объема финансовых средств, которые могут быть выручены в результате аукциона, государство взяло курс на приватизацию принадлежащих ему долей в совместных предприятиях.

Аргументы в пользу приватизации государственной доли в случае с СП "Игирма Тайрику" вполне обоснованы. Во-первых, в связи с удаленностью от центра государство не в состоянии эффективно участвовать в управлении предприятием. Другим аргументом в пользу приватизации, по мнению государственных чиновников, является необоснованно заниженный объем дивидендов, получаемых государством от использования его доли. Неоднократно выдвигавшиеся представителями государства предложения увеличить объем дивидендов до необходимого уровня отвергались японской стороной¹³.

С другой стороны, можно со всей определенностью утверждать, что в случае приобретения российской доли японским участником СП, оно, скорее всего, продолжит свою успешную деятельность. Если же российская доля будет приобретена третьей стороной, то вполне вероятно, что в отношениях сторон, оказавшихся партнерами поневоле, и, соответственно, в деятельности СП, как это уже неоднократно бывало в прошлом, могут возникнуть серьезные трудности.

Подводя итог краткому описанию российско-японского инвестиционного взаимодействия в форме совместного предпринимательства, хотелось бы отметить, что очевидная польза от партнерства в рамках СП с участием японских компаний заключается не только в том, что в процессе сотрудничества складываются условия, позволяющие гармонизировать структуру российского экспорта путем повышения в нем удельного веса продукции с более высокой долей добавленной стоимости, но и сделать производимую продукцию более конкурентоспособной на международных рынках, в т.ч. и на японском. Другое дело, что львиная доля японских прямых инвестиций концентрируется в российской топливной промышленности, в сфере переработки древесины и морепродуктов в ущерб многим другим отраслям. Кроме того, важнейшие отрасли экономики и промышленности России нуждаются не просто в дополнительных финансовых ресурсах, но в современных технологиях и оборудовании. В связи с этим важное значение приобретает привлечение не просто капиталовложений, а иностранных инвестиций высокого качества. При этом японские компании, действующие в высокотехнологичных отраслях (а именно в таких инвестициях нуждается и Дальний Восток и Россия в целом), прежде всего интересуют наличие таких специализированных факторов, как НИОКР, квалифицированный персонал и инфраструктура, бизнес-среда и т.п. По этим параметрам Россия пока не выдерживает конкуренции ни с Китаем, ни со странами ЮВА, куда направляются большие потоки прямых инвестиций из Японии¹⁴.

В связи с этим, как нам представляется, определенные возможности для дальнейшего качественного наполнения инвестиционной составляющей

российско-японского торгово-экономического сотрудничества открывает наука и технологии. В том смысле, что достижения и оригинальность идей российской фундаментальной науки представляют большую привлекательность для Японии. Наиболее перспективным в этой части представляется создание на совместной основе конкурентоспособных товаров и услуг путем органичного сочетания достижений российской фундаментальной науки и японских прикладных технологий.

Нельзя не согласиться с мнением Чрезвычайного и Полномочного Посла Японии в России И.Номуры¹⁵ о том, что создание совместных предприятий, установление партнерских связей между японскими и российскими предприятиями ведет к созданию в России новых рабочих мест и повышению доходов населения. Это как раз соответствует курсу на удвоение ВВП, проводимому Президентом РФ В.В. Путиным.

Что касается крупных инвестиционных проектов с участием японских компаний, то они сосредоточены главным образом в топливно-энергетическом и транспортном комплексах. В этой связи хотелось бы особо отметить важную роль российско-японского сотрудничества в повышении энергетической безопасности в АТР и развитии евроазиатских транспортных коридоров. Такое сотрудничество способно привести к формированию качественно новой ситуации в регионе, существенно усилить интеграцию России в его хозяйственную жизнь.

Расширение сотрудничества в энергетике может стать стержневым направлением в экономических отношениях России и Японии. Реализация с японским участием как первых двух проектов морской нефтедобычи, так и других перспективных проектов развития топливно-энергетического комплекса Восточной Сибири и Дальнего Востока должна внести существенный вклад в формирование стабильного рынка энергоносителей в АТР.

С обеих сторон отмечается важность двустороннего и многостороннего взаимодействия в области энергетики¹⁶ в целях обеспечения сбалансированного развития энергопотребления в АТР, а также решения задач экономического развития Сибири и Дальнего Востока. Сотрудничество в этой сфере позволит обеспечить динамичный рост нефте- и газодобывающей промышленности в Сибири и на Дальнем Востоке и экономики указанных регионов в целом, а также стабилизацию энергетической ситуации в Азиатско-Тихоокеанском регионе, решение проблем энергетической безопасности и устойчивого снабжения стран АТР энергоносителями в XXI веке.

Япония до сих пор с осторожностью подходила к совместной с Россией реализации инвестиционных проектов стратегического характера, что объясняется целым рядом причин (территориальный вопрос, недостаточно привлекательный, по мнению японской стороны, инвестиционный климат в России, неурегулированность в окончательном виде проблемы российской задолженности перед японскими торговыми фирмами по внешнеторговым выплатам советского периода, пассивность в использовании выделенных Японией кредитных ресурсов и т.д.) Однако жизненно важные для Японии проблемы долгосрочного энергообеспечения диктуют необходимость широкомасштабного сотрудничества с Россией в этой области.

В топливно-энергетическом комплексе в настоящее время наиболее актуальными являются сахалинские нефтегазовые проекты, включая шельфовые проекты (это — крупнейшие объекты российско-японского инвестиционного сотрудничества наряду с инвестициями компании "Джапан Табакко" в Санкт — Петербурге), а также проекты строительства газопровода Сахалин — Япония и завода по производству сжиженного газа на Сахалине.

В Сахалинских шельфовых проектах японские компании принимают большое участие, являясь одним из иностранных партнеров. В проекте "Сахалин-1" работы ведет международный консорциум. Из общей суммы проекта в 12 млрд долл. 30% выделяют японские участники. В проекте "Сахалин-2" из общей суммы работ в 12 млрд долл. доля японских компаний — 45%¹⁷. В рамках реализации этих двух проектов были заключены соглашения о разделе продукции (1996 г.). Максимальный уровень добычи топлива по проекту "Сахалин-1" составит 24 млн т нефти и 20 млрд куб. м газа в год, по проекту "Сахалин-2" — соответственно 8 млн т и 16 млрд куб. м в год. В настоящее время проекты уже реально работают¹⁸. С месторождений, разрабатываемых в рамках проекта Сахалин — 1, уже началась коммерческая добыча нефти.

Ожидается, что в результате реализации проекта будут созданы инвестиционные условия для дальнейшего освоения нефтегазовых месторождений шельфа дальневосточных морей России. Доходы государства в виде роялти, доли прибыльной продукции и налоговых поступлений, по расчетам, должны составить более 40 млрд долл., около 12 тыс. российских граждан получат рабочие места, будет уменьшен дефицит энергоресурсов на Дальнем Востоке России и в АТР. В целом же проект даст мощный толчок развитию промышленности и инфраструктуры ДВ России¹⁸.

Проект "Сахалин 2" до последнего времени продвигался довольно тяжело. Проблемы, с которыми сталкивался оператор, были связаны с неурегулированностью экологических вопросов²⁰, задержками с возвратом НДС (в соответствии с предоставленной российским законодательством льготой) и отчасти были сходны с вопросами, которые приходилось решать в рамках проекта "Сахалин — 1". К маю 2003 г. международный консорциум "Сахалин Энерджи" официально объявил о начале работ по второму этапу проекта "Сахалин-2"²¹. При этом освоение месторождений все равно началось без утвержденного Минприроды РФ ТЭО. Системы газопроводов в рамках проекта "Сахалин-2" будут входить в собственность акционеров оператора проекта консорциума "Сахалин-Энерджи" на весь период действия самого проекта. По окончании действия соглашения они перейдут в собственность РФ²².

Серьезной экономической проблемой, как первого, так и второго сахалинского проекта является реализация продукции²³. В связи с этим наибольший интерес представляют возможности и перспективы экспорта сахалинского газа в Японию, которая является и крупнейшим потенциальным потребителем в регионе.

Рассмотрим нынешнее положение энергетического рынка Японии, динамику его роста. В 2000 г. общий объем потребления Японией природного газа (в сжиженном виде) составил 52,7 млн т. Из них 37,5 млн т. были направлены на выработку электроэнергии. "Токио дэнреку" в том же году использовала 15,8 млн т. — или третью часть от всего объема закупленного Японией природного газа. До 2010 г. компания планирует поддерживать нынешний объем закупок (около 16 млн т. в год). Из них 4,8 млн т. природного газа ежегодно закупается в Малайзии, контракт с которой истек в 2003 г.

После 1-го и 2-го "нефтяных шоков" значительно расширился круг стран-поставщиков сжиженного природного газа (СПГ). Увеличилась и добыча газа в Малайзии, Индонезии, на севере Аляски, в Австралии; сумма предложений на поставку СПГ, поступающих в компанию "Токио дэнреку" из этих стран, составляет 36 млн т. Если прибавить к этой цифре по 6 млн т. природного газа, добываемого в рамках проектов "Сахалин-1" и "Сахалин-2", мы по-

лучим 48 млн т., — сумма вполне сопоставимая с 52,7 млн т. природного газа, ежегодно потребляемыми всей Японией²⁴.

С точки зрения затрат, по оценкам японских специалистов, возможно, транспортировка природного газа по трубопроводу будет дешевле, чем его доставка к электростанциям в сжиженном виде, поскольку цена CIF (стоимость + страхование + фрахт) на сжиженный газ сопоставима с ценой на нефть.

Другая проблема: можно ли обеспечить стабильный, устойчивый спрос на природный газ? В последнее время спрос на электроэнергию в Японии практически не растет. Примерно 70% электроэнергии в стране потребляют домашние хозяйства и служебные учреждения и только 30% — сфера производства. Рост спроса на электроэнергию на 80% обеспечивается домашними хозяйствами и учреждениями, а значительный скачок в промышленном потреблении электроэнергии пока не ожидается.²⁵

Таким образом, вопрос о реализации добываемого газа, и в проекте “Сахалин-1”, и в проекте “Сахалин-2” является принципиальным. Необходимость поиска надежных покупателей газа в АТР и заключения контрактов с ними на долговременной основе во многом послужило сдерживающим фактором в реализации второго этапа проекта “Сахалин-2”. По оценке специалистов, запасы газа в рамках этого проекта позволят покрыть, как минимум, 10% спроса на газ на азиатском рынке²⁶.

Таким образом, успех реализации Сахалинских проектов во многом зависит от результатов поиска потенциальных покупателей в АТР, и заключения с ними долгосрочных контрактов на поставку газа. В свою очередь, успешное продвижение сахалинских проектов способно вывести российско-японское инвестиционное сотрудничество на качественно новый уровень. Бесспорным позитивным фактором реализации сахалинских нефтегазовых проектов является приобретение необходимого опыта совместной работы российских и японских компаний в рамках международного консорциума. Кроме того, как показывает практика, российские предприятия вполне успешно реализуют стратегию “встраивания” в производственные цепочки иностранного партнера. Еще один положительный фактор участия в работе международного консорциума заключается в том, что в процессе реализации сахалинских проектов создаются конкурентные условия и для российских компаний: они конкурируют между собой и, порой, способны составить серьезную конкуренцию иностранным компаниям.

В процессе заключения соглашений о совместной разработке российских месторождений и условиях участия российской стороны в консорциуме обнаружился и ряд проблем, связанных как с объективными обстоятельствами, так и отсутствием достаточного опыта участия в таких международных объединениях. В первую очередь это относится к порядку определения списка возмещаемых затрат, перерасходу средств по сравнению со сметой на устранение недоделок и проведение непредусмотренных работ, определению ставок роялти за пользование национальными природными ресурсами. Серьезные разночтения возникают также при оценке и сравнениях годовых объемов японских капиталовложений в проекты “Сахалин-1,2”, что вызывает расхождение в показателях японской и российской статистики учета инвестиционных потоков, порой достигающих нескольких сот миллионов долларов²⁷. Кроме того, статистические расхождения связаны еще и с тем, что учет инвестиций, поступивших в рамках этих проектов, полностью ведется по стране компании-оператора проекта, а не по странам компаний — акционеров проекта. При

Этом примерную сумму капиталовложений последних можно подсчитать исходя из их долей участия в акционерном капитале консорциума.

Помимо топливно-энергетических проектов, перспективными с точки зрения развития инвестиционного сотрудничества между Россией и Японией являются транспортные проекты. По мнению представителя Президента РФ в Дальневосточном регионе К. Пуликовского, Россия заинтересована в поддержке японских предпринимателей в развитии транспортной инфраструктуры, в частности, в привлечении на Транссибирскую магистраль грузов, направляемых сейчас в страны Европы морским путем²⁸.

Одним из примеров сотрудничества в области транспортной инфраструктуры стало и обустройство порта Восточный, который стал крупнейшей перевалочной базой России на Востоке. Кроме того, японскими компаниями было подготовлено в инициативном порядке ТЭО обустройства порта Зарубино.

Во время официального визита президента Российской Федерации В.В. Путина в Японию 3-5 сентября 2000 г. российская сторона выступила с интересным предложением о создании транспортного коридора Европа — Япония посредством строительства тоннелей, соединяющих материк с о-вами Сахалин и Хоккайдо.

В силу географического положения и высокой пропускной способности Транссиба Россия и Япония могут играть значительную роль в формировании рынка транспортных услуг в АТР. В этой связи особую важность приобретают проекты в области совершенствования транспортной инфраструктуры, открывающие возможности расширения присутствия России в регионе АТР.

Для интеграции России в АТР необходимо развитие транспортной инфраструктуры в азиатской части России и встраивание ее в мировую транспортную схему, в том числе и реализацию такого проекта, как формирование сухопутного транспортного коридора «Япония — Россия — Европа».

В 90-е годы перевозка контейнерных грузов по Транссибирской железнодорожной магистрали (ТСМ) потеряла привлекательность для японских компаний, и грузопоток резко сократился из-за несовершенства тарифной системы, таможенных правил, хищений и падения доверия к этому маршруту в целом, хотя через территорию России контейнеры можно перевозить в два раза быстрее, чем морским путем²⁹. В настоящее время основным маршрутом, составляющим конкуренцию Транссибу, является морской путь через Индийский океан и Суэцкий канал, занимающий 35 суток. В качестве альтернативы ТСМ выступает постоянно развивающийся европейско-азиатский транспортный коридор TRASECA, по которому грузы могут быть направлены в любую азиатскую страну с использованием паназиатских железнодорожных и автомобильных трасс³⁰.

Более длительный трансокеанский путь доставки товаров в Европу выбирается грузоотправителями из Азии, в первую очередь исходя из требований доставки груза в срок и в полной сохранности.

Япония заинтересована в использовании Транссиба в качестве выгодного транспортного коридора между странами АТР и Европой. Увеличение загрузки ТСМ японскими грузами увязывается с созданием конкурентных условий перевозки грузов от портов Японии до Центральной Европы по сравнению с морским маршрутом, выделяя в качестве основных требований следующие: установление конкурентных тарифов, гарантии сохранности груза, строгое обеспечение сроков доставки, упрощение порядка прохождения грузов через границу³¹.

Увеличение загрузки Транссибирской железнодорожной магистрали (ТСМ) европейско — азиатскими транзитными грузами является для России важной государственной задачей. Определенную сложность представляет перевод грузопотоков из Японии в Западную Европу с морского пути, контролируемого иностранными судовладельцами.

Ведутся переговоры с крупнейшими универсальными торговыми компаниями по привлечению инвестиций для реализации проектов модернизации ряда объектов на российских железных дорогах. Прорабатывается вопрос участия японских фирм ("Сумитомо", "НЭК", "Джапан Телеком") в проекте развития информационных систем на ТСМ. Помимо "железнодорожных" проектов японские фирмы высказывают заинтересованность в совместном освоении месторождений полезных ископаемых в зоне БАМа²².

С целью комплексного рассмотрения проблемы повышения конкурентоспособности ТСМ и выработки рекомендаций по улучшению взаимодействия российских заинтересованных ведомств и японских грузовладельцев японским Институтом экономических исследований стран Северо-Восточной Азии (ЭРИ-НА) проводятся маркетинговые и другие исследования.

Таким образом, для привлечения грузов евроазиатской торговли на ТСМ должны быть сформированы гибкие условия перевозок с учетом наличия конкурирующих маршрутов. Для принятия иностранными фирмами решений о более активном использовании Транссиба важную роль играет продолжение проведения широких рекламных компаний по технологиям и условиям перевозки контейнеров по ТСМ.

Для более полного транспортного обеспечения внешнеторговых грузов и создания необходимой транспортной инфраструктуры, по мнению японских специалистов, необходимо наладить сотрудничество по следующим направлениям:

В области развития портового хозяйства:

- реконструкция и развитие порта Зарубино с созданием транзитного транспортного узла в Северо-Восточной Азии. Строительство порта Зарубино возможно на условиях длительной аренды участков земли под строительство терминалов²³;

- строительство специализированного перегрузочного комплекса для минеральных удобрений в порту Восточный мощностью 4 млн т, в том числе 3 млн т — калийные и 1 млн т — азотные удобрения;

- реконструкция порта Корсаков в связи с развитием паромного сообщения Корсаков-Вакканай и продвижением нефтегазовых проектов сахалинского шельфа.

В области речного транспорта:

- увеличение перевозок между Россией и Японией через речные порты Амурского бассейна, в том числе для перевалки импортных и транзитных грузов на железную дорогу, и сбалансированность грузопотоков. Судами "река — море" плавания Амурского, Ленского и Верхне-Ленского речных пароходств в корреспонденции с портами Японии перевозится 700-800 тыс. т различных грузов в год²⁴.

В области судостроения:

- с японскими фирмами прорабатывался перечень судов, которые могли бы быть заказаны на японских верфях в связи с физическим уменьшением тоннажа и сокращением участия российского торгового флота в обеспечении экспортно-импортных перевозок (лесовозы, рефрижераторы, контейнеровозы, аналоги которых не производятся в России). Однако реализация таких проектов в судостроении требует решения финансовых вопросов сотрудничества.

Таким образом, в области транспорта есть основания рассчитывать на укрепление сотрудничества в развитии и совершенствовании транспортной сети для повышения эффективности внешнеторговых перевозок стран-партнеров, в том числе в повышении привлекательности Транссибирской железнодорожной магистрали и создании современной транспортной инфраструктуры в регионе Японского моря и Дальнего Востока Российской Федерации.

Очевидно, что для привлечения иностранных грузов на ТСМ необходимо повысить конкурентоспособность всех составляющих этой магистрали (порты, железные дороги, перегрузка, таможня) для формирования оптимальных условий перевозок с учетом действующих альтернативных маршрутов. В сотрудничестве с японскими компаниями могли бы также решаться вопросы самого широкого развития инфраструктуры ТСМ, в том числе современных информационных и телекоммуникационных систем связи с выходом на БАМ, что в перспективе открыло бы возможности для совместного освоения месторождений полезных ископаемых в зоне БАМа. В этой связи существуют хорошие возможности для взаимодействия экономик России и стран АТР в т.ч. путем использования России как естественного моста между Европой и Азией. Так, осуществление направленного в XXI век проекта создания транспортного коридора Япония-Россия-Европа (с сооружением необходимых тоннельных переходов) могло бы ускорить интеграционные процессы в регионе, освоение и эффективное использование природных ресурсов Сибири и Дальнего Востока в интересах всех стран региона, и в первую очередь Японии.

Подводя итог краткому изложению вопросов инвестиционного сотрудничества между Россией и Японией, следует признать, что объективно пока еще остается ряд проблем в области улучшения инвестиционного климата в Российской Федерации. На федеральном уровне условия для всех стран — инвесторов в экономику России равны⁵. При этом одни страны вкладывают деньги в экономику России, а заметное отставание Японии от других основных стран-инвесторов по объемам капиталовложений, по всей видимости, имеет и другие причины, которые также необходимо анализировать и преодолевать, в том числе и усилиями японской стороны.

1. И.Л.Тимонина, Дальний Восток России — Япония: грани экономического сотрудничества, источник - "Япония и Россия: соседи в новом тысячелетии", М., АИРО-XX, 2004, стр. 144.
2. Бизнес Матч, выпуск № 2, 2001, -оригинал: <http://www.bmatch.ru>
3. И.Л.Тимонина, Дальний Восток России — Япония: грани экономического сотрудничества, источник - "Япония и Россия: соседи в новом тысячелетии", М., АИРО-XX, 2004, стр. 150.
4. Информационно-аналитический бюллетень № 10 (июнь 2001 год) Депутатской группы по связям с парламентом Японии Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации; российско-японские торгово-экономические отношения. (Справка) Ротобо теса гэппо. 2003. N 44.
5. Новое время. 2004. 31 октября. № 44.
6. До последнего времени СП JTИ было одним из наиболее успешных инвестиционных проектов, осуществляемых Японией в России. Компания JT International (JTИ) является стопроцентным дочерним предприятием компании Japan Tobacco, Inc., контрольный пакет акций которой принадлежит правительству Японии. Компания JT входит в число ведущих иностранных инвесторов в российской табачной отрасли. Фабрика JTИ "Петро" в Санкт-Петербурге является одной из самых современных по уровню оснащенности в России и крупнейшей в системе JTИ. На предприятиях и в подразделениях компании на территории России занято 3385 человек. Компания располагает сетью из 22 региональных офисов, в т. ч. в Москве. С 1992 г. вклад компании JTИ в экономику России составил 400 млн долларов США в виде инвестиций

- в строительство комплекса "Петро" и 597 млн долларов США в виде прямых инвестиций. При этом компания уплатила налоговых отчислений и таможенных сборов на сумму свыше 1,1 млрд долларов США; — источник — Ведомости № 54, от 28.03.01; Бизнес матч ("Россия-Япония: деловые отношения" выпуск 2), 10.12.2001, — электронная версия на сайте: <http://www.bmatch.ru>
7. См., И.Л.Тимонина, Дальний Восток России — Япония: грани экономического сотрудничества, источник — "Россия и Япония: соседи в новом тысячелетии", М., АИРО-XX, 2004. С. 147-148
 8. Ротобо тэса гэппо, 2003, № 12. С. 74 — 76, Презентационные материалы делегации Приморского края на конференции "The 2004 Northeast Asia Economic Conference", Ниигата, 2 — 3 февраля 2004 г.
 9. Ротобо тэса гэппо, 2003, № 12. С. 66.
 10. Хабаровский край: экономический рост, инвестиции и внешнеэкономический фактор" — презентация первого зам. Председателя правительства Хабаровского края по экономическим вопросам В. И Сыркина на "The 2004 Northeast Asia Economic Conference", Ниигата, 2 — 3 февраля 2004 г.
 11. Японская компания "Тайрику Трейдинг", учрежденная в Токио в 1965 году, в течение 36 лет ведет бизнес с Россией. Компания занимается на российском рынке не только торговлей, но и инвестиционной деятельностью, являясь владельцем или совладельцем 4 предприятий (в случае с одним из них, "СП Сахалин-Тайрику", японская компания имела неудачный опыт и в 2001 г. была вынуждена из него выйти). В целом успешная деятельность компании "Тайрику-Трейдинг", пользующейся репутацией надежного партнера, позволила завоевать ей авторитет и на японском, и на российском рынке. Японский участник фирма "Тайрику Трейдинг" закупает всю экспортную продукцию СП "Игирма-Тайрику" с выгрузкой товаров в 20 портах Японии. СП смогло занять свое место на рынке Японии, признанного в мире наиболее сложным рынком с жесткой конкуренцией.
 12. <http://www.igt.irtel.ru/>
 13. Трибуна, от 22.07.04., стр.4, оригинал: http://www.audit_u.ru.
 14. Подробно см., И.Л.Тимонина, Дальний Восток России — Япония: грани экономического сотрудничества, — "Япония и Россия: соседи в новом тысячелетии", М., АИРО-XX, 2004, стр. 161
 15. Новое время, № 44, от 31.10.2004.
 16. Новое время, № 44, от 31.10.2004.
 17. Новое время, № 44, от 31.10.2004.
 18. <http://www.rosneft.ru>.
 19. <http://www.rosneft.ru>.
 20. Запрещение российского Государственного комитета по экологии сбрасывать в море отходы бурения. Протесты зеленых по поводу безопасности серых китов и др.
 21. <http://www.rusenergy.ru>.
 22. <http://www.olo.ru>.
 23. Тимонина И.Л., Сахалинские проекты: опыт российско-японского сотрудничества. ("Японский опыт для российских реформ", выпуск второй, М.,2004), стр. 31
 24. материалы выступления председателя Совета директоров компании "Токио дэнрёку" К.Араки на 265-ом заседании японского внешнеторгового комитета (Japan Foreign Trade Council), "Нихон бозкикай гэппо", октябрь 2001
 25. К.Араки, "Нихон бозкикай гэппо", октябрь 2001
 26. <http://www.olo.ru>.
 27. Так, российская статистика четко классифицирует капиталовложения, направляемые на закупку техники и оборудования, необходимых для реализации проектов, как "иностранные инвестиции", в то время как японская статистика трактует понятие "японские инвестиции за рубежом" шире, включая в них помимо производственных инвестиций все расходы японских компаний-участников проекта вплоть до расходов на туалетную бумагу и шариковые ручки для персонала.
 28. Бизнес Матч, выпуск № 3, 2003.
 29. В 1987г. было перевезено 77502 контейнера, а в настоящее время ежегодно не более 8300. Перевозки по Транссибу транзитных и экспортно-импортных контейнерных грузов из Японии и других стран АТР были широко развиты в советские времена. В

- рекордном 1981г. было доставлено почти 140 тысяч контейнеров. В 80-е годы каждый контейнер, проследовавший транзитом, приносил СССР доход в 2 тыс.долл.
30. по данным японского Института экономических исследований стран Северо-восточной Азии (ERINA)
 31. В последние годы соответствующими транспортными ведомствами России были предприняты меры по повышению реальной конкурентоспособности ТСМ (сокращение сроков доставки до 14 суток, регулярность движения контейнерных составов, гарантии сохранности грузов, "шадающие" сквозные тарифы на перевозку в Европу). В 1998-1999гг. был реализован рекламный проект прохода контейнерного поезда от Находки до Бреста за 9 суток, проведены специальные конференции с привлечением японских и южнокорейских грузовладельцев и экспедиторов, создается специальная рабочая группа для координации действий смежных министерств по ускорению прохождения грузов через дальневосточные порты и по Транссибу для привлечения крупнотоннажных транзитных контейнеров, с 2001 г. введены в действие системы слежения за продвижением груза в режиме реального времени. Разработан ряд других мер по привлечению грузов на ТСМ, включая улучшение качества услуг по отправке грузов, увеличение частоты отходов судов из портов, снижение ставки за перевозку контейнеров на морском участке Пусан — Восточный на 10% с 1-го июня 1999г., — материалы презентации Российских железных дорог в Японии, Токио, Посольство РФ в Японии, 18 декабря 2001 г.
 32. Материалы презентации Российских железных дорог в Японии, Токио, Посольство РФ в Японии, 18 декабря 2001 г.
 33. Концепция порта Зарубино ориентирована на переработку, в основном, транзитных генеральных грузов, следующих на экспорт из северо-восточных провинций Китая. Проектная мощность порта по переработке грузов (контейнерные, зерновые, рефрижераторные) составляет 3 млн тонн в год., необходимые инвестиции — 180 млн долл. Японским институтом экономики стран северо-восточной Азии "ERINA" разработано технико-экономическое обоснование развития порта Зарубино.
 34. В 1997г. в Японию доставлено 703 тыс. т и вывезено 37,5 тыс.т, в том числе в Россию всего 6 тыс.т (практически все суда из Японии возвращаются в балласте). По материалам презентации РЖД в Токио, 18.12.2001.
 35. Так, российское законодательство, в частности, Федеральный закон от 25.02.1999 № 39-ФЗ "Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений" и Федеральный закон от 09.07.1999 № 160-ФЗ "Об иностранных инвестициях в Российской Федерации", не предусматривает преференциальных мер в области инвестиционной деятельности в отношении отдельных государств.

К 60-летию Победы на Дальнем Востоке: о некоторых вопросах историографии

© 2005

К. Асмолов, И. Куртуков, Б. Юлин

Празднование шестидесятой годовщины Великой Победы советского народа над гитлеровской Германией повысило интерес к теме Второй мировой войны, важным этапом которой являлась и война на Дальнем Востоке. Участие Советского Союза в разгроме Квантунской армии, сыграло, с точки зрения официальной историографии СССР, решающую роль в разгроме милитаристской Японии и успешном завершении Второй мировой войны 2 сентября 1945 г.

Поскольку дальневосточный период Второй мировой проходил уже после Победы над Германией, он не всегда воспринимался как часть Великой Отечественной, оказался как бы в тени.

Шестидесятилетие победы стало своего рода информационным поводом для того, чтобы предоставить общественности новые (а на деле — забытые старые) трактовки, касающиеся как общей роли Советского Союза на данном этапе войны, так и некоторых конкретных аспектов боевых действий или стратегических планов Москвы.

В зарубежной прессе (как в европейской и американской, так и в южнокорейской) появилась серия статей, целью которых является умаление или замалчивание роли Советского Союза в войне против Японии.

Вот как описывает действия Советского Союза южнокорейский историк Ли Ги Бэк в своей книге "История Кореи. Новая трактовка" (М., 2000, с. 387): "9 августа накануне падения японской империи СССР объявил Японии войну. Советские войска перешли корейско-советскую границу и после капитуляции Японии оккупировали Пхеньян, Хамхын и ряд других крупных городов северной части Кореи". Как правильно подмечает руководитель Центра Кореи и Монголии Института востоковедения РАН Ю. В. Ванин, вольно или невольно автор создает впечатление, что СССР вступил в войну, когда участь Японии была уже решена, и овладел Северной Кореей, воспользовавшись плодами чужих усилий¹.

Основные положения авторов "новых трактовок" можно свести к следующему.

Асмолов Константин Валерианович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИДВ РАН.

Куртуков Игорь Александрович, кандидат исторических наук.

Юлин Борис Витальевич — независимый военный эксперт.

Решающим фактором, изменившим ход войны на Тихом океане, было применение Соединенными Штатами ядерного оружия против Японии.

Вступление Советской Армии в войну на Дальнем Востоке не сыграло какой-либо роли в капитуляции Японии. Она все равно бы пала под ударами США, однако участие в войне позволило Москве оказаться в числе победителей для того, чтобы урвать свой кусок при региональном переделе мира.

Из желания "подсутиться" и успеть к вышеуказанному разделу Советский Союз даже нарушил Пакт о ненападении, заключенный между Москвой и Токио. С юридической точки зрения это деяние не сильно отличается от вероломного объявления войны фашистской Германией Советскому Союзу.

Между тем, Пакт по сути спас сталинский режим от разгрома, так как дал ему возможность перебросить с Дальнего Востока дополнительный контингент войск, участие которого на Западе помогло переломить ход войны. Не было бы под Москвой сибирских и дальневосточных дивизий, не было бы и поражения немецких войск.

На "освобождаемых территориях" Китая и Кореи советские войска использовали тактику устрашения в виде массовых репрессий и жесткого обращения с местным населением. В Корее советские оккупационные власти способствовали расколу страны, установив на своих штыках тиранический режим Ким Ир Сена.

Эти новые подходы нашли, увы, отклик и в российской так называемой "либеральной" прессе", некоторые представители которой из желания отработать заокеанские гранты, предоставить "жареные" факты или лишний раз попинать "проклятое советское прошлое" начали активно продвигать их в массовое сознание российской аудитории с не меньшим, а то и с большим ажиотажем, чем их западные коллеги.

Желая дать бой подобным "ревизионистам от истории" и восстанавливая справедливость, мы постараемся сделать объективный анализ вышеуказанных тезисов, будучи свободными как от штампов пропаганды СССР, так и от тех новых клише, которыми в последнее время их пытаются заменить. Сделать это достаточно просто, ибо "новые трактовки" не основываются на новых фактах. Вопрос скорее упирается в интерпретацию существующего массива данных, который хорошо известен.

Стратегическое значение вступления СССР в войну на Дальнем Востоке. К вопросу о решающем вкладе

Рассматривая этот вопрос, советская историография отдавала дань уважения деятельности союзников, но при этом, пытаясь доказать равенство усилий СССР и США, приложенных к разгрому Японии, нередко представляла дело так, что решающим событием войны, переломившим ее ход, было "открытие второго фронта" на Дальнем Востоке.

Полемизируя с этой точкой зрения, историки новой волны закономерно напоминают о том, что основная тяжесть войны на Тихом океане легла на плечи американцев и их союзников, которые понесли гораздо большие потери, чем мы.

Западные историки очень любят оперировать статистикой потерь, указывая на то, что в боях в Корее Советская Армия потеряла убитыми и ранеными 1963 человека, в то время как только в боях за остров Окинава войска США потеряли только убитыми более 10 тысяч человек². Однако оценка вклада по числу человеческих потерь по меньшей мере является односторонней. На наш взгляд, определяющее значение приобретают достигнутые результаты.

Говоря о решающем вкладе, мы имеем в виду тот комплекс действий, который привел к полной потере противником воли к сопротивлению и его возможности продолжать борьбу.

Нет необходимости разъяснять, что к концу лета 1945 г. Япония уже была обречена на поражение. Начиная с лета 1944 г. ситуация приобрела черты всеобщего национального кризиса. Страна была отрезана от значительной части источников сырья и продовольствия. Гражданское население голодало. Экономика была не в состоянии нормально функционировать. Людские ресурсы, требуемые для восполнения потерь армии в живой силе и поддержания приемлемого ритма хозяйственной жизни, были на пределе.³

В общей стратегической ситуации, усугубленной нехваткой ресурсов, у страны не было возможности не только выиграть войну, но и добиться приемлемых условий мира. Среди приведших к этому причин можно назвать потерю большей части подготовленного состава военно-морских летчиков после сражения у атолла Мидуэй, нерешенные проблемы со снабжением (в первую очередь нефтью), фактическую неспособность защитить коммуникации Метрополии с континентом, подавляющее количественное и качественное военное превосходство вооруженных сил США на Тихоокеанском ТВД. Не меньшее негативное значение имели: неквалифицированная работа разведки, недостигнутые, несмотря на все успехи, цели первого удара, крупные недостатки в применении подводных сил, отставание в ряде военно-морских технологий, гибель адмирала И. Ямамото. После уничтожения японского флота в боях 1942-45 гг., выход американцев непосредственно к территории Японии (Окинава) в стратегическом смысле сделал ее положение безнадежным и ее крах стал вопросом ближайшего времени.

Однако время это могло длиться достаточно долго. Овладеть островом Окинава вооруженным силам США удалось лишь в марте 1945 года, а высадку на остров Кюсю американцы планировали только в ноябре 1945 г.⁴ Решающие операции против Японии в Пентагоне планировались на 1946—1947 годы, оценивая при этом (с учетом тотальной войны) свои потери в “количестве около миллиона человек”⁵.

Собственно, это долгое и кровавое сопротивление и было своего рода последним шансом японского императорского режима. Оставалась призрачная надежда на то, что неспособные воевать насмерть “белоносые варвары” ужаснутся необходимости отдавать тысячи жизней за каждый клочок японской земли и будут вынуждены пойти на заключение мира.

Отталкиваясь от данного выше определения решающего вклада, мы поставим вопрос по-другому и попробуем разобраться с тем, какое событие помогло завершить войну, окончательно подорвав как способность Японии к сопротивлению, так и желание ее руководства продолжать борьбу, — американские бомбардировки или советский “второй фронт”.

Попробуем проанализировать, к чему привел разгром Квантунской армии. Во-первых, прекратила сопротивление почти миллионная группировка японских войск, боеспособность которой можно завышать или занижать, но ее численность говорит сама за себя⁶. Кроме того с вступлением Советского Союза в войну были нарушены морские коммуникации между Японией, Кореей и Китаем. Наши войска отрезали от Японии экспедиционную армию в Китае и войска в районе Южных морей, так как связь с ними осуществлялась через Маньчжурию и Корею. Под командованием императорского генерального штаба фактически оставалась только группировка войск метрополии⁷.

Во-вторых, советские войска захватили территорию, которая играла решающую роль в тыловом обеспечении боевых действий. Континентальные владения Японии (в первую очередь Маньчжурия и Корея) были сырьевой, промышленной и ресурсной базой империи. Кроме того, на территории Маньчжурии располагались основные промышленные мощности по производству синтетического горючего, а учитывая природную энергозависимость Японии, потеря Северного Китая стала, возможно, наиболее сильным ударом с точки зрения разрушения ее экономической базы. Конечно, американские подводные

лодки способны были бы нарушить снабжение с материка, но нарушение морских коммуникаций безусловно менее эффективно, чем их полное прекращение в результате захвата.

В-третьих, в критической ситуации, связанной с военными действиями на территории Японии, Маньчжурия и Корея планировались как "запасные аэродромы" для эвакуации ставки. Не забудем о плане "Яшма вдребезги", разработанном на случай реальной угрозы захвата японских островов американцами и предполагающем эвакуацию на материк императорского дома и большей части дислоцированных на территории собственно Японии войск, при том, что сами острова должны были быть превращены в сплошную выжженную землю, вплоть до организации биологической атаки против высадившихся американцев. Потеря такой возможности также наносила очень важный стратегический урон и, более того, можно даже сказать, что вступление СССР в войну предотвратило широкомасштабное уничтожение гражданского японского населения, неизбежное при подобной тактике.

Таким образом, разгром Квантунской армии лишил Японию последних призрачных шансов на затягивание войны. Япония осталась без угля, без стали и практически без продовольствия. Кроме того, единый фронт союзников вынуждал отказаться от иллюзии о возможности игры на противоречиях США и СССР и попыток заключить сепаратный мир вместо безоговорочной капитуляции⁸.

Теперь рассмотрим под тем же углом применение атомного оружия. Как известно, ядерные бомбардировки пришлись на города, в которых не имелось крупных военных заводов и сколько-нибудь крупных формирований японской армии⁹. Ни военному, ни промышленному потенциалу Японии в результате этих ударов не был нанесен критический ущерб. Следовательно, решающего военно-стратегического значения они скорее всего не имели. Они имели психологическое и пропагандистское значение: когда у врага есть сверхоружие, с помощью которого один самолет способен стереть с лица земли целый город, дальнейшая борьба выглядит совершенно безнадежной. Этого фактора было достаточно для принуждения к капитуляции любой европейской страны, но не Японии, чья верхушка была готова к войне "до последнего вооруженного копьем японца в отрогах гор Хонсю". По мнению "непримиримых", в критической ситуации японская нация должна была с честью погибнуть, предпочтя героическую смерть позорному существованию.

Можно напомнить и то, что аналогичные по мощи и степени разрушений бомбардировки городов Германии (Кельна, где было разрушено до 90% зданий, Гамбурга, Франкфурта, Берлина и т.д.) не привели к сколько-нибудь существенному изменению немецких планов, и даже не слишком сильно сказались на обороноспособности Германии — при том, что потери Германии среди мирных жителей исчислялись сотнями тысяч жертв.

Еще можно сопоставить стоимость одной атомной бомбы и достигаемый ею эффект со стоимостью проведения классической операции коврового бомбометания. Учитывая штучное производство атомных бомб (к 1949 году их в наличии было всего несколько штук) и отработанностью "обычных" схем бомбардировки, атомная бомба проигрывала и по соотношению цена/качество, и с точки зрения временного фактора — новую атомную бомбу надо было сделать, в то время как обычные боеприпасы имелись в избытке.

С такой точки зрения ясно, что вступление Советского Союза в войну на Дальнем Востоке, лишившее японцев фактических средств продолжения борьбы, действительно сыграло куда более решающую роль, чем применение Соединенными Штатами ядерного оружия. Обратное утверждение базируется на эксплуатации более поздних комплексов общественного сознания, когда ядерных бомб стало много, и в массах прочно укоренился подсознательный страх перед атомным оружием.

Эта сравнительная оценка разделяется и самой японской стороной. В выступлении заместителя начальника Генерального штаба на заседании Высшего Совета от 6 июня 1945 года в открытую говорилось, что “необходимым условием ведения войны с США является поддержание мирных отношений с Советским Союзом”¹⁰.

Полковник — штабист Х. Такусиро в своей книге “Япония в войне. 1941-1945”¹¹ тоже прямо заявляет, что “вступление Советского Союза в войну, последовавшее после того, как на Хиросиму была сброшена атомная бомба, укрепило решимость императора и руководящей верхушки в правительстве и в армии немедленно принять условия Потсдамской декларации как единственный путь к окончанию войны.”

Поясним. Еще в июне здоровой части японского руководства¹² было понятно, что война проиграна и ее пора кончать. Вступление в войну СССР подстегнуло события. Высший Военный Совет заседает 8 часов, и император лично продавливая решение о капитуляции, невзирая на сопротивление части военных. Уже 10 августа японское правительство заявило о готовности принять условия Потсдамской декларации с единственной оговоркой, отстаивающей сохранение прерогатив императора. Однако аргумент “все кончено — пришли русские” не соответствует самурайскому духу, в то время как ссылка на вражеское “сверхоружие” и погибающее от него беззащитное гражданское население позволяла сохранить лицо и сдаться с формулировкой “мы бы еще поборолись, но против такого...”. В результате, хотя даже У.Черчилль в свое время сказал, что “было бы ошибкой предполагать, что судьба Японии была решена атомной бомбой”, официальная причина капитуляции несколько отличалась от реальной.

Вопрос о денонсации советско-японского пакта о нейтралитете 1941 г.

В российской либеральной прессе этот документ часто называют Пактом о ненападении, пытаясь таким образом поставить знак равенства между ним и пактом Молотова — Риббентропа, но это не так. Документ от 13 апреля 1941 года назывался пактом о нейтралитете. Главным элементом пакта была его вторая статья, текст которой гласил: “в случае, если одна из Договаривающихся Сторон окажется объектом военных действий со стороны одной или нескольких третьих держав, другая Договаривающаяся Сторона будет соблюдать нейтралитет в продолжении всего конфликта”. Необходимо отметить, что война на Тихом океане не совсем подпадала под эту формулировку, ибо Япония выступала не объектом, а скорее субъектом действия.

Действие договора, рассчитанного на пять лет, заканчивалось в апреле 1946 г. Стороны могли его денонсировать, уведомив о своем намерении за шесть месяцев до этого срока.

5 апреля 1945 г. СССР направил японскому правительству ноту, в которой извещал его о денонсации договора. Аргументируя свою позицию, советская сторона ссылаясь на нарушения Японией духа и отчасти буквы договора о нейтралитете, а также на изменившиеся международные обстоятельства. В ноте отмечалось, что Япония помогала Германии, когда та вела войну с Советским Союзом. В то же время Япония находилась в состоянии войны с США и Великобританией, являвшимися союзниками СССР. Кроме того, советская сторона указывала на случаи задержки и потопления японскими военными кораблями советских гражданских судов (доставлявших грузы для воевавшего с Японией Китая), инциденты на границе и т.п.

Эти обвинения были отнюдь не беспочвенными. По свидетельствам ряда очевидцев, в частности, К. С. Бадигина¹³, после начала войны на Тихом океане Япония всеми способами препятствовала советскому судоходству. Проходив-

шие Цусиму советские суда подвергались бомбардировкам с воздуха и торпедным атакам японских подводных лодок. Так, к примеру, в декабре 1941 г. японские самолеты подвергли бомбежке и потопили танкер "Майкоп"¹⁴. Известна история парохода "Уэлен", вступившего в бой с японской подводной лодкой у берегов Австралии¹⁵. Есть и факты обстрела японскими кораблями советской территории.

Претензии сторонников "новых трактовок", однако, связаны с тем, что, заявив об отказе от продления пакта о нейтралитете, советская сторона якобы одновременно уклонилась от разъяснения вопроса о том, будет ли она его соблюдать до апреля 1946 г., как это должно было следовать из текста договора, или же станет считать себя свободной от соответствующих обязательств немедленно¹⁶. Вступление СССР в войну против Японии до апреля 1946 г. кажется им явным нарушением условий этого соглашения.

Однако во главу угла этой дискуссии должно быть поставлено обсуждение юридических тонкостей вопроса, а не нравственных проблем, подпадающих под понятие "вероломство".

О "развязанных руках"

Не выдерживает критики и рассуждение о том, что только переброска с Дальнего Востока сибирских и дальневосточных дивизий помогла Сталину обеспечить необходимую концентрацию сил и средств и начать контрнаступление под Москвой.

Войска с Дальнего Востока не сыграли решающей роли в ходе войны на германском фронте. Всего за 1941 год с Дальнего Востока было переброшено на Запад 16 дивизий, а за 1942 — пять. Если учесть, что в составе действующей армии воевало около 300 дивизий, то о переломе в войне за счет дальневосточных дивизий говорить некорректно. Кроме сибирских и дальневосточных дивизий у Ставки к этому времени были и другие, достаточно крупные резервы, и без переброски войск Дальневосточного округа на запад наше наступление все равно состоялось бы. Возможно, оно происходило бы в более сложных условиях, но разгром немецких войск под Москвой был неизбежен.

К тому же начавшая войну с США Япония "развязала руки" Советскому Союзу только 7 декабря 1941 года, а наступление Советской армии под Москвой началось 5 декабря.

Что же до "сковывания сил", то неясно, кто кого отвлекал больше. Несмотря на отсутствие военных действий, японцы продолжали держать на границе с Советским Союзом значительные силы, которые, таким образом, не могли быть использованы против США на иных ТВД. Наличие на Дальнем Востоке советского Тихоокеанского флота также удерживало известную часть японских военно-морских сил от участия в боях с американскими военно-морскими силами.

О сроках вступления в войну

Участие Советского Союза в войне на Дальнем Востоке не было актом сталинского волюнтаризма. Мы вступили в эту войну по просьбе Великобритании и США, выполняя данные им союзнические обязательства.

Трезво оценивая боеспособность антияпонских сил в Китае и не желая бросать крупные контингенты американских войск на материк, Рузвельт стремился привлечь СССР к войне против Японии еще в 43-м году в Тегеране, где СССР дал свое принципиальное согласие вступить в войну против Японии по завершении разгрома Германии. Встреча руководителей трех держав в Ялте в феврале 1945 г., официально закрепила обязательство СССР начать войну против Японии не позднее, чем через три месяца после победы над Германией.

Заметим, что сам факт наличия таких просьб, подтвержденный как официальными документами, так и мемуарами целого ряда руководителей со-

юзных государств (в том числе Черчилля и Рузвельта-младшего¹⁷), также является важным доказательством того, что Вашингтон и Лондон не считали возможным справиться с Японией в короткие сроки без советской помощи. Инициатива "второго фронта" в Азии исходила ОТ НИХ, а не от Советского Союза, который будто бы лелеял гегемонистские планы и вторгся в Китай и Корею исключительно ради их воплощения в жизнь.

Пожалуй, единственными объектами геополитических интересов Москвы в этом регионе были Курильские острова и Южный Сахалин, владение которыми позволило бы обеспечивать свободу судоходства, минуя опасный Первый Курильский пролив, а также обеспечить безопасность приморских портов за счет превращения Охотского моря в советские территориальные воды.

Следует отметить, что в рамках тех же соглашений Советская армия и Военно-морской флот отказались от высадки на собственно Японские острова, хотя такая возможность была далеко не гипотетической. СССР ограничился захватом Южного Сахалина и островов Курильской гряды, укрепления которых, по некоторым данным, не сильно отличались от построенных на Окинаве или Иводзиме.

Теперь о сроках войны. Сталин сдержал свое обещание, объявив войну Японии 8 августа 1945 г. спустя три месяца после разгрома Гитлера. Вступление СССР в войну было оформлено таким образом, чтобы казалось, что этот шаг предпринят по просьбе союзников и в ответ на отказ Японии принять Потсдамский ультиматум. Наши непосредственные военные действия начались на следующий день, и это следует помнить тем, кто в угоду США выстраивает несколько неверную логическую цепь событий, утверждая, что "русское наступление началось в день, когда атомная бомба взорвалась над Нагасаки". Такая формулировка фразы превращает начало нами этой войны в своего рода ответ на действия Америки, но сторонникам такой логики имеет смысл напомнить, сколько времени должно уйти на подготовку и планирование военной операции такого масштаба.

Необходимо иметь в виду, что на осуществление широкомасштабной межтеатровой переброски такого количества войск и создание боеспособной группировки на Дальнем Востоке также требовалось довольно значительное время. Так что если говорить о совпадениях, то уж скорее помнящие об обещании Сталина американцы не случайно назначили для бомбардировки именно эту дату.

Еще об атомной бомбе и японском ответе на нее

Ядерная тема, безусловно, заслуживает отдельного подраздела. И здесь следует остановиться не столько на стратегических эффектах от ядерных бомбардировок, сколько о реакции на них японских властей и, главное, — на их готовности использовать так называемый "асимметричный ответ".

Известие о том, что Америка применила против Японии свое секретное оружие, вызвало внутри страны значительно меньше панических настроений, чем кажется сейчас, и весть о ядерной бомбардировке была встречена гораздо более спокойно, чем впоследствии новость о вступлении в войну Советского Союза. Такую точку зрения подтверждают следующие факты. Во-первых, правительственная комиссия прибыла на место взрыва не 6 августа, а только сутки спустя. Представители японского Генштаба были отправлены туда только 8 августа, причем целью комиссий были не столько политические выводы, сколько интерес к новому оружию в расчете получить о нем дополнительную информацию.

Во-вторых, несмотря на то, что противник вроде бы применил новое сверхоружие большой мощности, не было предпринято никаких попыток эвакуировать высшее руководство страны и императора. Все заседания Временного Военного

Совета по-прежнему проводились в столице. Более того, власти не проинформировали о факте удара население.

В-третьих, в случае продолжения военных действий непосредственно на Японских островах потери и разрушения от обычного оружия превосходили бы потери от атомных бомбардировок.

Тем более, что с точки зрения японского руководства на ядерную бомбу американцев у Японии был достаточно адекватный ответ. Речь идет о деятельности пресловутого "Отряда 731", в котором японские военные медики под руководством генерал-лейтенанта С. Исии занимались разработкой бактериологического оружия и достигли в этой области весьма значительных результатов. Не вдаваясь в подробности, которые достаточно хорошо освещены в соответствующей литературе, в том числе — и на русском языке, отметим, что к моменту вступления Советского Союза в войну "Отряд" не только располагал большим числом "ноу-хау", но и большим количеством готовых к употреблению биологических боеприпасов, полномасштабное применение которых на театре военных действий могло нанести противнику существенный ущерб.

По словам самого генерала Исии, "бактериологическое оружие наиболее выгодно для Японии, бедной запасами полезных ископаемых, необходимых для производства атомной бомбы. Это оружие не требует крупномасштабных экспериментов и высокосложного оборудования для разработки и производства. Все работы возможно замаскировать под медицинские исследования. Соответственно невелики и финансовые затраты"¹⁸.

В книге М. Сэйити "Кухня дьявола"¹⁹ содержится достаточно подробная информация о том, насколько реальной была угроза. На территории отряда имелось производство, где на культуре агар-агара вызревали микробы чумы, тифа, сапа, сибирской язвы, проказы, сифилиса. В месяц производилось бактериальной массы чумы до 300 кг; сибирской язвы — до 500-600 кг; брюшного тифа, паратифа, дизентерии — до 800-900 кг; холеры до 1 тонны²⁰.

Были разработаны специальные керамические бомбы, позволяющие доставлять на вражескую территорию не только бактерии, но и зараженных представителей фауны — крыс, клещей, блох и т. п., способных после "десанта" распространяться самостоятельно. Как говорил бывший служащий отряда, "если бы она при идеальных условиях была рассеяна по земному шару, этого хватило бы, чтобы уничтожить все человечество!"

Смертоносные средства "прошли проверку на деле". С 1940 года бактериологическое оружие применялось против китайских войск. Осуществлялось рассеивание чумных блох с самолетов методом так называемого бактериального дождя; заражались водоемы, пища, посевы методом диверсий²¹ Судебный процесс, проходивший в Хабаровске с 25 по 30 декабря 1949 г. над группой военнослужащих японской армии, установил, что бактериологическое оружие неоднократно применялось и в диверсионных вылазках против СССР²².

После окончания войны командующий Квантунской армией генерал Ямада признал, что "бактериологическое оружие было бы применено против США, Англии и других государств в том случае, если бы СССР не выступил против Японии. Вступление в войну против Японии Советского Союза и стремительное продвижение Советской армии вглубь Манчжурии лишило нас возможности применить бактериологическое оружие против СССР и других стран".

Подвергшись ядерному удару, японское командование начало готовиться к ответу, однако неожиданное для японцев вступление СССР в войну и стремительное продвижение советских войск к уезду Пинфань, где размещалась ставка "Отряда", разрушило их планы: большая часть лабораторий и документации была уничтожена, а большинство сотрудников покончили с собой. Таким образом, именно открытие СССР второго фронта против Японии стало причиной того, что американские атомные бомбы оказались единственным видом оружия массового поражения, примененным в ходе Второй мировой войны.

Опасность разработок "Отряда" в последнее время на Западе стараются приуменьшать, приводя в пример неудачные итоги бактериологических диверсий на советском Дальнем Востоке и ставя под вопрос возможность доставки данного оружия на территорию США. Однако на эти аргументы есть адекватные ответы.

Территории советского Дальнего Востока, которые стали объектом диверсии, были достаточно малонаселенными, что само по себе препятствовало быстрому распространению и высокой летальности эпидемии, затухавшей из-за низкой плотности населения и его ограниченной миграции. Кроме того, особенности авторитарного режима, позволяющие обеспечить высокую мобилизацию ресурсов и сил, дали местным властям возможность в кратчайшие сроки осуществить как принудительную вакцинацию населения, так и комплекс достаточно жестких мер по соблюдению карантина. Что же до применения бактериологического оружия в Китае, то подсчетом жертв предположительно организованной специалистами "Отряда" эпидемии чумы, похоже, никто особенно не занимался.

Касаясь вопроса о средствах доставки, вспомним подводные лодки серии И-400, которые можно назвать подводными авианосцами. Эти достаточно мощные боевые корабли могли пересечь Тихий океан неся на себе самолеты, в которых можно было доставить на территорию США и бомбы с биоматериалом, и керамические контейнеры с зараженными животными и насекомыми.

Оценить точный масштаб жертв и разрушений в случае успешного применения генералом Исии его разработок на американской территории тяжело, но учитывая эффект экспериментов в Китае, можно сделать вывод о том, что вспышка эпидемии в густонаселенных районах западного побережья США особенно — мегаполисах, могла нанести Америке весьма ощутимый ущерб, тем более что, технические проблемы, связанные с транспортировкой к американским берегам груженых "биоматериалом" подводных авианосцев были сравнимы по сложности с доставкой ядерного оружия США на японскую территорию.

Конечно, нельзя утверждать с уверенностью, хватило ли бы для успешной операции двух подводных лодок, но следует помнить, что даже в условиях производственного кризиса этому проекту уделялось особое внимание, и не вступил Советский Союз в войну, генерал-лейтенант Исии получил бы, возможно, в свое распоряжение большее количество средств доставки.

Проблема "зверств"

Вопрос о насилии, которое якобы чинили советские солдаты, давно муссируется западными историками. Набор слухов о том, как грабили и насиловали местное население в Корее, повторяет, например, Майкл Брин²³.

Не имея возможности проверить подлинность приводимых зарубежными авторами "свидетельств очевидцев", которые 30-40 лет спустя обнаружили у себя удивительную способность воссоздавать события прошлого²⁴, хочется обратить внимание на другое.

Во-первых, в пропагандистской литературе нередко встречается прием, когда, пользуясь ограниченностью объема печатного материала, 3-4 примера позиционируют как тенденцию. Во-вторых, данные "о зверствах русских" почему-то всплыли только сейчас, хотя в условиях холодной войны тех лет подобный пропагандистский козырь должен был быть весьма востребованным. В третьих, хочется обратить внимание на абсолютные цифры. Те, кто любит рассказывать "о сотнях случаев", упускают из виду то, что численность советской армии вторжения на Дальнем Востоке составляла около двух миллионов человек.

Определенный процент военнослужащих, склонных к асоциальному поведению, мародерству, есть в любой армии, хотя в армиях типа советской ста-

раниями замполитов и особистов, призванных следить в том числе и за моральным обликом военнослужащих, этот процент должен был быть ниже, чем в армиях других стран. Однако даже если мы возьмем не процент, а полпроцента, то от двух миллионов он составит целых 10 000 человек — цифра, которая способна звучать “душераздирающе” и заставить сторонников соответствующей точки зрения “задумываться о том, насколько стихийным был советский террор”.

Между тем, вопрос о стихийности или, наоборот, организованности подобных акций определяется достаточно просто: если мародерство и насилие не поощряют и не закрывают на него глаза, с ним борются — и это отражается в документах, массив которых прекрасно позволяет определить и масштаб явления, и позицию командования по отношению к нему.

Но вернемся к ситуации в Корее. Изначально руководители Красной армии собирались воевать с японцами, и корейские реалии представляли себе слабо. Что знало про Корею большинство советских людей того времени, — это то, что эта территория была японским генерал-губернаторством, а до того — вассалом Китая.

Однако накануне начала военных действий на полуострове в августе 1945 г. генералу Чистякову была направлена директива ЦК, которая содержала прямое указание не препятствовать образованию на занятых территориях демократических организаций и разъяснять местному населению, что Красная армия не преследует цели захвата корейской территории и введения на ней советских порядков. Личному составу было дано специальное указание вести себя корректно, не обижать население и не препятствовать исполнению им религиозных обрядов и церемоний²⁵.

Это достаточно важно само по себе и в связи с вопросом о том, насколько появление советских войск в Корее сопровождалось грабежами, насилием или иными эксцессами. Подобные факты все же имели место, но не могли носить массового характера. Такое поведение могло быть вызвано как тем, что к этому времени часть советских войск уже была “развращена” трофейной практикой в Германии, так и тем, что наши военнослужащие считали Корею не самостоятельным государством, которое Япония захватила, а частью территории Японии. Именно потому советская пропаганда специально заостряла внимание на данном факте с тем, чтобы советские воины чувствовали себя освободителями и не чинили произвола в отношении местного населения.

Асоциальное поведение советских войск на освобожденной территории опровергается в процессе работы с документами. В российских (советских) архивах есть и документы о судах над мародерами или насильниками, и из них понятно, что и охота за трофеями, и иные недостойные действия в отношении местного населения имели куда меньшие масштабы по сравнению с тем, что происходило в Германии на полгода раньше.

Возьмем для сравнения японскую армию или германские формирования (особенно, войска СС) на Восточном фронте. В обоих случаях, особенно — в японском, насилие и террор по отношению к местному населению вплоть до физического уничтожения жителей целого населенного пункта считались приемлемой тактикой и фактически поощрялись командованием. О случаях судов над насильниками и мародерами в этих армиях практически неизвестно.

О “северокорейских марионетках в обозе”

История вызванного “холодной войной” раскола Кореи и становления КНДР является большой самостоятельной темой, лишь частично пересекающейся с затронутой здесь. И потому следует рассмотреть лишь некоторые моменты.

Начнем с того, что в ходе военных действий на Корейском полуострове сложилась крайне интересная ситуация, когда большая часть корейской тер-

ритории, в том числе вся южная часть Кореи, освободилась “самостоятельно”, без помощи иностранных войск. Части 25-ой армии Первого Дальневосточного фронта под командованием генерал-полковника И. М. Чистякова, которые вели боевые действия на территории Корейского полуострова, начали их 11 августа, заняв несколько портов, причем Чхончжин был захвачен 14 августа 1945 г. Квантунская армия на территории Китая сопротивлялась несколько дольше, но оккупационный корпус в Корее прекратил сопротивление 15 августа 1945 г. В ходе непосредственных боевых действий не был занят даже Пхеньян.

Стремительность темпов наступления советских войск на Дальнем Востоке застала американцев врасплох, и в ночь с 10 на 11 августа было принято решение о разделе страны на оккупационные зоны. В результате Советский Союз честно занял свою половину полуострова, хотя по словам Ф. И. Шабшиной, советские войска ждали в Сеуле, и плакаты “Привет освободителям!” были уже готовы. Более того, в ряде точек советские войска даже пересекли 38 параллель, однако, вспомнили о договоренности и отступили обратно. Американские же войска появились в Корее только 14 сентября 1945 г., то есть через месяц после капитуляции Японии 15 августа 1945 г.

Так Корея была освобождена, однако ни одно из вооруженных формирований какого бы то ни было из корейских правительств или партизан тоже принимало в этом участия. Никто не сбрасывал власть японцев с применением военной силы. Когда была подписана капитуляция, они сами “вывесили белый флаг”. Поэтому, когда корейские историки пишут, что они освободились от японцев сами, то под этим “сами” надо понимать не столько “благодаря собственным действиям”, сколько “без чьей-либо помощи”.

Это тщательно затушевывается корейскими историками по обе стороны 38-й параллели. Историография Юга просто старается умолчать об этом, а на Севере представляют дело так, что советские войска лишь помогли многотысячной корейской армии, руководимой великим вождем, маршалом Ким Ир Сенем.

И хотя многотысячной армии партизан не было, человек по имени Ким Ир Сен действительно был командиром партизанского отряда²⁶, хорошо зарекомендовавшим себя в антияпонском сопротивлении и пользовавшимся большой поддержкой среди корейцев Маньчжурии²⁷. Именно он совершил нападение на полицейский участок в Почхонбо 6 апреля 1937 г. (эта акция была одной из немногих, совершенных партизанами на территории собственно Кореи) и оказался одним из последних активно действующих повстанцев, вынужденных перейти советскую границу в 1940г. Звание капитана Советской Армии он получил уже после того, как был интернирован. Эти факты подтверждены как корейскими, так и зарубежными историками, в то время как попытки южнокорейской и американской пропаганды времен “холодной войны” превратить Кима в советского корейца, не имевшего никаких заслуг в антияпонском движении, являются именно пропагандой.

По поводу планов СССР в отношении Кореи и особенностей строительства авторитарной системы там существует несколько точек зрения. Согласно традиционному подходу западных и южнокорейских историков, хорошо озвученному таким специалистом, как Со Дэ Сок, Советский Союз изначально хотел сделать Корею своим сателлитом и действовал по отработанной схеме. Этот корейский историк, сравнивая процесс установления контроля над Северной Кореей со строительством коммунистического лагеря в Восточной Европе, утверждает, что и там советские власти следовали привычному шаблону, когда вместе с советскими войсками в страну “в багажном вагоне” прибывал “прикормленный” лидер, которого затем ставили на престол. По его мнению, в Корее имело место “классическое” трехэтапное формирование коммунистами своей структуры власти: широкая коалиция, затем формирование просоветских структур и укрепление монолитного коммунистического режима.

Такой подход, однако, критикуется не только советской/российской историографией, но и левыми зарубежными историками, в первую очередь Б. Камингсом. Во-первых, войдя в Корею, Советский Союз не имел определенных планов по обязательному построению там режима советского образца. Согласно принятым постулатам, корейские события воспринимались не как социалистическая, а как народно-демократическая революция, которая предусматривала, что на основе единого фронта в стране устанавливается народно-демократическая власть, которая проводит определенный набор демократических реформ. И лишь затем осуществляется переход к социализму. Даже сам Ким Ир Сен, назначенный помощником военного коменданта Пхеньяна, сперва планировался на роль военного министра в правительстве националиста Чо Ман Сика. Форсированное создание коммунистического режима с ним во главе произошло только после провала плана опеки и на фоне начинающейся "холодной войны".

Во-вторых, естественный после освобождения левый уклон на Севере использовали, полагаясь более на уговоры, чем на репрессии. На местах всем заправляли Народные комитеты, что создавало иллюзию преемственности строя. Как и в Восточной Европе, большую роль в укреплении власти коммунистов сыграли реформы, которые прибавили правительству Ким Ир Сена легитимности.

В-третьих, нельзя согласиться ни с официальной историографией КНДР, описывающей массовое ликование по поводу долгожданного явления Полководца, ни с мнением Со Дэ Сока о том, что советские корейцы и партизаны рассматривались местным населением исключительно как "бандиты из Маньчжурии" и советские прислужники.

Б. Камингс цитирует внутренние инструкции северокорейской полиции, где уделяется достаточно много внимания не только борьбе с реакционными элементами, но и моральному облику защитника Закона, который должен быть примером для всех и не может использовать в своей практике избияния или пытки. Так как этот документ — закрытая инструкция, Камингс не считает его пропагандистским ходом и делает вывод о том, что руководство КНДР действительно пыталось изменить традицию²⁸.

Полезно сравнить это с ситуацией на Юге, который на то время оставил Север далеко позади по количеству репрессий и уровню террора. Здесь можно вспомнить и политические убийства таких знаковых для национально-освободительного движения фигур как Ё Ун Хён или Ким Гу, и беспредел полукриминальных "молодежных корпусов", и подавление левого движения. К середине 1947 г. в тюрьмах находились 22 тыс. политзаключенных — почти в два раза больше, чем в конце японского правления²⁹, а во время ликвидации восстания на о. Чечжудо было уничтожено более половины деревень и погиб каждый пятый житель острова³⁰.

Вообще, невзирая на то, что современная Северная Корея, безусловно, является жестким авторитарным режимом, эта ситуация не всегда была таковой, и, по мнению целого ряда корееведов, в том числе В. П. Ткаченко, вплоть до второй половины 1950-х гг. КНДР отличалась большим уровнем демократии и плюрализма, чем современный ей Советский Союз.

Заключение

Совокупность приведенных выше фактов и аргументов позволяет сделать однозначный вывод: вклад Советского Союза в то, что ситуация на Дальнем Востоке в августе-сентябре 1945 г. разворачивалась именно так, невозможно недооценить. Верный своему союзническому долгу, СССР в кратчайшие сроки вступил в войну на Дальнем Востоке, чем окончательно подорвал как способность японской империи к продолжению войны, так и ее возможность ответить на американский ядерный применением своих бактериологических

средств. Без советской помощи Япония вполне могла сложить оружие только в 1946-1947 гг. после неоднократного применения ядерного оружия.

При этом как действия Советского Союза, так и поведение советских военнослужащих не выходили за рамки международного права. Раздуваемые клеветниками факты совершенных ими преступлений немногочисленны и не могут быть квалифицированы как тенденция, поощряемая руководством. Наоборот, советские военные власти предпринимали все меры к тому, чтобы минимизировать конфликты с местным населением.

И хотя раскол Кореи на Север и Юг остается одним из наиболее явных шрамов "холодной войны", введение советских войск в Китай и в Корею не имело в качестве изначальной задачи "коммунизацию Азии". Более того, "новый порядок" в южной части Кореи внедрялся тогда со значительно большим числом репрессий.

Все это заставляет нас, сравнивая "старые и новые" точки зрения, отдавать предпочтение старым как (пусть и не полностью, но) глубже соответствующим исторической реальности. Хотя точка зрения классической советской историографии не совсем корректна, ее полное отрицание в рамках вышеописанной концепции совсем не корректно. Нашей стране есть чем гордиться, а нашему народу есть что помнить.

1. Ванин Ю. В. О книге Ли Ги Бэка "История Кореи. Новая трактовка" // Альманах "Российское корееведение", Выпуск четвертый, М., 2004, С. 311-322. Впрочем, позиция Ли Ги Бэка, одного из основоположников южнокорейской исторической науки, скорее отражает официальный взгляд Сеула, которому в последнее время стремятся следовать наши "прогрессивные авторы". Творчество же самого господина Ли Ги Бэка (1924-2004) лишено пропагандистских выпадов.
2. Этот аргумент встречается и у Ли Ги Бэка в его полемике с Ю. В. Ваниным на с. Альманаха "Российское корееведение" (Там же. С. 335), однако наши демократические историки, столь любящие рассуждать о "заваливании трупами", используют такой довод еще более рьяно.
3. http://www.obraforum.ru/lib/book1/chapter17_22.htm
4. Breen, Michael. The Koreans. Who They Are, What They Want, Where Their Future Lies. New York, 1998, 2004 С. 113.
5. <http://tigger.uic.edu/~rjensen/invoke.htm>
6. По мнению авторов, на тот момент боеспособность Квантунской армии была весьма ограничена. В основном эта армия состояла из новосформированных дивизий весьма ограниченного качества. К началу советского наступления она была усилена несколькими дивизиями из Китая, но они погоды не делали.
7. В конце войны Япония имела в своих вооруженных силах до 7,2 млн чел. Из этого количества 1,7 млн чел. приходилось на военно-морской флот и 5,5 млн чел. на сухопутные войска. Основная группировка (3,7 млн чел., в т.ч. 2,4 млн — армия и 1,3 млн флот) находилась собственно в Японии. Численность Квантунской армии составляла 840 тыс.чел., еще 320 тыс. (290 тыс. — армия и 30 тыс. — флот) насчитывала группировка японских войск (сил) в Корее. Экспедиционные силы в Китае, воевавшие с войсками Гоминдана, насчитывали 1,1 млн ч. (в т.ч. 64 тыс. во флоте)
8. Известно, что Япония предлагала СССР посредничество в заключении такого мира. Предложения о посредничестве 13 июля 1945 г. были вручены японским послом в Москве Сато заместителю министра иностранных дел СССР Лозовскому. Одновременно японская сторона просила СССР принять специальную миссию принца Коноэ, для обсуждения посредничества Москвы в деле заключения мира. Однако МИД СССР протянул время до 26 июля 1945 г., когда была принята Потсдамская декларация с изложением условий мира для Японии, после чего вопрос отпал сам собой. Однако условия декларации вызвали резкое неприятие японских "ястребов", что побудило премьера Судзуки 28.7.45 выступить с заявлением о ее неприятии.
9. Хиросима, например, была избрана как город, который можно было уничтожить одним расчетным атомным взрывом.

10. <http://www.vif2ne.ru/nvk/forum/0/archive/459/459835.htm>
11. Хаттори Такусиро "Япония в войне. 1941-1945." СПб.: ООО "Издательство Полигон", 2000.
12. По сведениям Х. Такусиро, намерение императора закончить войну вызрело 22 июня.
13. Бадигин К.С. На морских дорогах.— М.: Политиздат, 1980 в интернете, в частности, на <http://militera.lib.ru/memo/russian/badigin/03.html>
14. <http://www.konkurent.ru/print.php?id=3560>
15. Бадигин К.С. На морских дорогах.— М.: Политиздат, 1980 в интернете, в частности, на <http://militera.lib.ru/memo/russian/badigin/03.html>
16. http://www.obraforum.ru/lib/book1/chapter17_24.htm
17. Во время второй мировой Рузвельт-сын выполнял функции адъютанта отца.
18. <http://himvoiska.narod.ru/o731.html>
19. Найти этот материал можно, например, на <http://ahtari.kuban.ru/lib/koi/MEMUARY/1939-1945/MORIMURA/kuhnya.txt>
20. <http://himvoiska.narod.ru/o731.html>. По-видимому, большой вес объясняется тем, что учитывается и объем питательной среды.
21. http://nvo.ng.ru/printed/notes/2004-11-12/8_toyma.html
22. <http://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/118/045.htm>
23. Breen, Michael. Kim Jong-Il: North Korea's Dear Leader. Who He is, What He Wants, What to Do about Him. New York, 2004. С. 22
24. К тому же, данные о масштабах этого произвола в основном являют собой или не подкрепленные фактами утверждения, или показания свидетелей, в которых преобладают эмоции (корейский крестьянин, у которого Левинсон реквизировал единственную свинью, тоже, вероятно, имел весьма превратное впечатление о героях романа Фадеева "Разгром").
25. СССР и Корея. Серия "СССР и страны Востока". М., 1988. С. 133.
26. Breen M. Kim Jong-Il: North Korea's Dear Leader. Who He is, What He Wants, What to Do about Him. New York, 2004. С. 21.
27. Cumings, Bruce. Korea's place in the sun. A modern history. New York, 1998. С. 160.
28. Cumings, Bruce. Korea's place in the sun. A modern history. New York, 1998. С. 233.
29. Henderson, Gregory. Korea. The policy of the vortex. Cambridge, London, 1978. С. 143.
30. Cumings, Bruce. Korea's place in the sun. A modern history. New York, 1998. С. 219- 221.

К истории "деревенского маршрута" китайской революции: современные тенденции в западной историографии

© 2005

Л. Березный*

В конце минувшего столетия стало очевидным некоторое ослабление интереса западных ученых к истории китайской революции. Его можно объяснить разными причинами. Среди них и ставшие известными в 80-х годах подробности "культурной революции" (а затем и событий весны 1989 г. на площади Тяньаньмэнь), и "кризис парадигм" в исследовании новой истории Китая¹, и распространение культурологических исследований, оттеснивших изучение социальной истории, и наконец, может быть, самое главное — развертывание "эры Дэн Сяопина", изменившей вектор движения китайского общества, что, естественно, вызывает первоочередной интерес исследователей. И все же по крайней мере часть ученых не оставляет попыток основательнее изучить историю событий, в течение нескольких десятилетий потрясавших китайское общество. Этот интерес подкрепляется и таким стимулом, как существенное расширение источниковой базы вследствие увеличения числа китайских документальных публикаций и большей доступности архивных материалов². Да и сам крутой поворот КПК к радикальному преобразованию общества в известной мере стимулирует интерес к дальнейшему осмыслению ее исторического опыта.

Исследуемые в данном обзоре публикации можно отнести к жанру case studies, довольно распространенному в западной историографии: рассматриваются ситуации в различных регионах в разные отрезки времени. Такие ограничения открывают возможность более основательного изучения развития событий на протяжении всего "деревенского маршрута": от развертывания советского движения на юго-востоке Китая до заключительной стадии "сельской революции" в Маньчжурии в 1946—1949 гг. Симптоматично использование в названии одного из рассматриваемых здесь сборников ("Single Sparks. China's Rural Revolution", 1989)³ понятия "сельская революция", не так часто встречающееся в исторической литературе. Единообразной трактовки названного термина, видимо, нет. В отличие от редакторов этого сборника Хартфорда и Голдстайна, которые определяют хронологические рамки соответствующего периода 1927—1949 гг., Ф. Катаока в 1974 г. датировал "сельскую революцию" 1927—1936 гг., а последующий период, связываемый с единым антияпонским фронтом (1937—1945 гг.), именовал "городской революцией" (порознь, по мнению автора, ни та, ни другая не могли бы одолеть гоминьдановский режим). Редакторы и авторы "Single Sparks..." рассматривают "сельскую революцию" в

*Восточный факультет Санкт-Петербургского государственного университета с пригорбием извещает о том, что 11 июня 2005 г. скончался известный российский китаевед, доктор исторических наук, профессор Лев Абрамович Березный.

качестве единого политического процесса, развивавшегося в 1927—1949 гг. Впрочем, иногда этот термин применяется к относительно изолированным событиям⁴.

Угол зрения редакторов "Single Sparks..." обусловил их стремление представить в обширном "Введении" ряд общих концептуальных положений. Предложенные ими обобщения предваряются характеристикой эволюции взглядов американских ученых на "сельскую революцию" в Китае, начиная с 30-х годов XX в.⁵

Эта эволюция — особая тема. Отметим только, что Хартфорд и Голдстейн, показывая разнообразие подходов своих предшественников к исследованию "сельской революции", указывают и на свойственные их концепциям общие акценты. Во-первых, все исследователи, обращавшиеся на протяжении полувека к "сельской" проблематике, склонны полагать, что между целями революционного руководства и их потенциальных крестьянских союзников отсутствовала естественная гармония. Во-вторых, ученые, задаваясь вопросом об импульсах, превращавших крестьян в революционеров, интересовались также ролью факторов, благоприятствовавших и не благоприятствовавших таким импульсам. И, наконец, в-третьих, предлагается один и тот же реестр участников революционной ситуации — крестьянство и революционное руководство, с одной стороны, и противостоящие им государство, сельская элита и международные силы, с другой. Но, замечают Хартфорд и Голдстейн, до нынешнего поколения ученых взаимодействие этих сил редко анализировалось и никогда изучалось с равной тщательностью.

Все авторы также согласны в том, что очень трудно было интегрировать крестьянство в революцию и удерживать его в революционном движении. Это наблюдение стало, по мнению Хартфорда и Голдстейна, важным отличием от представлений, присущих прежним поколениям ученых. В отличие от предшествующих исследователей, представлявших конфликт между революцией и контрреволюцией в виде прямого столкновения, авторы "Single Sparks..." предлагают более тонкий, по оценке Хартфорда и Голдстейна, анализ, учитывающий, в частности, роль в этом конфликте социальных сил, первоначально далеких от него (ниже это будет показано на примере изменения позиций сельской элиты в отношении поддержки войск Гоминьдана в ходе их пятого карательного похода против "советских" районов в конце 1933 — 1934 гг.). Редакторы "Single Sparks..." полагают также, что революция "на местном уровне" — это сложный политический процесс, структурные факторы которого отнюдь не predeterminedены и который обусловлен смесью разных революционных предпосылок⁶.

Таков, в общем, историографический фон, в который вполне вписываются и более поздние публикации на соответствующие темы, в том числе работы С. Эверилла и Ст. Литтена⁷, стоящие в центре нашего внимания. Этим исследователей тоже можно отнести к тому "новому поколению" историков, которое, по мнению Хартфорда и Голдстейна, "обещает разрешить старые споры, сблизить прежние дихотомии и объединить ранее разъединенные принципы анализа"⁸.

Эверилл и Литтен привлекают новые источники, сосредотачивают анализ на отдельных эпизодах истории китайской революции и делают акцент в основном на тех же проблемах, что занимали авторов статей в "Single Sparks...". Публикации Эверилла и Литтена тематически и хронологически связаны, поэтому в первой части данного обзора рассматриваются главным образом проблемы, рассматриваемые в статье Эверилла о переходе к "деревенскому маршруту" революции и о событиях в Цзянси, во второй — представленный у Литтена анализ "мифологической" трактовки "Долгого похода"⁹ из

Цзянси на Северо-Запад. Обе части обзора дополняются материалами из других работ западных авторов.

С. Эверилл констатирует отсутствие в последние годы в науке интереса к проблеме переноса в 1927 г. центра тяжести революционной деятельности КПК из городов в сельские районы. По мнению автора, большинство историков характеризуют изменение курса КПК как внезапное, продиктованное острой необходимостью выжить; принято считать, что сам поворот был осуществлен сравнительно мягко благодаря главным образом способности Мао Цзэдуна быстро найти правильные решения в изменившихся условиях (стратегия строительства революционных баз, развертывание партизанской войны). Ситуация в компартии в тот период характеризуется в западной литературе в терминах “борьбы двух линий” — между центральным руководством КПК, ориентированным на город, и Мао, ориентированным на село, на динамичную партизанскую войну и строительство баз. Следовательно, перенос основной деятельности КПК из города в деревню рассматривается главным образом в контексте прихода Мао к власти¹⁰.

Эверилл предлагает иной угол зрения. Он описывает “поворот КПК к деревне” главным образом как фазу эволюционного развития сельского революционного движения в ходе относительно постепенного социокультурного процесса. Рост влияния КПК в сельских районах и перенос туда ее революционной борьбы тесно связан, по мнению автора, с воздействием важных изменений в идентичностях многообразных сельских элит. Несмотря на растущий академический интерес к китайской социальной и культурной истории, продолжает автор, мало внимания было уделено изменениям, происшедшим в статусе традиционных *шэньши* — образованных людей деревни — после отмены в 1905 г. имперской экзаменационной системы. Общеизвестно, замечает Эверилл, что в 1912—1949 гг. расслоение сословия *шэньши* продолжалось. Опираясь на эти констатации, Эверилл, упомянув о книге “The Urban Origins of Rural Revolution” (1978)¹¹, предлагает свою формулу: “the rural elite origins of peasant revolution”¹².

Эверилл детально исследовал ситуацию в районах провинций Хунань, Цзянси и Фуцзянь, составлявших территории революционной базы Хунань-Цзянси и Центральной революционной базы. Однако автор полагает, что со многими проблемами, анализируемыми в его статье применительно к названным территориям, революционное движение сталкивалось по всей стране¹³.

Он отмечает также, что предшествующее поколение историков, исследовавших ранние контакты КПК с крестьянством¹⁴, не проявляло внимания к исследованию механизма распространения ее идеологии и организации. Он приводит факты, свидетельствующие о том, что ко времени распада единого фронта в 1927 г. революционные идеологии и организации уже были представлены в сельских местностях. Отчасти это стало результатом осознанных усилий КПК, а отчасти — не запланированных процессов их распространения¹⁵. Эверилл пришел к выводу, что переход революции в сельский Китай не был единовременным скачком и осуществлялся при посредничестве социальной элиты. Этот процесс прошел две стадии, каждая из которых осуществлялась в особых социальных, культурных и географических условиях и требует от исследователей особых концептуальных и методологических акцентов. Первая стадия — распространение из больших городов в “полу-городской” мир уездных центров и рыночных центров — вызывает необходимость изучения политики в сфере культуры, в особенности активности представителей местных “образованных кругов”, ассоциирующихся со школами и научными обществами. Изучение второй стадии — распространение из уездных и рыночных центров непосредственно в сельскую периферию — требует сосредоточения на по-

литической антропологии, на элитах, действующих как влиятельные силы во взаимодействии с бандитами, тайными братствами, кланами, связанными родством, а также другими группами, объединенными общими интересами.

Характеризуя первую стадию, Эверилл отмечает, что после 1905 г. система образования была ключевым каналом начального распространения революционного движения из города в село. В середине 20-х годов КПК и, в меньшей степени, Гоминьдан стали посылать студентов — уроженцев сельских районов в родные им места с заданием вербовать во время каникул новых членов партии и формировать органы массового движения¹⁶. Автор связывает этот процесс в том числе с изменениями, происходившими в период поздней Цин (конец XIX — начало XX в.): значительный рост числа ассоциаций местной элиты, возникновение новых социальных институтов и появление новых методов формирования и распространения общественного мнения¹⁷. Элита стала более организованной и напористой и в своих отношениях с чиновниками, и в защите национального достоинства. Появление газет и журналов вело к более быстрому распространению информации и разного рода мнений относительно актуальных для общества проблем; "вестернизированные" школы, менее связанные с властями, способствовали расколу в среде старых шэньши и "появлению новых элит (курсив мой. — Л.Б.), интеллектуально и организационно более поддающихся вовлечению в политические движения"¹⁸. В 20-х годах многообразие новых школ составляло широкую сеть политических коммуникаций городского и сельского Китая¹⁹.

Автор ставит акцент на неоднородности сельской элиты и указывает на двойственность ситуации в "вестернизированных" в той или иной степени школах: они были не только важным каналом распространения новых идей и форм организации, но и центрами консервативного противодействия проникновению нового. Люди, связанные с сельскими образовательными проектами, были далеки от единодушной приверженности к либеральным или радикальным взглядам²⁰. Не удивительно, что школы превращались в главную местную арену споров относительно политики в сфере культуры. Студенты нередко оказывались вовлеченными в борьбу внутри элит, в которой разные школы часто становились средоточием различных клик. Студенты и сами бывали участниками крупных национальных событий, включая "движение 4 мая 1919 г."²¹.

Еще одной формой "начальной политической социализации" Эверилл считает быстрый рост числа молодежных ассоциаций, участники которых стремились интегрировать "городские" идеи, распространявшиеся школьными центрами и печатными изданиями, в мир сельской элиты. Наибольшую роль в распространении революционного движения из больших городов в уездные и рыночные центры сыграли, по мнению Эверилла, так называемые научные общества (*сюэцхуэй*, *сюэцшэ*)²². Однако их деятельность не поддается однозначной оценке. В сельских местностях влияние образованных консервативных элит оставалось почти непоколебленным, а борьба между различными группами обладателей влияния нередко проявлялась в насильственных формах, и научные общества использовались элитами разного толка. В этих условиях группировки радикальной молодежи в поисках новых единомышленников и сторонников использовали местные традиции и риторику элит.

Несмотря на такой институциональный камуфляж, научные общества, учрежденные сельскими партийными кадрами, служили подступом к созданию более радикальных организаций. Внутри обществ создавались партийные ячейки — переходные организации со структурами, внешне схожими с местными ассоциациями элиты, но вдохновлявшиеся целями политической партии нового стиля²³.

Сообщаемые Эвериллом конкретные примеры подобного рода процессов, происходивших в сельской периферии, в частности в Цзянси, датируются 1925 г. и даже началом 20-х годов, когда деятельность КПК, да и Гоминьдана, была сосредоточена еще главным образом в городах. Коль скоро принято считать, что состояние крестьянской экономики и общества оказывало воздействие на революцию, если не порождало ее, то, предполагает Эверилл, эта посылка верна и для элиты. Автор указывает, что ни социальные, ни политические идентичности молодых революционеров не совпадали полностью с их статусом члена партии. Большинство из них идентифицировались и в качестве младших членов местного истеблишмента, и это сказывалось на их подходах к развитию революционного движения в полусельской периферии. Проблемы определения элиты, ее дифференциации, карьеры влияли на социализацию и ожидания и тех представителей элиты, что становились членами партии, и тех, кто превращался в их главных оппонентов²⁴.

Эверилл отмечает обострение этого конфликта в ходе Северного похода гоминьдановской Национально-революционной армии, начавшегося летом 1926 г. После создания "плацдарма" (т.е., территории, контролировавшейся Национально-революционной армией), КПК сосредоточилась на задаче проникновения в мир крестьянства Центрального и Южного Китая. Это повлекло за собой дальнейшую поляризацию в сельской элите. Ее консервативная часть мобилизовала на борьбу с крестьянскими выступлениями социальные связи, экономические ресурсы и средства насилия. В свою очередь революционеры опирались на крестьянские союзы, создававшиеся под покровительством политорганов Гоминьдана, где были сильны позиции коммунистов. Однако, по мнению Эверилла, крестьянские союзы, создававшиеся наспех, сверху, оказались неадекватным инструментом распространения революционного движения²⁵. В результате в Цзянси, "да и в других местах", крестьянские союзы и левые партийные организации были в 1927 г. разгромлены местной милицией и бандами головорезов, действовавших от имени правых элементов в Гоминьдане и консервативной местной элите. Для самозащиты и в поисках новых возможностей продолжения борьбы эти молодые кадры вынуждены были за неимением альтернативы прибегать к помощи вооруженных формирований местных бандитов и тайных обществ²⁶.

Эти связи не раз описывались в научной литературе. Эверилл высказывает мнение, что члены КПК устанавливали контакты с вооруженными группами, более близкими к местному населению. Впрочем, автор отмечает, что не так уж редко "сельские магнаты и даже некоторые хорошо образованные интеллектуалы командовали собственными шайками"²⁷.

Известно, что проблемы контактов с бандитскими группировками специально обсуждались в руководстве КПК. VI съезд КПК летом 1928 г. принял специальную резолюцию "О бандитах", указывавшую на необходимость дифференцированного подхода к различным бандитским группировкам; допускалось использование "новых бандитов" (имелись в виду недавно разорившиеся крестьяне), но предлагалось после победы восстаний "уничтожать главарей"²⁸. Но на местах, видимо, первоначально придерживались иной точки зрения. Эверилл ссылается на документ, датированный сентябрем 1927 г., в котором руководство цзянсийского провинциального комитета КПК рекомендует относиться к лидерам бандитских групп, считающихся сторонниками КПК, как к равным партнерам, а не как к силам, которые надо "использовать"²⁹. Эверилл замечает, что, несмотря на предупреждение VI съезда КПК о том, что бандиты, вступившие в Красную Армию и участвующие в советских правительственных органах, представляют большую опасность и должны быть выдворены,

местные кадры, по-видимому, интерпретировали и применяли такую политику в зависимости от складывавшихся обстоятельств³⁰.

Под этим углом зрения Эверилл анализирует ситуацию, в которой оказывались местные кадры в связи с вспыхивавшими после распада единого фронта выступлениями крестьян, особенно их маргинальных слоев. Эти акции, нередко сопровождавшиеся бессмысленными жестокостями, описаны в научной литературе. Реакция местных кадров КПК на такие выступления была, по мнению Эверилла, противоречивой. Нередко они оценивались как "примитивные" и "преждевременные"³¹. В Цзянси и соседней Фуцзяни, отмечает автор, крестьяне в некоторых случаях, чтобы получить поддержку местных кадров, грозились в противном случае расправиться с ними. Эверилл полагает, что сомнения в жизнеспособности подобных выступлений были обоснованными, но в некоторых отношениях они были бесполезны для местных кадров, предоставляя ценную информацию о том, что особенно вызывает недовольство населения, а также возможность вербовать сторонников среди тех, кто был "отторгнут от производства", т.е. пауперов³².

Эверилл сообщает некоторые подробности коротких налетов на небольшие города, инициированных в конце 1927 г. и самими молодыми революционерами. В этих рейдах участвовали вооруженные люди из бандитских групп и тайных обществ, дезертиры из войск милитаристов, уцелевшие участники разгромленных крестьянских выступлений. Целью таких рейдов было не только добывание необходимых ресурсов и обеспечение собственной безопасности, но и подрыв существующей власти, захват территорий и мобилизация приверженцев среди населения. Однако, приходит к выводу автор, хотя местные кадры и пытались подчинить крестьянские выступления целям революционного движения, эти акции "сохраняли много сходств с традиционной жакерией"³³.

Крестьянские выступления и упомянутые налеты встречали отпор богатых и наиболее влиятельных семей, использовавших отряды милиции для репрессий против тех, кто поддерживал революционеров. Активизировалась борьба за контроль над сельским населением. После 1927 г. вместо прежних относительно вежливых дискуссий в школах и научных обществах о "честных *шзньши*" стал утверждаться крайне конфронтационный стиль *тугао* ("мироедов") и *эба* ("деспотов"), основанный на применении грубой силы³⁴.

И революционные кадры, и их консервативные оппоненты использовали бандитов и тайные общества. И те, и другие стремились создать территориальные опорные пункты. По мнению Эверилла, при анализе процесса зарождения революционных баз необходимо обязательно учитывать эту динамику борьбы между революционерами и местной элитой³⁵.

В 1928—1929 гг. таких баз было много, но постепенно, под давлением карательных правительственных сил, с одной стороны, и по мере укрепления партийного руководства и роста сил Красной Армии, а также благодаря усилиям самих местных кадров, с другой, часть разбросанных баз такого рода удалось консолидировать, объединить в связанные друг с другом территории, управляемые унифицированным политическим и военным аппаратом КПК (Хунань—Цзянси, Хэнань—Аньхой и др.). Это объединение, полагает Эверилл, было заметной вехой в растянувшемся процессе перехода революционного движения из города в деревню³⁶.

В западной литературе дискуссии о "советском периоде" концентрировались главным образом на борьбе Мао Цзэдуна с лидерами партии за власть. Мао рассматривается как деятель, твердо сопротивлявшийся навязанной партийным руководством порочной ориентации на город и попыткам заставить его подчиниться партийной иерархии³⁷.

Эверилл ставит своей задачей дополнить эту трактовку и представить более сложную картину противоречий, связанных с политическими амбициями Мао Цзэдуна, и рассмотреть его действия не в контексте борьбы с центральным руководством, а в локально-региональных условиях территориальных баз. По мнению Эверилла, внимание Мао отнюдь не было целиком поглощено борьбой с его соперниками в партийном руководстве. Он уделял большое внимание взаимоотношениям с местными партийными кадрами. Автор приходит к важному для его концепции выводу о том, что позиция Мао в отношении местных партийных кадров была в основных чертах аналогична линии центрального руководства КПК в отношении его самого. Подобно тому, как Мао сопротивлялся централизаторским устремлениям лидеров партии, местные кадры, которые вели тяжкую борьбу за создание революционной власти в родных для них регионах, стремились избежать поглощения региональной иерархией, возглавлявшейся в Цзянси Мао Цзэдуном. Иными словами, Мао, добываясь власти, соперничал и с центральным партийным руководством, и с местной элитой партийных кадров за контроль над местными базами³⁸.

Отметив постепенное повышение эффективности действий частей Красной армии, автор высказывает мнение, что рост ее сил укреплял позиции той части местных кадров, которая симпатизировала Мао Цзэдуноу³⁹. Характеризуя сложность ситуации со стороительством революционных баз, Эверилл обращает внимание на то, что представления местных кадров о целях создания таких складывались под сильным влиянием первоначальных моделей: базы рассматривались как убежища, места накопления ресурсов и способы "географической" демонстрации силы. Но по мере укрепления Красной армии стратегия расширения баз стала рассматриваться в КПК как воплощение в миниатюре государственной альтернативы гоминьдановской власти и ее политике. Однако эта модель не столько заменяла прежнюю модель баз, сколько накладывалась на нее. С расширением в начале 30-х годов территорий баз это порождало определенное напряжение и противоречия. Лидеры местных кадров часто проявляли нежелание отдавать власть другим, особенно когда последние были пришельцами. Подобным образом бывшие главы группировок бандитов и тайных обществ, достигшие в Красной армии сравнительно высоких военных рангов, не желали слишком отрываться от местной почвы, где их подразделения создавались⁴⁰.

Другим фактором, вызывавшим внутривнутрипартийные дискуссии, была проблема расположения и размеров территории баз. Эверилл обращает внимание на то, что противоречившее стратегическим замыслам КПК стремление местных кадров к базированию в труднодоступных местах означало их изоляцию от центров сосредоточения населения, коммуникаций и экономических ресурсов, а значит, и от возможностей привлечения новых сторонников и распространения партийных идей; к тому же базы, расположенные высоко в горах, были изолированы и друг от друга. С точки же зрения местных кадров, крупные соединения Красной армии, защищавшие и связывавшие базы друг с другом, являлись также магнитом, притягивавшим правительственные войска к местам дислокации революционных частей⁴¹.

Эверилл касается и некоторых других проблем, вызывавших "напряжение" в партии. Так, с одной стороны, существовала потребность в приспособляемости и мобильности, дабы противостоять превосходящим силам противника, а, с другой, было необходимо настолько обеспечивать безопасность населения, чтобы оно доверяло КПК. Именно такого рода проблемы, так же как упрямство и идеологическая косность составляли основу оппозиции многих лидеров центрального руководства "сельской" стратегии⁴².

Некоторое удивление вызывает отсутствие в этом перечне "напряжения и противоречий в строительстве баз" указания на то, что попытки фундаментально перераспределения земли и имущества, затрагивая коренные интересы большей части сельской элиты, также являлись источником "напряжения"⁴³.

В заключение статьи Эверилл повторяет суть своей концепции: переход революции из города в сельскую местность был не актом отчаяния, а процессом, длившимся несколько лет и прошедшим через несколько стадий; он был инициирован главным образом местными элитами, которые и находились в центре его развития; этот процесс был связан как со структурными и культурными особенностями новой системы образования и динамикой политики местной элиты, так и с новшествами, введенными лично Мао Цзэдуном или партией. Стратегия строительства баз, ассоциируемая с именем Мао, не возникла сразу как вполне созревший, осознанно артикулируемый "мастер-план", а формировалась с течением времени. Оппозиция идеям Мао исходила не только от представителей руководства КПК в Шанхае, но и от региональных и местных кадров. Их оппозиция была обусловлена не только заботой о собственных интересах, но и осознанием реальной цены, которую придется платить за тактику Мао. Практика партии не столько колебалась между "линиями" Мао и его оппонентов, сколько была результатом диалектического взаимодействия⁴⁴.

Судя по заключительной фразе статьи, главную причину поражения советского движения Эверилл усматривает во внутренних слабостях КПК. Иной точки зрения придерживается У. Вэй, тоже представитель "нового поколения" историков-китаистов. Он исследовал политику и действия нанкинского правительства, направленные на уничтожение советского движения⁴⁵. Как и его коллеги, Вэй вводит в научный оборот новые материалы (в том числе публикации, современные описываемым событиям и ранее не использовавшиеся западными исследователями). Общим для Вэя и других ученых "нового поколения" является акцент на роли сельской элиты в этих событиях. Их автор рассматривает в связи с эволюцией Гоминьдана, его превращением из партии, провозгласившей в 20-х годах революционные цели, в военно-бюрократическую систему.

Сам по себе этот тезис не нов, хотя разделяется он не всеми западными исследователями, занимающимися "нанкинским десятилетием", как называют период правления гоминьдановского Национального правительства (1927—1937 гг.) до начала войны с Японией. Со времени выхода в свет монографии Л. Истмэна, жестко определившего суть этой эволюции термином "прерванная революция"⁴⁶, в западной историографии не прекращаются дискуссии сторонников и противников такого определения⁴⁷. Вэй внес в дебаты новую ноту, употребив уже в названии своей монографии термин "контрреволюция". По мнению автора, западные ученые, полагающие, что поражение советов в 30-х годах было обусловлено борьбой внутри КПК, недооценивают роль "контрреволюционных сил, возглавляемых националистической партией" (Гоминьданом)⁴⁸. Вэй напрямую связывает свою оценку с отречением Гоминьдана от своего "революционного происхождения", а также с "безрассудной, без борьбы, сдачей коммунистам потенциальной поддержки крестьянства" — ошибкой, стоившей Гоминьдану в конечном счете потери контроля над Китаем⁴⁹.

Вэй стремится выявить важнейшие факторы, обусловившие провал первых четырех карательных походов Нанкина против Красной армии и победу в пятом походе, вынудившую основные силы коммунистов с боями уходить из Цзянси. Вэй не согласен с распространенным в западной историографии объяснением первоначального провала четырех походов превосходством стратегии и тактики Красной армии. По его мнению, главным фактором являлся внутренний разброд в правительственных силах. Это были, замечает автор,

“проросшие семена, произвольно посеянные” во время Северного похода 1926—1928 гг., когда Гоминьдан стал включать в НРА милитаристские группировки “сомнительной лояльности”⁵⁰. Войска, направленные против коммунистов, представляли собой коалицию милитаристов, имевших собственные амбиции, а не армию с общей целью. Именно это и обусловило провал первых двух кампаний. В третьем походе Чан Кайши (рассматривавший борьбу с коммунистами лишь как военную проблему) включил в экспедиционные силы формирования, преданные лично ему. Но и это не привело к преодолению разброда среди милитаристских группировок.

Поражение в третьей кампании послужило, по мнению Вэй, водоразделом в подходе Нанкина к проблеме борьбы с коммунистами. Было признано необходимым усиливать правительственное влияние в сельской местности; намечалось проведение ряда политических (по формуле: “три военных, семь — политических”) и социально-экономических мероприятий⁵¹. Но стержнем этой программы должно было стать ужесточение контроля над сельским населением путем укрепления правительственного административного аппарата и активного сотрудничества с сельской элитой.

Вэй отмечает “недалековидность” намеченных правительством реформ. Вместо мер, способных улучшить положение крестьянства, усилить свойственный крестьянам консерватизм и тем самым предотвратить поддержку ими коммунистов, реформы фактически имели целью привлечь на сторону властей сельскую элиту⁵².

Проблема сельской элиты настолько важна для концепции Вэй, что четыре года спустя после выхода в свет монографии он опубликовал упоминавшуюся выше специальную статью с целью показать главную роль сельской элиты и правительственных сил в подавлении коммунистического движения⁵³. Известно, что ее консервативная часть располагала разнообразными средствами воздействия на ситуацию и даже на “образованные круги”, наконец, широко известен факт криминализации некоторых групп элиты. Лидеры Гоминьдана стремились использовать влияние элиты для того, чтобы добиться поддержки крестьянством военных действий против Красной армии.

Автор различает в гоминьдановской стратегии использования сил безопасности в военных целях две стадии. На первой (1930 — начало 1933 г., т.е. время третьего и четвертого карательных походов) Нанкин пытался так сконструировать сельские силы безопасности, чтобы они были в состоянии препятствовать “коммунистической экспансии”, не поддаваясь при этом влиянию сельской элиты. Элита же в свою очередь стремилась укрепить свой контроль над милицией и другими местными формированиями, дорожа собственной автономией. Ситуация изменилась на второй стадии (с 1933 г.), когда Нанкин сменил дискредитировавшую себя стратегию военного “окружения и уничтожения” советских районов их экономической и коммуникационной блокадой путем сооружения множества блокгаузов. Это совпало с изменением позиции сельской элиты, на этот раз поддержавшей Гоминьдан⁵⁴.

Обычно в литературе подчеркивается огромное военное превосходство гоминьдановских вооруженных сил в пятом походе (поддержка сельских верхов, конечно, упоминается). Но Вэй придает едва ли не решающее значение именно последней. Автор дает ответ на два вопроса, недостаточно разработанные в научной литературе: почему Гоминьдан, несмотря на масштабы своего военного превосходства, столь остро нуждался в помощи сельской элиты? И почему элита, еще недавно отвергавшая сотрудничество с Нанкином, затем круто изменила свою позицию?

Вэй обращает внимание на то, что реализация стратегии блокады требовала затраты громадных материальных и людских ресурсов для строитель-

ства и охраны тысяч блокгаузов и всей системы коммуникаций. Без поддержки сельской элиты с ее традиционным авторитетом и силовым влиянием подобная мобилизация населения была бы невозможной. Чтобы заручиться столь необходимой поддержкой, Нанкин вынужден был отказаться от попыток подчинить элиту и пошел на существенные уступки ей. Этому послужило провозглашение Нанкином в апреле 1933 г. политики *саньбао*⁵⁵. Целям Нанкина невольно способствовала сама КПК. Примерно в то же время, напоминая Вэй, КПК после успешного отражения четвертого похода выступила с призывом активизировать революционные преобразования. Летом того же года было развернуто движение за "обследование состояния земельных отношений" для контроля и развития аграрной реформы⁵⁶. Кампания была также рассчитана на подавление контрреволюционеров: жестокость репрессий в отношении помещиков и богатых крестьян вызвала шок на территории всей провинции Цзянси⁵⁷. Сильнейшее давление Гоминьдана сверху и КПК снизу не оставляли, замечает Вэй, элите выбора. Она стала сознавать, что интересы самосохранения диктуют необходимость достижения *modus vivendi* с правительством "по крайней мере пока продолжается коммунистическое присутствие"⁵⁸. Таким образом, заключает Вэй, репрессивная политика Гоминьдана и помощь в ее осуществлении, которую оказывала сельская элита, главным образом и привели к падению Центрального советского района⁵⁹.

Симпатии Вэя не обращены ни к КПК, ни к Гоминьдану. Вэю близки по крайней мере некоторые принципы суньятсенизма, но целью его исследования был показ того, как "контрреволюционные" политика, программы и практика Гоминьдана в провинции Цзянси в течение 30-х годов XX в. способствовали разрастанию "темных сторон" партии и подготовили почву поражения в 1949 г.⁶⁰

Вэй особо подчеркивает "недалековидность" подхода Нанкина к реформам в сельской местности. Власти опасались того, что реформы подорвут положение элиты как силы закона и порядка, вызовут ее враждебность к правительству. Это была, полагает Вэй, ошибочная оценка ситуации; на самом деле элита являлась главной причиной нестабильности в сельской местности, а не фактором стабилизации, и была уже в оппозиции правительству, а не индифферентной по отношению к нему.

Этой политике Нанкина Вэй противопоставляет эволюцию ситуации в КПК после поражения советского движения. Повторяя в сущности все еще бытующую в западной литературе концепцию, связывающую преодоление КПК последствий поражения 1934 г. и ее продвижение к будущей победе исключительно с идеологическим руководством Мао Цзэдуна, автор особенно выделяет изменение стратегии по отношению к сельской элите: социальная революция и радикальная социально-экономическая политика, толкавшая местную элиту в жесткую оппозицию, были временно отложены до укрепления сил партии. В яньаньский период (1935—1945 гг.) КПК постепенно склонилась к политике классового компромисса, чтобы "*минимизировать противодействие сельской элиты*" (курсив мой. — Л.Б.) и даже допускала ее к управлению контролируемой территорией⁶¹.

Предложенный в рассмотренных выше исследованиях критерий противопоставления политических линий Гоминьдана и КПК (Чан Кайши — Мао Цзэдун) — *политика в отношении сельской элиты* — возвращает нас к вопросу: что же такое сельская элита во времена китайской революции? Эта тема требует специального анализа. Можно, по-видимому, прийти к выводу, что в современной историографии соседствуют две точки зрения. Вэй и его коллеги по сборнику "Single Sparks..." склонны придерживаться традиционного (более или менее) подхода, когда элита рассматривается как составная часть "объекта" революции. Эверилл ставит акцент на *социальной неоднородности сель-*

ской элиты и ее политических позиций, превращавшей некоторые ее круги (по крайней мере на время) в “субъекта” революционного движения. Именно эта неоднородность была, видимо, одной из главных причин различий в политических позициях местной элиты и ее особой чувствительности к колебаниям политической ситуации. Отсюда и различия акцентов у Эверилла (“the rural elite origins of peasant revolution”) и Вэя (“the elite were a major cause of rural instability”). Категоричность, свойственная обоим подходам, лишь подчеркивает важность дальнейших исследований данной тематики.

К сказанному выше следует добавить, что именно ввиду социальной неоднородности сельской элиты “минимизация” ее антагонизма по отношению к КПК была не только важным для коммунистов тактическим приемом, но и зародышем (в то время теоретически не вполне осозанным) стратегии⁶², которая принесла свои плоды через несколько десятилетий, в “эру Дэн Сяопина”.

(Окончание следует)

1. См.: Березный Л.А. Американская историография новой истории Китая: кризис парадигм? Заметки о дискуссиях синологов США // Проблемы Дальнего Востока. 2001, № 3.
2. См., напр. Saich T. (ed.). The Rise to Power of the Chinese Communist Party. Documents and Analysis. N.Y., 1995. См. также аналитический обзор первых пяти томов десятитомного издания соч. Мао Цзэдуна (в переводе с японского): Womack B. Mao before Maoism // The China Journal. July, 2001. Обзор содержит цитаты из произведений Мао, написанных в период 1919 — июль 1937 г.
3. Harford K., Goldstein S. (eds.). Single Sparks. China's Rural Revolution. N.Y. — L., 1989.
4. См.: Kataoka F. Resistance and Revolution in China. The Communist and the Second Front. Berkley, 1974; Marks R. Rural Revolution in South China. Peasants and the Making of History. Madison, 1984.
5. “Single Sparks...”. P. 4-20.
6. Ibid. P. 27-33.
7. Averill S. The Transition from Urban to Rural in Chinese Revolution // The China Journal. 2002, № 48; Litten F. The Myth of the “Turning Point”. Toward a New Understanding of the Long March // Bochumer Jahrbuch Ost Asien Forschung. München, 2001. Band 25.
8. Single Sparks... P. 3, 24—27.
9. Long march, калька с китайского Чан чжэн; на русский обычно переводится как “Великий поход”.
10. Averill S. Op. cit. P. 88. Подобную оценку можно найти, в частности, и в недавней публикации Б. Уомэка, см.: Womack B. Mao before Maoism // The China Journal. 2001. P.105.
11. McDonald A. The Urban Origins of Rural Revolution: Elites and Masses in Hunan Province, China, 1911—1927. Berkeley, 1978.
12. Averill S. Op. cit. P. 88.
13. Ibid. P. 88—89.
14. Selden M. China in Revolution. The Yunnan Way Revisited. N.Y., 1995 (2nd ed.); Thaxton R. China Turned Rightside. New Haven, 1983; Marks R. Rural Revolution in South China. Madison, 1984; Snell K. Peasant Society and Marxist Intellectual in China. Princeton, 1989; Gabiatti F. P'eng Pai and the Hai-Lu-feng Soviet. Stanford, 1985; Single Sparks...
15. Averill S. Op. cit. P. 89. См. также: Sich T. Op. cit. P. 291 (курсив мой. — Л.Б.). Противоречивый документ — еще одно свидетельство необоснованности утверждений, будто поворот к “деревенскому маршруту” — акт “отчаяния”, средство “выживания” КПК. См. также: Григорьев А.М. Указ. соч. С. 16.
16. Averill S. Op. cit. P. 89.

- просвещение народа и чиновников. — Duara P. *Rescuing History from the Nation. Questioning Narrative of Modern China*. Chicago — L., 1995. P. 153—156.
18. Averill St. Op. cit. P. 90.
 19. Ibidem.
 20. Ibid. P. 91—92.
 21. Ibid. P. 92—93. Автор именует это движение "инцидентом".
 22. Ibidem.
 23. Ibid. P. 94—95.
 24. Ibid. P. 98.
 25. Ibidem.
 26. Ibid. P. 98—99. Некоторые аспекты политики КПК в отношении "местных сил" в 20—30-е годы рассмотрены в статье: Волчкова Е.В. КПК и военно-мистические союзы в 1920 — 40 гг. // Революция и реформы в Китае новейшего времени: поиск парадигмы развития. М., 2004.
 27. Averill St. Op. cit. P. 99—100.
 28. Григорьев А.М. Указ. соч. С. 100, 267 (сноска 22).
 29. Averill St. Op. cit. P. 100.
 30. Ibid. P. 101 (n 23).
 31. Эверилл цитирует документ цзянсийского провинциального комитета, датированный ноябрем 1927 г., в котором выражалось сожаление по поводу того, что местные кадры во многих случаях активно "сдерживали или препятствовали" выступлениям и тем самым оказались "позади рабоче-крестьянских масс". — Ibid. P. 101.
 32. Ibid. P. 102.
 33. Ibid. P. 102—103.
 34. П. Дуара, используя более распространенный оборот "*тухао* и *лешэнь*", отмечает связь этих "местных тиранов" с правительственной администрацией, которой, однако, не удавалось контролировать их. — Duara P. Op. cit. P. 168. А.Н. Карнеев, по-иному толкуя эти термины (*тухао* — "местные авторитеты", *лешэнь* — "морально деградировавшие *шэньши*"), тоже связывает их роль с "распределением власти на низовом уровне". — Карнеев А.Н. Антианалоговые выступления крестьян на севере пров. Аньхой в начале 30-х гг. // Революция и реформы в Китае новейшего времени. С. 103.
 35. В том числе переходы сторонников одной группировки в другую. И консервативная элита, и бросившие им вызов революционеры пытались использовать даже случайные события, чтобы ускорить изменения в общественном восприятии. Эверилл определяет подобные перебежки термином "brandwagon". — Averill St. Op. cit. P. 105.
 36. Ibid. P. 107—108.
 37. Ibid. P. 108. Эверилл ссылается на известные монографии: Rue Jh. *Mao Tse-tong in Opposition, 1927—1935*. Stanford, 1966; Schwartz B. *Chinese Communism and the Rise of Mao*. Cambridge (Mass.), 1964.
 38. Averill St. Op. cit. P. 109.
 39. Ibidem.
 40. Эверилл иллюстрирует это явление на примере базы в Цзинганшани, ситуация в которой связывается, как известно, с пребыванием там Мао Цзэдуна. Менее известно, что положение осложнялось этническим конфликтом между экс-бандитами Юань Воньцаем и Ван Цзо (хакка), с одной стороны, и более образованными нехакка; в 1930 г. Юань и Ван были казнены. — Averill St. Op. cit. P. 112—113.
 41. Ibid. P. 113—114.
 42. Ibid. P. 120.
 43. См. документы КПК: Saich T. (ed.). Op. cit. Сайч четко формулирует суть проблемы, возникшей перед КПК: необходимость выработать политику, соответствующую местным условиям, не поступаясь при этом общими принципами, и одновременно не толкая потенциально враждебные группы в прямую оппозицию. — Introduction. P.III.
 44. Averill St. Op. cit. P. 120—121.
 45. См.: Wei W. *Counterrevolution in China. The Nationalists in Jiangxi during the Soviet Period*. Ann Arbor, 1985; Idem. *Law and Order. The Role of Guomindan Security Forces in the Suppression of the Communist Bases during the Soviet Period* // *Single Sparks...* И монография, и статья снабжены таблицами и схематическими картами.

46. Eastmen L.E. *The Abortive Revolution. China under Nationalist Rule, 1927—1937.* Cambridge (Mass.), 1974.
47. Edmonds R.L. *The State of Studies on Republican China* // *China Quarterly*. 1997, № 150.
48. Wei W. *Law and Order...* P. 34; Wei W. *Counterrevolution in China*. P. 154—155.
49. Wei W. *Counterrevolution in China*. P. 155.
50. *Ibid.* P. 2.
51. *Ibid.* P. 159. А.А. Писарев пришел к выводу, что аграрная программа Гоминьдана оставалась на бумаге и после вытеснения Красной армии из Цзянси. — Писарев А.А. Гоминьдан и аграрно-крестьянский вопрос в Китае в 20—30-е годы. М., 1986. С. 152—153.
52. Wei W. *Counterrevolution in China*. P. 159. Автор ограничивается этим кратким тезисом. А.А. Писарев подробно аргументирует подобный вывод в специальной статье: Писарев А.А. Аграрная политика Гоминьдана в 1920—1930-е гг. Существовала ли иная альтернатива? // *Революция и реформы в Китае новейшего времени: поиск парадигмы развития*.
53. Wei W. *Law and Order...* Но Вэй игнорирует различные ориентации сельской элиты.
54. *Ibid.* P. 61.
55. *Ibid.* P. 48—54. Предусматривалось использование и развитие системы круговой поруки (*баоцзя*), возрождение активности местных охранных отрядов (*баовэй*), контролируемых элитой, и привлечение ее к строительству и охране блокгаузов (*баолэй*).
56. Б. Уомэк цитирует мало известную, кажется, у нас публичную речь Мао в качестве главы Советского правительства, последнюю перед его отставкой. В ней "*центральной задачей настоящего времени*" (*at present* — курсив мой. — Л.Б.) называлась мобилизация широких масс на революционную войну за свержение империализма и Гоминьдана, распространение революции и реформы на всю страну и изгнание империализма из Китая. — Womack B. *Op. cit.* P. 111.
57. Wei W. *Law and Order...* P. 48—49.
58. *Ibid.* P. 50. Националисты и элита, замечает Вэй, никогда не были родственными душами: элита использовала правительственную программу как возможность самообогащения за счет народа и укрепления своего влияния, усиления контроля над милицией и, следовательно, над местной территорией. — *Ibid.* P. 61.
59. *Ibidem.*
60. Wei W. *Counterrevolution in China*. P. 154—161.
61. *Ibid.* P. 161.
62. Имеется в виду теория "новой демократии".

Культура

Роль Чжан Имоу в развитии китайского кино

© 2005

С. Торопцев

Мы говорим "китайское кино" — подразумеваем "Чжан Имоу"...

Мы говорим "Чжан Имоу" — подразумеваем Чжан Имоу.

Ведь произнося "Бергман", мы имеем в виду Бергмана, а не шведское кино в целом. Произнося "Антониони", мы думаем не об итальянском кино, а именно об Антониони.

Вот в этот сонм кинобожителей и вошел Чжан Имоу. Он шире, мощнее того национального образования, которое мир именует китайским кино. Он — будущее китайского кино, каким тому возможно бы стать, но каким оно никогда не будет, потому что для этого оно должно все состоять из кинематографистов, равновеликих Чжан Имоу. А это уже субстанция идеальная, но не реальная.

Ошибка исследователей и критиков, пишущих о Чжан Имоу (как китайских, так и зарубежных), состоит прежде всего в том, что для оценок его творчества они пользуются не тем инструментарием, каким следовало бы. Они исходят из локальных нормативов, либо замыкая Чжан Имоу в рамки собственно китайского кино, которые ему тесны, либо подгоняя под мерки общемировых тенденций, игнорируя глубины национальной китайской культуры, на которой базируется феномен "кино Чжан Имоу".

А Чжан Имоу создал свое собственное творческое пространство, включающее в себя несомненные национальные корни вкупе с общемировыми художественными тенденциями, сплавленными в особенное, отличное от всего прочего "кино Чжан Имоу". И в его недрах надо искать адекватный инструментарий для понимания и точной интерпретации плывущего над нами облака с инвентарной биркой "кино Чжан Имоу" и строгим предупреждением "грязными руками не касаться!".

Более того, масштаб Чжан Имоу выходит за пределы даже и кинематографии. Сегодня это уже фигура общекультурного масштаба. Чжан Имоу, с первых своих работ ставший, по выражению профессора Пекинского педагогического университета Ван Ичуаня, "культурным мифом"¹, со временем развился в некое общекультурное явление, воздействующее на движение не одной только кинематографии, а всей современной китайской культуры. Его следует рассматривать как художественную и даже социополитическую квинтэссенцию эпохи стремительного развития Китая.

Лишь глубинно осознав это, можно приблизиться к познанию творчества этого деятеля культуры, которого я с огромной долей пиетета назову если еще и не великим, то крупным, значительным мастером. Те из молодых кол-

Торопцев Сергей Аркадьевич, доктор исторических наук, Заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник ИДВ РАН.

лег, кто подпал под обаяние его могучей творческой личности, именуют его "Небесным Наставником Чжаном".

Вот уже на протяжении более чем двух десятилетий Чжан Имоу остается локомотивом эпохальных преобразований китайского кино. Это кинематографист столь яркого, взрывного индивидуального почерка, что редко какая из его работ, насыщенных пульсирующей космической энергетикой, встречает единодушную оценку.

Кто-то зло поносит его за "витринность" — якобы "пренебрежение" отечественным зрителем и даже интересами родной страны, кто-то почтительно оценивает как "один из важнейших источников формирования культурного образа Китая..., как символ Китая", сумевший "свершить два чуда: открыть мировой рынок для китайского кино и сформировать для интернациональных тенденций мирового кинорынка возможность повернуться в сторону китайского рынка"².

Если внимательно прислушаться к звучанию произведений Чжан Имоу, то генеральным мотивом их мы услышим — свобода, свобода, свобода личности!

Индивидуальная свобода — как возможность не приглушать внутренний голос, отдаться зову природной естественности, раскрепостить волю, жить в "потоках ветра и струях воды" (классический даоский идеал жизни художника, свободного от канонических обязательств, а Чжан Имоу публично не скрывает своей приверженности даоскому мироощущению).

Социальная свобода — от нормативности, догматичности, тирании власти и косной традиции.

Даже нам трудно, а уж тем более западному зрителю — и вовсе невозможно — осознать, сколь революционен был этот мотив в стране, еще недавно зажатой тоталитарными тисками, а до этого — в течение тысячелетий пропитавшейся конфуцианской ритуальностью, регламентировавшей не только официальные, но любые публичные отношения людей, вставленных в жестко иерархичную социальную структуру. Выбившихся из этой структуры было крайне мало, и чувствовали они себя весьма неуютно, как ярко показал Лу Синь в образе А-Q, "антигероя" знаменитой повести "Подлинная история А-Q". Даоские взгляды, конечно, не нормативировали индивида, но они функционировали лишь вне рамок общества, в частной жизни, и для среднестатистического китайца, вписанного в общество, структурированное по кланам, особого значения не имели.

"Эстетическая позиция Чжан Имоу — свобода... В китайской традиционной культуре господствовал конфуцианский принцип "преодолеть себя, вернуться к ритуалу" и путь "золотой середины", ограничивающий творчество... Это был танец в кандалах... Искусство потеряло личность. Придя к форме "кино аттракционов", Чжан Имоу раскрепостил свое творчество"³.

Не быть рабом нормативности Чжан Имоу имел смелость еще в то время, когда был "простым китайцем", направленным во время "культурной революции" в деревню на "перевоспитание трудом". На дверях своей хибары он, как положено, вывешивал портреты "самого-самого красного солнца сердец", но нарисованные им изображения Мао Цзэдуна были далеки от канонических правил.

Начав свой кинематографический путь как оператор, он снял камеру со штатива, и она перестала быть бесстрастным фиксатором "объективной реальности", обрела свободу самовыражения и смелость оценки персонажа и натуры. Операторской экспликацией к фильму "Один и восемь" (1983) Чжан Имоу предпослал эпиграф из Ж.Ренуара: "В эпоху возрождения искусства художники приближаются к человеку. Появляется портрет. Потом они еще ближе подходят к изображаемому объекту и теперь уже смотрят на мир изнутри человека. Изображаемый объект уже не только перед ними, а и вокруг них"⁴.

В другом новаторском фильме "Желтая земля", где Чжан Имоу тоже был оператором, задуманное им использование самого пространства как образа, "играющего" с помощью продуманного цвета и поставленного света, было новаторством для китайского кино, которое прежде не включало технические средства самого киноискусства в формирование выразительности на экране. Это можно квалифицировать в духе чисто даоского "не-говoreния" как выс-

шей формы передачи мысли, не нуждающейся в звучащих словах. "Впервые в истории китайского кино камера преодолела рационалистические пути слова и сама нарисовала образ желтой земли, продемонстрировав пугающую силу образности... Она проникла в глубину души китайской культуры"⁵. Существует даже мнение, что фильм "Желтая земля" своим успехом больше обязан оператору, чем режиссеру Чэнь Кайгэ. После этого фильма Чжан Имоу стали считать лучшим китайским оператором.

Став в 1987 г. режиссером-постановщиком, Чжан Имоу в своей первой же, прогремевшей по Китаю и миру работе "Красный гаолян" воплотил традиционный утопический идеал такой частной свободы, которая подразумевает полное слияние с природой как частью вселенского космоса, отделение от искусственных цивилизационных структур, искажающих всеобъемлющее изначальное Дао. Поле гаоляна, вздымающееся выше головы человека, не имеет видимых границ — это и есть тот космос, который питает духовный мир персонажей фильма своей неисчерпаемой энергией и в котором они живут, не зная, не желая знать правил "цивилизованной жизни" за пределами поля.

Чжан Имоу старался воплотить свой далекий от реальной действительности идеал свободного человека, слушающего и слышащего внутренний природный зов. Герои его фильма покинули тот мир, где главенствуют конфуцианские ритуалы "ли", и ушли в параллельный ему и не соприкасающийся с ним иной мир, а уж если им и приходится вдруг соприкоснуться, то это вызывает взаимное уничтожение — в финале почти все персонажи гибнут в борьбе с враждебной силой, пришедшей из жестокого внешнего мира, который чужд "гаоляновой" свободе и вытоптал это прекрасное поле!

"В "Красном гаоляне", — объяснял постановщик, — я фактически сконструировал идеальный духовный мир. Его громогласностью я хотел выразить, какой может быть жизнь в бесшабашных наслаждениях, когда, как говорят, "человек проживает жизнь на одном дыхании, как дерево — одну кору". Такая жизненная позиция необходима сегодняшним китайцам... То, что изображает фильм, есть духовное состояние жизни в ее свободном развитии... В недерживаемом буйстве бытия — красота жизни, и мы не можем больше позволять себе пассивно существовать в искусственно создаваемых рамках и с обветшавшими нормативами"⁶.

Сопоставим с персонажами "Красного гаоляна" главного героя фильма "Живи" (1994) — второй его половины, когда перестроившийся Фугуй, после череды испытаний осознавший ценность простоты, жизни, семьи, самого бытия, возвращается домой и попадает в иной мир, где воцарились правила, противоположные естественным жизненным критериям ("есть вещи поважнее, чем жизнь", — некогда изрек один из руководителей "культурной революции").

Внешне Фугуй тоже как бы живет в согласии с окружающей действительностью. Но это — маска, он чужд всему громоподобному действию, совершающемуся вокруг него. Он лишь внешне производит телодвижения, необходимые, дабы продемонстрировать, что он, "как все", плывет в этом потоке. Внутренне же он — совсем в другом потоке, где жаждет существовать в созвучии с естественными внутренними порывами. И такая раздвоенность сохраняет ему жизнь, но лишает свободы. Его внутреннее "социально-политическое" кредо — не быть собой, меняться вслед за окружающей действительностью, и этим спасительным метаморфозам он учит внука: "Из цыплят выйдут петухи, из петухов гуси, из гусей бараны, из баранов быки... А потом ты вырастешь... И жизнь будет все лучше и лучше...".

В этом фильме Чжан Имоу показал реальную "несвободу" человека, как бы "от противного" намекнув на тот идеал свободы, к которому стремятся его экранные персонажи.

Герои "Красного гаоляна" остаются самими собой, потому что не знают иной формы бытия, кроме как слияние с окружающим естеством. По их представлениям, жить — это слушать зов внутренней сущности, собственной природы: "живи", осуществляя спонтанный процесс бытия.

Сяошуай из фильма “Хочешь что-то сказать — выкладывай” (1996) по началу задиристо пытается вырваться из общепринятых правил, оправдывая свое имя (“маленький маршал”), но к финалу вполне созвучно вписывается в случайный хор посетителей бара караоке. Свою частную свободу он променял на призрачную “свободу” групповой идентичности.

Шаг за клановые пределы делает заглавная героиня фильма “Цюцзюй обращается в инстанции” (1992). Начальный конфликт возникает внутри группы — староста повздорил с мужем Цюцзюй и ударил того ногой в “причинное место” (на уровне традиций основания для конфликта весьма серьезные, так как могут негативно повлиять на продолжение рода). Решительная женщина идет в уезд, волость по различным административно-правовым инстанциям в поисках “справедливости”, которую она видит не в административном наказании старосты, а в открытом признании тем своей вины.

В итоге полицейская машина увозит старосту отбывать назначенное судом наказание, но Цюцзюй не торжествует победу, а бежит за машиной, надеясь остановить ее: она не сумела подняться над клановой ментальностью, ей необходимо было разрешение конфликта внутри клана, а не с помощью внешних сил. Ее “свобода” так и не стала свободой индивида, оставшись в рамках групповых нормативов.

Но в двух последних фильмах тысячелетия “Ни одним меньше” (1998) и “Мой отец и моя мать” (1999) героини Чжан Имоу вдруг начали ощущать себя неотделимой частью структур, в первой картине — абсолютно растворяясь в группе, во второй — частично (слияние с группой разбавляется личными мотивами).

Реально органична маленькая учительница из фильма “Ни одним меньше”. Ей неведом мир за пределами социальной группы, она живет только групповыми нормативами, и наибольшее для нее счастье — выполнить поставленную перед ней в рамках группы задачу. В этом она и видит свою “свободу” — быть абсолютно социальным человеком. Ее отличие от Фугуя из фильма “Живи” в том, что тот ведет двойную жизнь, и его клановая “свобода”, в сущности, есть подавление внутренней частной свободы, тогда как у маленькой учительницы раздвоения нет, она полностью погружена в атмосферу общества и дышит лишь общим со всеми воздухом.

Приходится констатировать, что в общем контексте фильмов Чжан Имоу первого десятилетия его режиссерского творчества индивидуальная человеческая свобода оказалась бесплотной идеальной мечтой, подавленная устойчивым и воинственным обцинным сознанием. Оно вынуждает человека жить не ради самой жизни, а во имя неких целей — строительства, созидания, победы над врагом и тому подобного, что лежит за пределами природно-естественного духовного костяка индивида.

Развивать эту тенденцию, однако, Чжан Имоу не стал, и в “Герое” (2002) и “Круговой засаде” (2004) вернулся к одиночкам, рвущим связи с группой, в которую вписаны.

“Герой” показал новый, много более значительный художественный уровень постановочного мастерства и мыслительной глубины Чжан Имоу и вновь, как когда-то “Красный гаолян”, всколыхнул страну и мир. Этот фильм, появившийся в преддверии столетия китайской кинематографии, который она отмечает в нынешнем году, заслуживает отдельного анализа как выразительный показатель произошедших в киноискусстве Китая перемен, как символ разрушения былой “Великой стены” некой “духовной особенности”, отгораживавшей китайское кино от мирового.

Китайские критики, намечая первичную периодизацию режиссерского творчества Чжан Имоу⁷, период с конца 80-х (“Красный гаолян”) до середины 90-х годов определяют как первый (притчевый, символический) этап, завершившийся так и не вышедшим в КНР в прокат фильмом “Живи” (это название чаще переводят как просто “Жить”, но в китайском “*хоцжэ*” нет императивности, а есть понимание бытия как самоцели и долгого, терпеливого процесса) и “переходным” к следующему этапу фильмом “Раскачивайся, люлька, — до Бабкина

моста" (за рубежом известен как "Шанхайская триада"). Творчество Чжан Имоу этого периода характеризуется как "экстравертное" — нацеленное, преимущественно, на восприятие западного зрителя, создавая для него, по мнению многих китайских кинокритиков, некий притчевый миф вместо реального Китая.

Второй этап, начавшийся в 1996 году фильмом "Хочешь что-то сказать — выкладывай", получил название "интравертного": Чжан Имоу, переориентировавшись на отечественного зрителя, перешел на современную тематику, решая ее с ограниченной национальной точки зрения и отказавшись от многослойного притчевого подтекста, присущего предыдущим работам.

Первой работой третьего этапа стал "Герой" (2002), в котором режиссер вернулся к языку притчи уже на новом спиральном витке, учитывающем общую тенденцию глобализации. Сам Чжан Имоу подчеркнул: "Когда мы в фильме говорим "Поднебесная" или "гармоничный мир", мы имеем в виду всемирное"⁸.

В "Герое" Чжан Имоу углубил чувственный, эмоциональный элемент сюжета, ушел в еще более дальнее прошлое Китая, резко усложнил художественный язык, отказался от последовательного повествовательного стиля, перемешав времена и пространства настолько, что некоторые китайские критики, сбивые с толку переплетением фабульных звеньев, заявили, будто в фильме и вовсе нет сюжета.

Сюжет фильма, конечно, можно рассказать достаточно лаконично. Но он не даст абсолютно никакого представления о произведении, потому что сюжет — вторичен, а главное в фильме — это сложнейшее сплетение времен и пространств, фабульных звеньев, волнообразная ткань притчевого и символического художественного языка. Фильм построен как нравственный поединок между отважным воином-мстителем по прозвищу Безвестный и могущественным властителем Цинь, одного из семи Воюющих царств (5-3 вв. до н.э.), к 221 г. до н.э. огнем и мечом подчинившего себе более слабых соседей и образовавшего первую на территории Китая империю, в которой властитель победившего царства провозгласил себя императором Цинь Шихуаном.

Внешне фильм выглядит апологией великому историческому событию, что в рамках бесстрастной Истории действительно было грандиозным стимулом к государственному развитию, покончившему с раздорами княжеских междоусобиц. Но еще Лао-цзы замечал, что трава не растет там, где проходят войска, выгапывая их. А режиссер Чжан Имоу не раз объявлял себя сторонником даосского мировосприятия. Эту деталь нельзя упускать, интерпретируя фильм.

Потому что это вовсе не "фильм *кунфу*", как зазывающе-рекламно объявлялось в первых сообщениях о начале работы над фильмом в конце 2001 года. То есть звон мечей там раздается, и, кипя космической энергетикой, бойцы парят над лесами и водами, и капли крови проливаются, и немигающие глаза Безвестного гипнотизируют зрителя... Но назвать эту картину "фильмом *кунфу*" — то же самое, что назвать детективом роман Достоевского "Преступление и наказание". Режиссер заметил о своей работе, что "фильм говорит о чувстве, о мести, о государстве, о личности"⁹. На последние два пункта этого перечня стоит обратить особое внимание. Именно на их пересечении, в новых условиях и с новыми акцентами продолжающем основную идею творчества Чжан Имоу — апология "свободной личности", — и вырос сложный конфликт фильма.

Почему Чжан Имоу не побоялся вернуться в эпоху Цинь Шихуана через не столь уж длительный срок после выразительных лент Чжоу Сяовэня "Ода империи Цинь" (зарубежное название "Тень императора") и Чэнь Кайгэ "Цзин Кэ покушается на Цинь Шихуана" ("Император и убийца"), столь откровенно повторить конфликт картины Чэнь Кайгэ (это не совсем тот же сюжет, но то же противостояние властителя и мстителя, воплощенное на древнем материале)?

Потому что у Чжан Имоу совершенно другой фильм — не рассказывающий некую "историю", в рамках которой и локализуется авторская мысль, не воплощающий в пластических фигурах персонажей некие аксиомы; это философская картина, фильм-диспут, фильм-размышление, и пластика кадра, движение персонажей, даже звенья фабулы в нем — вторичны, подчиненные "ди-

спуту” мстителя и правителя. “Это фильм скорее для тех, кто старше тридцати”, — подчеркнул Чжан Имоу¹⁰. То есть для тех, кого заинтересует не батальный момент, как бы он ни был увлекателен (“Я сам любитель жанра *кун-фу*”, — признался Чжан Имоу в интервью¹¹), а заложенная в сюжет мысль, требующая размышлений и нравственных выводов.

Начальные и конечные титры об историческом моменте, к которому формально привязаны события фильма, согласованные с общепринятой трактовкой древней истории, — на мой взгляд, не имеют никакого отношения к самому фильму как произведению искусства, они не входят в художественную плоть фильма, а в чем-то даже ей противоречат. Они, скорее всего, нужны были как ориентир для зарубежного зрителя, а может быть, и громоотвод для зрителя внутреннего, не любящего нестандартных интерпретаций канонических фигур и событий.

Произведение Чжан Имоу рассматривалось китайской прессой, преимущественно, в двух ипостасях — во-первых, как боевик, во-вторых, как костюмный фильм на древний сюжет.

Первые ставили его в ряд “рыцарских” фильмов 20-х годов, ограничивавшихся тематическими рамками “личной мести” и “странствий”, продолженный и развитый знаменитыми работами (прародителями жанра “фильма *кун-фу*”) тайваньского режиссера Ху Цзиньцюаня, который внес в сюжеты художественный и философский элемент, и совсем недавнего оscarовского лауреата Ли Аня, в “Притаившемся тигре, спрятавшемся драконе” соединившего китайский традиционный костюмный сюжет с кинокультурой западных боевиков. Критики скрупулезно подсчитали количество поединков в “Герое” (десять), разложив их по категориям классификации китайского боевого искусства.

Сам режиссер, однако, охарактеризовал снятые им поединки в понятиях китайской классической поэзии “*фу, би, син*”, то есть как “одические, метафорические, аллегорические”, показав тем самым, что бой воинов для него как постановщика был вторичен, а главное внимание он обращал на эмоциональный характер эпизода, на “рифмовку” пластического и цветового решения кадра с внутренним психологическим состоянием персонажей и настроением фабульного звена (основной массе зрителей, привыкших к более прямым, поверхностным, однозначным, самодовлеющим поединкам на экране, такое обилие уровней восприятия оказалось не под силу).

Сторонники исторической интерпретации определяли, в какой степени верности фильм воспроизвел исторический сюжет (хотя уже в начальных титрах сказано, что фильм излагает “легенду”, правда, не подчеркнуто, что это особая “легенда”, не зафиксированная в исторических анналах, а полностью выдуманная сценаристами на основе зародившегося у самого Чжан Имоу ядра сюжета).

Встречались и другие варианты прочтения, связанные с иносказательным переносом древнего материала на современные мировые события. Это интересная методология и в принципе заслуживает внимания. Начало ей положил сам постановщик. 11 сентября 2001 года, ровно через месяц после начала съемок, он, откликаясь на трагические события в Нью-Йорке, заявил, что “необходимо поднять тему фильма до высоты понимания того, что миру нужен мир”¹², после чего известное всей Земле сочетание цифр “9.11” (11 сентября) стали связывать и с ведущей идеей фильма “Герой”.

Профессор Пекинского педагогического университета Ван Ичуань, давний исследователь творчества Чжан Имоу, считает, что Безвестный преодолевает рамки “националистической Поднебесной”, что означает включение в ментальность древнего персонажа всю многотысячелетнюю Историю, то есть в значительной мере осовременивает древний персонаж; в сегодняшних глобальных терминах это может быть интерпретировано как преодоление “государственного местничества”. В таком ракурсе конструирования героя Ван Ичуань видит постмодернистский оттенок реализации художественного замысла¹³.

С откровенно-политизированными интонациями развивает современное прочтение фильма профессор Пекинского университета Чжан Иу. Он утвер-

ждает, что в своем фильме Чжан Имоу “с ног на голову опрокинул традиционную модель китайской культуры”, которая, считает профессор, и сегодня базируется на таком ценностном критерии древних мстителей, как тезис “отвечать насилием на насилие”, и этот тезис остается «оправданием “революции” как единственно возможного способа освобождения “слабого” от насилия со стороны “сильного»». Именно в рамках такой логики, объясняет профессор, и появляется понятие “справедливости”, оправдывающей убийство тирана¹⁴.

Это, однако, лишь начало построения критической концепции аналитика. Далее он протягивает нити к сегодняшнему дню, ссылаясь на мнение некоего зрителя, чье однозначно-тенденциозное высказывание у дверей кинотеатра услышал профессор и солидарно процитировал: “Поднебесная циньского правителя в фильме мне напоминает сегодняшний мир, управляемый Америкой. И даже финальные титры о строительстве Великой стены для защиты стран и народов намекают на создаваемую Америкой противоракетную систему”¹⁵. Это прямолинейное суждение мне тоже кое-что напоминает. Несколько десятилетий назад весь Китай взрывался похожими обвинениями. К счастью, сегодня за ними не следуют административные выводы...

Каллиграфия, противопоставленная в фильме “ракетообразным” боевым стрелам циньской армии, видится профессору обобщающим символом культуры как атрибута “слабого”. Он обращает внимание на мизансценирование диалога правителя с мстителем: один находится выше другого, и правитель как “сильный” смотрит на Безвестного как в итоге “слабого” сверху вниз, презрительно — “киноязыком показана мощь сильного, демонстрируя мышление самих создателей фильма”; “гармония”, к которой зовут персонажи фильма Чжан Имоу, — это имперская “гармония” периода глобализации¹⁶.

Призвав на помощь изданную в 2001 году Гарвардским университетом книгу-трактат М.Хардта и А.Негри “Империя”, пекинский профессор соединяет термин “multitude” (букв. толпа, массы), которым в трактате обозначается слабый “низший слой”, вынужденный подчиняться порядку, устанавливаемым могущественным владыкой, — с именем мстителя, в итоге отказавшегося от исполнения своей миссии: “Безвестный”, не имеющий даже имени, — это как бы воплощение покорного “низшего слоя”.

“Нам, — констатирует, не совсем правомерно обобщая, профессор, — не нравится такой порядок, и поэтому многие критикуют фильм Чжан Имоу”¹⁷. Профессор, правда, с удовлетворением замечает, что Вечная Пустота (мститель, который в рамках сюжета первым совершил попытку убийства тирана) на самом деле не погиб и его будущее в фильме не обозначено, быть может, он не окажется пораженцем и удачно осуществит второе покушение, восстановив “справедливость”¹⁸ как основу “революции”. Но профессор не видит в таком построении заслугу режиссера, скорее, просчет, ибо в целом “фильм лишь демонстрирует наше бессилие”¹⁹.

Стоит, однако, заметить, что “освобождение слабого” от тирании “сильного” далеко не всегда связывалось в прошлые времена с восстановлением “справедливости” через убийство тирана и соединяемую профессором с этим действием “революцию”. Умами угнетенных очень часто владели идеи “хорошего царя”, противопоставляемого “плохим вельможам”. А ведь следы этих идей достаточно явственны в фильме.

Да, в принципе можно согласиться с тем, что циньский правитель, позже ставший Цинь Шихуаном, первым китайским императором, нужен был Чжан Имоу отнюдь не как реальный исторический персонаж, а как некий “знак” — но не времени, не события, а того, что мы сегодня именуем “государственной машиной”, то есть надличностного институционализованного образования, долженствующего вводить жизнь “простого человека” в организованное русло. Для каждого китайца Цинь Шихуан ассоциируется прежде всего с идеей могучего государства, что затмевает все прочие его положительные и отрицательные деяния (унификация дорожной колеи и языка, безжалостная расправа над приращенцами идей Конфуция, которых сотнями живьем закапывали в землю).

Но знаковость — лишь часть образа циньского правителя, созданного в фильме. В нем намечен характер, составленный из сложного переплетения “положительных” и “отрицательных” черт, складывающихся в итоге в личность. Это, с одной стороны, сильная личность (я обращаюсь к такой характеристике не в политизированном смысле, а в психологическом), запрограммированно-односторонне одержимая идеей создания империи и подчиняющая этой идее все и вся (“когда я создам великую империю, я запрещу все местные наречия... Совершенство — в простоте”, — произносит экранный персонаж).

Но с другой — это личность развитая, рефлектирующая: созерцающая в долгом молчании висящий на стене дворца каллиграфически выписанный одним из мстителей иероглиф “меч”, он, по логике фильма, начинает воспринимать закодированную в стиле письма суть философии каллиграфа и раздумчиво произносит, как бы подытоживая собственную жизнь и переформулируя цель своих деяний: “Высшая степень совершенства владения мечом — обходиться без меча и в руке, и в сердце; сознание объемлет весь мир, и тогда на смену убийствам приходит покой и гармония” (он произносит слово “*хэпин*”, что в современном языке означает просто “мир, покой”, а в древнем было философским понятием, обозначающим такой “покой”, который достигается общим “согласием”, то есть “гармоничный мир”). Как “сильная личность” он полностью заключен в рамки “государственной машины”, фактически стоящей “над ним”; как рефлектирующая — находится вне ее и в чем-то порой с ней конфликтует.

Поэтому основной конфликт, обозначенный фильмом, я бы определил как противостояние индивида и системы, самостоятельной рефлектирующей личности, для которой первична ее “самость”, и деиндивидуализированной “государственной машины”, апологетирующей надличностный “закон” как жесткий и “внеморальный” способ установления унифицированного “порядка”. Древний философ Хань Фэй-цзы (3 век до н.э.), сторонник такой же абсолютизации “закона”, которая господствовала в царстве (и позже — империи) Цинь, так сформулировал императивное противопоставление культуры и “порядка”, основанного на “законе”: “Конфуцианцы посредством культуры вносят смуту в Закон”.

В фильме мстители, пытающиеся убить циньского правителя, делятся на две группы: те, кто выступает против личности правителя как основы и вершины ненавистной “государственной машины”, олицетворенной в фигуре правителя, и те, кто выступает непосредственно против самой государственной машины, отделяя ее от личности правителя.

Философия последних (это Сломанный Меч и переубежденный им Безвестный) — достаточно современна. Быть может, с этих позиций и можно объяснить странность финала, когда, внушив циньскому правителю, что “на смену убийствам должны придти покой и гармония”, и лишь для устрашения государя имитировав свой грозный прием “смерть с десяти шагов”, Безвестный сквозь строй разъяренных циньских воинов, потрясающих щитами и мечами и издающих леденящий душу вопль “*Фэн! Фэн! Да фэн!*” (Ветер! Ветер! Ураган! — но в этом грозном выкрике можно услышать и напоминание правителю о необходимости блюсти принятый порядок, поскольку слово “*фэн*” означает также и “обычай, нравы”), подходит к наглухо замкнутым вратам дворца, а правителя тем временем окружают взволнованные придворные с криками “Убить изменника! Чтобы покорить Поднебесную, нужно блюсти Закон!”, и на лице правителя появляется растерянность, глаза наполняются слезами, он приподнимает руку, чтобы отдать приказ о казни, задерживает ее на мгновение, но все же, подчиняясь “машине”, резко опускает вниз, что означает “Смерть!”, — и тучи стрел летят в Безвестного...

А в следующем кадре — утыканные стрелами створки дворцовых ворот, но там, где только что стоял Безвестный, — пустое очертание человеческой фигуры среди стрел.

Конечно, его гиперболизированно продемонстрированное в других эпизодах боевое мастерство настолько велико, что ему, вероятно, под силу и пере-

махнуть через ворота, и отразить стрелы, но я уверен, что не это имел в виду режиссер. Скорее другое — “а был ли мальчик?”

Существовал ли Безвестный как физическая фигура? Или это духовная эманация, идеальная идея, не облекшаяся в плоть в те далекие времена? Трудно представить себе древнего человека, поставившего себя на один уровень с правителем — ведь тот “получал мандат Неба” на правление и уже тем самым не мог быть “одним из”, а лишь поставленным над всеми, словно бы сделанный из совершенно другого материала. И какой-то “Безвестный” — не имеющий даже имени, никому не ведомый... Был ли такой в китайской истории? Мог ли быть?!

Обратим еще внимание на одежду Безвестного. Она того же черного цвета, что и воинство Цинь и сам правитель (черный цвет в китайской символике тяготел к мраку, к гибели, уничтожению жизни, к северу, зиме; в древних хрониках рассказывается, что “в день Установления Зимы все чиновники надевают черное и выходят в северное предместье встречать дыхание Зимы”²⁰; и в то же время, по канону “Ицзин”, это цвет Неба²¹). Обликом Безвестный напоминает мелкого чиновника, а вовсе не вольного воина в развевающемся платье ярких тонов (только в виртуальной сцене в школе каллиграфии он перешел в красное, как и все каллиграфы). Так что же, он — “винтик” этой “машины”, взбунтовавший против нее и потому подлежащий уничтожению?!

Черный — лишь один из цветов обильной палитры фильма. Экран полыхает красным (на символическом уровне — зрелое лето, юг, огонь, Марс), желтым (созревание хлебов в конце лета, цвет Земли, космического Центра), зеленым (весна, восток, юность, судьба). В зеленых одеждах юные мстители Летящая Снежинка и Сломанный Меч бьются с черным властителем среди колеблемых ветром зеленых занавесей, но та их попытка убийства не удается. В красных одеждах они занимаются каллиграфией и вверяют свои жизни Безвестному. В итоге и эта попытка, объединившая всех мстителей, не приводит к той цели, какую они поставили перед собой.

Особняком стоит поединок двух женщин — Летящей Снежинки и служанки Луноликой. Одетые в пафосно-красные одежды, они бьются не столько как “рыцари”, сколько как женщины — из-за мужчины, Сломанного Меча. В поединок вступают не символы, не знаки, а люди, и подчеркнута это цветовым фоном — осенним лесом с насыщенно желтыми листьями, взметенными яростным ветром (шестибальные порывы постановщик еще усилил ветродуями). Это “земное” по цветовой символике решение говорит о человечности персонажей, перешагивающих через свою “знаковость” мстителей — к личности. Не могу не согласиться с Чжан Имоу: “Через пару лет ты можешь забыть сюжет, но какие-то кадры останутся в памяти, какие-то краски — желтые листья, бой двух женщин в красных одеждах, двух мужчин, парящих с мечами над озером, точно птицы”²².

А что нам подскажут имена персонажей? Ведь они откровенно значимы, и не только Безвестный. Имя “Сломанный Меч” достаточно прямолинейно — клинок его оружия не имел заостренного конца как символ его отказа от убийства. Летящая Снежинка, быть может, говорит о трауре белого цвета, напоминает об осени, которая в традиционном Китае связывалась с западом, страной мертвых, считалась временем и завершения жизни, и зарождения новой; так и эта героиня, до последнего мгновения бывшая вернейшей и последовательнейшей сторонницей убийства правителя, потеряв любимого человека (Сломанный Меч), ею же и убитого, вдруг сама преобразуется из знаковой фигуры в человека из плоти и крови и кончает с собой, обняв любимого, со словами “я уведу тебя в дом, в наш дом”, что в китайском контексте означает возврат к догосударственным истокам природной естественности. В этом двойном самоубийстве некоторым китайским критикам (Хуан Шисянь) видится “истинный финал фильма”²³ как очеловечивание знаковых героев.

Наконец, Вечная Пустота — самая сложная для интерпретации фигура. Его экранная жизнь коротка — роковой поединок с Безвестным, данный в двух версиях — “придуманной” Безвестным таким образом, чтобы убедить правителя в своей ему верности, и “реальной”, тоже оказывающейся не во

всем “истинной”, потому что ближе к финалу о Вечной Пустоте вспоминают в разговоре как о живом (оказывается, Безвестный владеет невероятно точным ударом и столь хорошо знает человеческую анатомию, что может рассчитать удар меча таким образом, что обильно пролившаяся кровь создает иллюзию гибели противника, но через какое-то время тот приходит в себя и выздоравливает). Таким образом, Вечная Пустота — единственный из мстителей, кто остается в живых, и не случайно упоминавшийся выше профессор Чжан Иу именно на него возлагает возможное будущее исполнение “исторической миссии” убийства тирана и восстановления “справедливости”. Но ведь, как бы побывав “на том свете”, он может пройти и путь Снежинки, преобразившейся из надличностного знака — в живого человека!

Ведь это “Пустота”, в философской системе даосов характеризующаяся не “отсутствием”, а “наличием”, обнимая собой все сущее, — то изначально-высшее состояние мира, когда он не знал еще губительной цивилизации с ее “государственной машиной”, а существовал в чистом природном естестве (и должен, пройдя через все цивилизационные искусства, к нему вернуться).

Естественное, изначально-природное прорывается и в следующем фильме Чжан Имоу “Круговая засада” (за рубежом — “Дом Летящих кинжалов”, 2004), тоже воспроизводящим стародавние времена, но уже поближе к нам — середина IX века, закат Танской империи, с трудом противостоящей расплотившимся отрядам повстанцев. Его можно классифицировать как “полицейский детектив-кунфу”.

В целом фильм попроще, особенно его первая, “детективная” половина, последовательно-повествовательно раскрывающая сюжет, обильно заполненный поединками, снятыми, в основном, традиционно-одномерно и не имеющими той романтизированной многослойной ауры, как в “Герое”. Ближе к развязке экран становится красочней, “самоцитатой” появляется желтый осенний лес, напоминая о “Герое”, а в другом эпизоде камера уходит вверх, открывая нам лежащих посреди бескрайнего поля (почти как в “Красном гаоляне”) возлюбленных, общий психологический накал окрашивает и поединки.

А завершается фильм “Круговая засада” на той же философичной ноте победы личности над общинным, преодоления групповых барьеров, торжества человеческого в человеке, окрашивая исторически оптимистической надеждой трагедийный финал гибели девушки, оттолкнувшей “социально близкого” мужчину и полюбившей молодого человека из чуждой социально-политической группы. Чжан Имоу и тут продолжает свою песнь свободному человеку. Завершается эта сцена необычной для времени и места (действие происходит в районе современного Сианя — а это на широте Лос-Анджелеса) метелью, заметающей “степь свободы”, на котором умирает героиня. Не апеллирует ли это к традиционному образу “снега в июле” — Небесного оправдания невинно осужденного человека: мотив, весьма популярный в классической литературе Китая?

Итак, мы увидели, что в “Герое” вся четверка мстителей, пройдя каждый свой собственный путь, возвращается в “свой дом”, к природному естеству, к человеческой сущности, и в этом качестве смыкается с циньским правителем как личностью. Поэтому у мстителей нет объективного резона убивать себе подобного.

Но “государственная машина”, выстроившая охранительный надличностный Закон, не терпит, когда “винтики” нарушают ровный шум машины, и потому мститель, пусть даже не совершивший, а только имитировавший убийство правителя как “священной коровы” этого механизма, то есть не покорившийся, оставшись свободной личностью, — должен быть убит.

А кого же ритуально хоронят под алым покрывалом в заключительном эпизоде фильма? Кто этот “Герой”? Безвестный, от которого осталось лишь очертание фигуры? Сломанный Меч, первым в рамках сюжета усомнившийся в традиционном пути восстановления “справедливости”? А может быть, та, человеческая, часть самого правителя, подчинившегося “государственной машине” и оставившего ей лишь свою формальную функцию на службе Закона?

Китайское слово “*инсюн*”, стоящее в названии фильма, мы, согласно словарям современного языка, переводим как “герой”. Однако в те времена, когда происходит действие фильма, оно имело не совсем такой, как сегодня, смысл. Оно обозначало не человека, а нечто большее, чем живое существо. Возможно, это “титан” в древнегреческом мифологическом смысле. Титан, спустившийся к людям, что происходит раз в тысячи лет, чтобы помочь им укрепиться и усовершенствоваться. Это не физическое, а скорее, духовное понятие.

Так, может быть, в финале хоронят “идею”? Идею “революционной” борьбы с античеловечностью государственной власти? И Вечная Пустота будет на протяжении веков раз за разом приносить себя в жертву ритуальному действию “убийство правителя”, пытаюсь восстановить “справедливость”, которая столь же последовательно будет подавляться “государственной машиной”, выстроившей “Великую стену” против посягательств на ее абсолютную власть, пока неутомимая эволюция не расставит все по своим местам? А Безвестный, трансформировавшись в бесформенную духовную субстанцию, вознесся к бессмертным *сяням*, чтобы вернуться к нам через сотни, тысячи лет для реализации своей новой, трудно выношенной идеи отказа от убийства как средства социально-политического переустройства мира...

Трудно утверждать, что именно так думал постановщик, замысливая свой сюжет. Но ведь всякое большое произведение тем и значительно, что допускает различные толкования.

А фильм Чжан Имоу “Герой”, вне всякого сомнения, — веха не только в профессиональном творчестве Чжан Имоу, не только в истории китайского киноискусства, но и в процессе утверждения в Китае ценности человека — клеточки институализированного построения общества, а не объекта подавления и угнетения со стороны безликой и бездушной “государственной машины”.

1. Ван Ичуань. Чжан Имоу шэньхуа дэ чжундянь (Завершение “мифа Чжан Имоу”), Чжэнчжоу, 1998. С. 2
2. Дяньин ишу (Искусство кино), Пекин, 2003, № 4. С. 27
3. Ишу гуанцзяо (Обзор искусства), Шэньян, 1988, № 6. С. 72
4. Бэйцзин дяньин сюэюань сюэбао (Вестник Пекинского института кинематографии), 1985, № 1. С. 123
5. Дандай дяньин (Современное кино), Пекин, 1990, № 1. С. 42
6. Цит. по сб.: Лунь Чжан Имоу (О Чжан Имоу). Пекин, 1994. С. 160-161
7. Дяньин ишу (Искусство кино), Пекин, 2003, № 4. С. 27-32
8. Цит. по: Дяньин ишу (Искусство кино), Пекин, 2003, № 4. С. 32
9. Чжунго дяньин бао (Китайское кино), Пекин, 2002, 19 декабря
10. Там же
11. Чжунго дяньин бао, Пекин, 2002, 14 марта
12. Цит. по: Дандай дяньин, Пекин, 2003, № 2. С. 11
13. Дяньин ишу, Пекин, 2003, № 2. С. 13
14. Дандай дяньин, Пекин, 2003, № 2. С. 12-13
15. Там же. С. 13
16. Там же. С. 14
17. Там же. С. 15
18. Там же
19. Там же
20. Цит. по: Л.Сычев, В.Сычев. Китайский костюм. М., 1975. С. 24
21. Там же. С. 22
22. Дяньин ишу, Пекин, 2003, № 2. С. 106
23. Дандай дяньин, Пекин, 2003, № 2. С. 22

Документы, архивы

Русско-японская война 1904-1905 гг. в судьбе российского дипломата А.И. Павлова (по материалам Архива внешней политики Российской империи МИД России)

© 2005

А. Волохова

Русско-японская война, в которой Российская империя потерпела сокрушительное поражение, стала трагическим событием, во многом определившим дальнейший ход истории России в XX в., событием, унесшим жизни сотен тысяч россиян и сломавшим судьбы многих из них. Среди последних был и российский дипломат Александр Иванович Павлов, карьера которого весьма успешно начиналась в конце XIX в. и продолжалась до русско-японской войны.

Павлов не готовился к дипломатической деятельности. Он родился 1 августа 1860 г. в небогатой дворянской семье, в 1882 г закончил с отличием морское училище и затем служил на флоте, плывал на яхте, где иногда отдыхала летом царская семья. В 1886 г. он был уволен в "запас флота" и приказом по Министерству иностранных дел определен в Азиатский департамент. В 1891-1896 гг., успешно продвигаясь по чиновной лестнице, Павлов работал в российской миссии в Пекине, получил придворное звание камер-юнкера и чин статского советника, а в 1898 г. был назначен поверенным в делах и генеральным консулом в Корее. Затем, в 1902 г. он стал чрезвычайным посланником и полномочным министром при дворе корейского императора в Сеуле. С началом русско-японской войны Павлов выехал из Кореи, некоторое время находился в Китае, а в декабре 1905 г. был "уволен от должности с оставлением в придворном звании в ведомстве министерства иностранных дел". В ноябре 1910 г., в возрасте 50 лет, Павлов был вообще уволен из МИДа, "согласно прошению по болезни, с мундиром, последней должностью присвоенным, и пенсией по 4000 р. в год". Эти данные, а также перечень полученных А.И. Павловым орденов — довольно обширный (в том числе ордена святой Анны и святого Станислава, китайский орден Двойного Дракона, корейская серебряная медаль в честь 50-летия императора Кореи) — содержатся в формулярном списке о службе действительного статского советника (ДСС) Павлова в фонде "Департамента личного состава и хозяйственной деятельности".¹

Волохова Алена Алексеевна — главный научный сотрудник Центра АТР Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России, кандидат исторических наук.

Впервые личность Павлова привлекла внимание автора данной статьи при работе над темой о планах нейтрализации Кореи перед русско-японской войной. Тогда царь Николай II поддержал мнение посланника в Корее Павлова, выступившего против каких-либо шагов по нейтрализации Кореи в противовес обоснованному, убедительно аргументированному предложению о такой нейтрализации, выдвинутому тогдашним российским послом в Корее Извольским.

В Архиве внешней политики Российской империи в фонде "Китайский стол" имеется "Архив А.И. Павлова", состоящий из почти двух десятков дел, часть материалов которого использована в данной публикации.

В одном из дел обнаружилось довольно любопытное письмо. Чиновник, "состоящий при его Императорском Величестве Государе Наследнике и Великом князе Михаиле Александровиче" 18 февраля 1904 г. направил министру иностранных дел Ламсдорфу "на полное благоусмотрение" письмо, полученное им по городской почте и касавшееся Павлова и гибели крейсера "Варяг":

Автор этого письма (подпись в конце письма неразборчива, похоже на "Николаев") обвинял косвенно российский МИД, а прямо Павлова в том, что в Чемульпо японцами были потоплены "Варяг" и "Кореец". Приведу некоторые фрагменты письма (с сохранением его орфографии). Письмо начинается с того, что гибель "Варяга" и "Корейца" болезненно отозвалась в сердце каждого русского человека, и автор письма задается вопросом: какая разумная причина могла заставить задержать эти суда в Чемульпо? "Я утверждаю, говорится в письме, — что Варяг рискнули сделать бессмысленной жертвой сознательно, зная, на что идет, так как за много времени до объявления войны всем живущим на Дальнем Востоке (особенно морякам) было ясно, что японцы нападут без предупреждения и все наши стационары будут, возможно, потеряны. В предвидении этого, если допустимо присутствие в Чемульпу из-за каких-то непонятных здравомыслящим смертным дипломатических соображений дешевой канонерки Корейца с небольшим экипажем, то стоянка там многомиллионного Варяга — преступление. Зачем оно было сделано?" Ответ автора письма: для того, "чтобы обставить переезд посланника Павлова более комфортабельно, на канонерке — малы каюты". Однако японцы потребовали удаления наших судов из Чемульпо, и "тот, для которого они стоят, ничего не делает для их спасения".

Далее автор письма считает, что "было так просто прибыть на Варяг, поднять флаг посланника и отбыть в Артур под гром салютов". "Правда, — замечает он, — может быть японцы не постеснялись бы пустить ко дну представителя России, но можно было хотя бы надеяться, что они не рискнут замарать себя этим окончательно варварским поступком перед всем цивилизованным миром. Были бы спасены и русские люди, и русские миллионы".

Что касается действий Павлова, то, по мнению автора письма, "посланник не может оправдываться тем, что не смел покинуть поста": "Оставил же он его без предписания, уплыв сейчас же по потоплению наших судов вполне безопасно на "Паскале" (французский корабль. — А.В.). Поступок посланника — преступление перед родиной и Царем, которым он присягал служить честью и верою, поступок труса. Дай Бог, чтобы это поняли истинно русские люди и открыли бы глаза тем, коим надлежит знать правду".

Министр Ламсдорф переслал копию письма Павлову, который получил его уже после окончания войны в марте 1906 г. Никакой реакции на него в "Архиве Павлова" не обнаружилось. По-видимому, в МИДе не сочли его сколько-нибудь обоснованным. В апреле 1906 г. высочайшим приказом Павлов был награжден орденом святого Станислава I степени.

Что же касается возможного спасения "Варяга", о которой говорилось в приведенном выше письме, то современные российские специалисты по дипломатической и консульской службе, в частности, доктор исторических наук,

профессор Ю.В. Борисов, считают перенос российской дипмиссии на “Варяг” маловероятным, хотя полностью такой возможности не исключают.

Вряд ли через сто с лишним лет можно достоверно ответить на вопрос о том, мог ли что-либо предпринять российский посланник в Сеуле Павлов, но после отъезда из Сеула судьба его в последующие годы сложилась весьма драматично, если не сказать трагично. В ней отразились характерные черты российской действительности столетней давности, и поэтому “дело Павлова” заслуживает определенного внимания исследователей, интересующихся российской политикой на Дальнем Востоке в начале прошлого века.

Из Сеула Павлов прибыл в Порт-Артур в распоряжение наместника Алексеева, а затем был направлен в Китай, в Шанхай, где, согласно инструкциям Алексеева и главнокомандующего русской армией Куропаткина должен был заниматься деятельностью очень далекой от дипломатической: организовать сбор сведений о действиях японцев и исполнять “некоторые другие секретные поручения”. при этом ему обещано было “полное содействие русского военного агента в Шанхае и Тяньцзине, а также русского агента министерства финансов в Шанхае”.³

Русский посланник в Пекине Лессар был против того, чтобы сбор секретных сведений осуществлялся лицом со званием посланника, предполагая, что Павлов будет назначен на какой-либо пост в российском посольстве в Пекине, возможно “вторым посланником для специальных поручений”, но это назначение не состоялось.⁴

В той общей неразберихе во властных структурах, которую вызвала хотя и ожидавшаяся, но начавшаяся и продолжавшаяся отнюдь не по российскому сценарию война с Японией, было не до Павлова. Только в ноябре 1904 г. в секретной телеграмме товарища министра иностранных дел Оболенского Павлову были определены жалование по министерству, но отнюдь не должность: “В виду невозможности Вашего возвращения в качестве посланника в Сеул Императору благоугодно было назначить Вас впредь до открытия подходящей вакансии в ведомстве министерства с содержанием по 7000 рублей в год”.⁵

Николай II одобрил направление Павлова в Шанхай для “выполнения ряда поручений”, при этом в телеграмме Лессару Ламсдорф подчеркнул, что Павлов, естественно, может проживать в Шанхае в качестве частного лица, и “деятельность его там должна сохранять строго доверительный характер”.⁶

Павлову вначале было поручено собирать информацию о действиях японцев, организовывать “прорыв японской блокады с целью снабжения Порт-Атура припасами”, способствовать установлению сообщения с осажденной крепостью, провести операцию по разрыву кабелей, соединяющих остров Формозу (Тайвань) с материком.⁷ Работать ему пришлось фактически в одиночку, на что он жаловался в МИД еще в мае 1904 г.: “При сложном, секретном и спешном характере порученного мне дела нахожусь в большом затруднении, не имея в своем распоряжении верного постоянного помощника”.⁸

Затем на Павлова была возложена работа по снабжению Порт-Атура и некоторых частей российской армии продовольствием, а также по фрахтованию судов для эвакуации российских военнопленных, что было связано с необходимостью быстро и оперативно решать финансовые вопросы, в которых Павлов совершенно не разбирался, чем воспользовались недобросовестные дельцы, гревшие руки на войне, так что Павлов поневоле совершил немало ошибок, что признавал и он сам, и его начальники из МИДа.⁹

Первые критические заметки в прессе о Павлове появились весной 1905 г., в МИД поступил ряд анонимных писем с обвинениями Павлова в растрате больших денежных сумм, и “делом Павлова” занялся Государственный контролер П. Лобко, о чем он информировал Ламсдорфа в июле 1905 г.¹⁰

Поскольку российский военный агент в Китае генерал-майор Дессино также занимался продовольственным снабжением армии и фрахтованием су-

дов и израсходовал на эти цели большие средства, было решено в ноябре 1906 г. создать Комиссию по рассмотрению операций ДСС (действительного статского советника) Павлова и генерал-майора¹¹ Дессино во время японской войны. Председателем ее был назначен член Военного совета генерал-лейтенант Фролов, а от МИДа туда был включен действительный статский советник Балас.

Пока комиссия Фролова собирала материалы, в печати, особенно с осени 1907 г., развернулась довольно широкая кампания против Павлова: газеты, прежде всего петербургские, стали обвинять Павлова в стремлении остаться в 1904 г. на Дальнем Востоке с целью обогащения и в действиях во время русско-японской войны, приведших к большим растратам казенных средств. Павлов попытался обороняться: в "Петербургской газете" 7 марта 1908 г. была опубликована беседа с ним, где он, категорически отвергая обвинения в свой адрес, делал упор на "секретный характер" своей деятельности в Шанхае и на том, что он всегда отчитывался в расходах перед МИДОМ.¹²

Однако кампания в прессе против Павлова продолжалась, в его адрес выдвигались все новые и новые обвинения, например, в плохом снабжении Порт-Артура, так что он вынужден был обратиться к товарищу министра иностранных дел Чарыкову с ходатайством "об официальном разъяснении относительно истинной фактической обстановки состоявшегося весной 1904 г. оставления меня на Дальнем Востоке и окончательного командирования в Шанхай".¹³

Разъяснения МИДа о том, что Павлов после отъезда из Сеула остался на Дальнем Востоке по распоряжению правительства и выполнял в Шанхае специальные поручения¹⁴, ничего не изменили, да и не могли изменить, поскольку, как это стало ясно из последующих публикаций, в основе кампании против Павлова лежала застарелая вражда к нему влиятельного в некоторых придворных кругах князя Ухтомского, уехавшая корнями в 1897 г. Тогда Ухтомский прибыл со специальной миссией в Пекин для вручения китайскому императору ордена Андрея Первозванного и имел ряд встреч с высшими китайскими сановниками. Эти встречи, по мнению Павлова, нанесли ущерб российским интересам, о чем он сообщил в донесении послу иностранных дел Кассини, довольно резко отозвавшись об Ухтомском.¹⁵

Князь Ухтомский, признав, что с апреля 1905 г. он поместил в российских газетах ряд статей, "разоблачающих Павлова", отрицал, однако, что за этим стоят какие-либо личные мотивы, тем более связанные с пребыванием князя в Китае в 1897 г. и негативной оценкой Павловым его переговоров с китайскими чиновниками в качестве представителя правления Российско-китайского банка и Общества КВЖД.¹⁶

На этом фоне комиссия Фролова активно занялась проверкой действий Павлова. Фролов затребовал всю переписку Павлова, относящуюся к периоду его пребывания в Шанхае, и получил ее. Кроме того, Фролов запрашивал в российском консульстве в Шанхае такие сведения, которые невозможно было получить в 1908 г., например, "вес одного мешка картошки, в 1905 г. закупаемого на шанхайском рынке" или "цены на продукты в Сан-Франциско в конце 1904 г.". Вместе с тем никто из членов комиссии не побывал в Шанхае: все исследование велось в петербургских кабинетах.¹⁷

Осенью 1908 г. комиссия Фролова представила свой доклад Николаю II. В нем были подробно изложены ошибочные действия Павлова, которому вменялись в вину излишние затраты на закупку продовольствия и фрахт пароходов по его доставке, на закупку угля для пароходов, а также на эвакуацию российских пленных. Вывод комиссии гласил, что "действия ДСС Павлова не могут быть признаны правомерными или правильными, равно как во многих случаях целесообразными и отвечающими интересам казны".¹⁸ Деятельности генерал-майора Дессино давалась более мягкая оценка: лишь "некоторые его операции" были названы неправомерными, без соблюдения интересов казны.¹⁹

В то же время комиссия признала, что и Павлов и Дессино работали “в трудной военной обстановке”, “при отсутствии общего руководящего плана”, были почти совершенно не подготовлены к возложенным на них обязанностям, у них отсутствовали надежные и знающие помощники, так что они вынуждены были иметь дело с лицами, “далеко не безупречной нравственности”.²⁰

Николай II передал заключение комиссии Фролова на рассмотрение Совета министров: заседание по этому вопросу состоялось 9 сентября 1908 г. Как свидетельствует Особый журнал Совета министров, министры пришли к заключению, что деятельность генерал-майора Дессино должна быть признана “в общем правильной”, но “операции ДСС Павлова имели иной характер”: Павлов превысил свои полномочия, представленные им документы и счета нуждаются в дополнительной проверке. Поэтому Совет министров предложил запросить у Павлова объяснение по существу содержащихся в материалах комиссии Фролова обвинений в его адрес через МИД.²¹

Павлову была направлена выписка из доклада комиссии Фролова с предложением дать объяснения, которые “состоящий в ведомстве Министерства иностранных дел ДСС Павлов” немедленно написал, выразив несогласие с выводами комиссии и обвинив ее членов в предвзятости и тенденциозности.²² Однако эти объяснения не удовлетворили председателя Совета министров Столыпина, который в январе 1909 г. обратился к министру иностранных дел Извольскому, настаивая на более подробных объяснениях со стороны Павлова.²³

Павлов представил такую записку, и в марте 1909 г. Извольский передал ее в Совет министров Коковцеву. В этой объемной записке²⁴ Павлов повторил свои прежние аргументы, подчеркнув, что “не мог действовать иными способами по существу порученных ему операций и в силу исключительного положения того времени”, а это совершенно не учитывалось комиссией Фролова, которая, не считаясь с политической и военной обстановкой 1904–1905 гг., рассматривала все операции по казенным поставкам и подрядам, исходя из практики мирного времени. “Если при выполнении тех или иных поручений, — писал Павлов, — с моей стороны могли быть фактически сделаны отдельные промахи, ошибки и недостатки, то таковые были, безусловно, произвольны и являлись следствием тех совершенно исключительных условий, при которых приходилось в то время действовать, или таких случайных обстоятельств, которые никоим образом не могли быть заранее предусмотрены”.²⁵

В мае 1909 г. Совет министров вернулся к “делу Павлова”. Было решено передать все документы и объяснения Павлова на заключение “заинтересованных ведомств” — военного, морского, иностранных дел, финансов, госконтроля, а так же генералу от инфантерии Фролову как председателю комиссии, а затем рассмотреть на заседании Совета министров.²⁶

Министр иностранных дел подтвердил свою прежнюю позицию о необходимости прекращения “дела Павлова”, подчеркнув, что проверка действий Павловской комиссией Фролова “носит характер суровой требовательности, не соответствующей условиям, в которых ему приходилось работать”, и рекомендует отнестись к Павлову с той же снисходительностью, как и к генералу Дессино, так как в действиях Павлова “нельзя усмотреть злого умысла”.²⁷

В то же время военный министр, морской министр и министр юстиции высказались весьма резко, сочтя объяснения Павлова “не вполне достаточными для опровержения выводов комиссии Фролова”, и настаивали на утверждении этих выводов, а министр юстиции предлагал даже предать Павлова суду по обвинению в присвоении казенного имущества.²⁸

Поддержал министра иностранных дел министр финансов, по мнению которого “дело Павлова” “следует прекратить и предать забвению”, так как привлечение его к суду не имело бы практического значения и было бы несправедливо в виду того, что прочие лица, действовавшие со столь же малым

успехом, к ответу не привлекались; в крайнем же случае дело это можно было бы поручить новой комиссии в другом составе.²⁹

Государственный контролер также высказался против суда над Павловым, так как на нем "получили бы огласку обстоятельства, оглашению не подлежащие", предложив "ограничиться увольнением Павлова от службы". Он признал также, что Павлов был совершенно не подготовлен к той работе, которая была на него возложена (не был знаком с правилами ведения отчетности, не имел ни одного помощника по этой части, тогда как при Дессино находилось несколько интендантских чиновников), и в этом отношении "ответственность падает в равной степени на тех, кто возложил на него эти поручения". Таким образом, делая вывод Государственный контролер, нет никаких оснований обвинять Павлова в присвоении казенного имущества.³⁰

После этого в октябре 1909 г. Павлов направил еще одну объяснительную записку на имя министра иностранных дел Сазонова, в которой писал, что "вполне сознает тяжесть ответственности, которая ложится на него за упущения", но надеется, что при окончательном решении по его делу крайне тяжелые условия и совершенно исключительная обстановка, в которой он работал в Китае, будут приняты во внимание.³¹

При подготовке к новому рассмотрению "дела Павлова" в Совете министров Первый департамент МИД подготовил записку для министра, где в общем не отрицал и ответственность этого ведомства, но оправдывал свои действия обстоятельствами военного времени: "МИД осознавал неподготовленность своих агентов, но не находил возможным воспрещать им принятие на себя подобных поручений, так как полагал, что в тяжкое время войны чины всех ведомств должны исполнять все поручения высшего военного начальства".³²

В записке подчеркивалось "полное убеждение в отсутствии в действиях ДСС Павлова каких-либо признаков проявления злого умысла или злой воли", поэтому в отношении Павлова была бы вполне разумна и справедлива снисходительность, проявленная к промахам и ошибкам генерала Дессино, действовавшего в Шанхае по однородным с Павловым поручениям.³³

В конце 1909 г. МИД уведомил председателя Совета министров Столыпина о прекращении выдачи жалования Павлову с 1 января 1910 г., а так как нового назначения в связи с рассмотрением его дела в Совете министров он не получил, то, "не имея личных средств, оказался в весьма бедственном материальном положении".³⁴

"Дело Павлова" было еще раз рассмотрено Советом министров в июне 1910 года. Совет министров заслушал пространное выступление министра иностранных дел Извольского, который в развернутом виде изложил прежнюю позицию МИДа, считая, что если Павлов и виновен в чем-то, то только в некоторой опрометчивости и неосмотрительности, а также в принятии на себя выполнения таких поручений, к которым не был подготовлен и которые не входили в круг его обязанностей по должности посланника в Корею. Министр сделал особый упор на то, что Павлов "взялся за дело не самовольно, а с разрешения МИД", и предложил прекратить расследование "дела Павлова".³⁵

Совет министров согласился с мнением Извольского, отметив два обстоятельства: во-первых, возбуждение против Павлова судебного разбирательства было бы неизбежно связано с "нежелательным" разоблачением разного рода секретных мероприятий русского правительства во время войны; во-вторых, Павлов "понес уже весьма тяжелую кару, карьера его разбита, а безупречная раньше служебная репутация значительно поколеблена".³⁶

Исходя из этого, Совет министров принял решение: предоставить министру иностранных дел дать ход поданному Павловым прошению об отставке, а "возбужденное против названного чиновника дело о неправильных действиях его по операциям во время войны производством прекратить". "Особый жур-

нал" этого заседания Совета министров был утвержден Николаем II с резолюцией "Согласен"."

После отставки Павлов тяжело заболел и вскоре умер. Удачная карьера морского офицера, а затем дипломата, благосклонность императора Николая II, который, судя по его резолюциям на донесениях посланника Павлова, ценил мнение последнего и прислушивался к нему, завершилась болезнью и бедностью.

В "деле Павлова" отчетливо высвечиваются характерные черты российской действительности начала XX в., связанные с фатальной неподготовленностью к войне с Японией главных властных структур, в том числе и МИДа, ни в материальном, ни в кадровом отношении. Российский посланник в Корею Павлов не погиб на поле битвы в Маньчжурии и не утонул в Цусимском сражении, но он принес в жертву честь и достоинство дворянина и офицера, стремясь выполнить возложенные на него поручения, к которым был совершенно не подготовлен ни образованием, ни опытом прежней службы.

1. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ), фонд ДЛС иХД № 159, оп. 464, 1860-1910 гг., л. 2518, л. 1-8.
2. АВПРИ, фонд Китайский стол № 143, оп. 491, 1904-1907 гг., л. 2972, л. 39-40.
3. Там же, л. 2973, л. 10, 14.
4. Там же, л. 34, л. 36, 120.
5. Там же, л. 161.
6. Там же, л. 3025, л. 13-14.
7. Там же, л. 3027, л. 97.
8. Там же, л. 2937, л. 67.
9. Там же, д. 3030. л. 2, 20-22, 145.
10. Там же, л. 3025, л. 2; л. 3026, л. 12.
11. Там же, л. 3025, 54, 64.
12. Там же, л. 34.
13. Там же, л. 9.
14. Там же, л. 30
15. Там же, л. 1905, л. 2-16
16. Там же. д. 3025, л. 40; л. 3026, л. 281.
17. Там же. д. 3026. л. 116-117, л. 166, л. 277, л. 268-269.
18. Там же, л. 313
19. Там же, л. 324
20. Там же.
21. Там же, л. 328-329
22. Там же, л. 361.
23. Там же, л. 3027, л. 2.
24. Там же, л. 4-30.
25. Там же, л. 30
26. Там же, л. 32.
27. Там же, л. 35.
28. Там же.
29. Там же.
30. Там же, л. 36
31. Там же, л. 47.
32. Там же. л. 61.
33. Там же, л. 66-67.
34. Там же, л. 69.
35. Там же, л. 98.
36. Там же, л. 99, 100.
37. Там же, л. 100, 95.

Письмо в редакцию

Направляем Вам для возможного опубликования в журнале "Проблемы Дальнего Востока" нашу статью "Главная проблема рыбной промышленности Приморского края". Мы знаем, что эта же проблема характерна и для Сахалинской и Камчатской областей, т.е. является общерегиональной. Мы, в силу своих возможностей, пытаемся ее решить, но понимаем, что без создания положительного общественного мнения много не добьемся. Учитывая популярность и действенность Вашего журнала в нашем регионе, просим Вас опубликовать данную статью.

С уважением,

А.А.Передня,
депутат Законодательного Собрания
Приморского края, председатель правления
рыболовецкого колхоза "Восток-1",
кандидат технических наук

А.М.Коротченков,
эксперт комитета экономического
развития администрации Приморского края,
кандидат технических наук

Главная проблема рыбной промышленности Приморского края

© 2005

А.Передня, А.Коротченков

Рыбохозяйственный комплекс Приморского края до 1990 г. производил до 50% всей промышленной продукции края. Сегодня эта доля снизилась до 20,8%. Тем не менее рыбохозяйственный комплекс Приморского края остается крупнейшим как в системе рыбного хозяйства России, так и на российском Дальнем Востоке. Сегодня край производит около 20% всей российской рыбопродукции и 40% рыбопродукции российского Дальнего Востока. Здесь расположена самая мощная в России сырьевая база водных биологических ресурсов.

В последние годы центральное телевидение с завидным постоянством демонстрирует криминальные сюжеты о погонях дальневосточных пограничных катеров при поддержке вертолетов со стрельбой и захватами судов — браконьеров. Как правило, браконьеры ловят без квот, разрешений, в запрещенных местах. Убытки для экономики страны от действий браконьеров колоссальные. Однако еще более крупные убытки, оцениваемые многими миллиардами долларов в год, приносят экономике страны так называемые "легальные браконьеры", те рыбодобывающие суда, которые выловленные по квотам на законных основаниях рыбу и морепродукты сдают за пределами российской таможенной зоны. Ежегодно растут объемы такой продукции. Так, экспорт рыбы и морепродуктов, добытых рыбопромысловыми судами края в Мировом

океане и экспортированных в зарубежные государства без захода в российские порты (за пределами таможенной границы), в 2004 г. составил 245,1 млн долларов США (22,9% экспорта края) и возрос по сравнению с 2003 г. на 61,5%. Причем более 90% такого “экспорта” составляют рыбные товары с низким уровнем переработки сырья, что резко снижает эффективность работы отрасли на внешнем рынке.

Из года в год рыбная промышленность Приморского края снижает производственно-экономические показатели своей деятельности. Одновременно ощутимо снижаются налоговые поступления от предприятий отрасли во все уровни бюджетной системы. Причины такого положения известны, их много. Это и большой износ промышленно-производственных фондов, достигающий 50,2%, низкий уровень использования мощностей по выпуску продукции, не превышающий 30%, старение флота — средний возраст добывающего флота превышает 20 лет, в результате чего более 62% судов этого флота эксплуатируются сверх нормативных сроков, разрушение ранее наработанных хозяйственных связей, резкое повышение цен на энергоносители и другие материально-технические ресурсы, постоянный рост транспортных тарифов, жесткая кредитная и таможенная политика, отсутствие государственной поддержки отрасли наряду со снижением запасов основного объекта промысла на Дальнем Востоке — минтая. Все это в конечном итоге привело к спаду в рыбопромышленном производстве. Так, улов рыбы и морепродуктов сократился с 1832,1 тыс. т в 190 г. до 534,8 тыс. т в 2004 г., или в 3,4 раза. Соответственно почти в 2,8 раза уменьшился выпуск товарной пищевой рыбной продукции, включая консервы.

Однако есть еще одна причина, на которую нам хотелось бы обратить особое внимание и одновременно предложить пути для ее устранения. Причем решение этой проблемы позволит со временем решить все остальные проблемы отрасли.

В настоящее время российским судам рыбохозяйственной специализации абсолютно невыгодно заходить в отечественные порты для сдачи улова, ремонта судна, бункеровки его горюче-смазочными материалами, смены экипажа или обслуживания другого типа обслуживания. Экономически эффективнее все это обслуживание проводить в зарубежных портах, потому что отечественные порты отличаются от иностранных:

- громоздкостью требований и бюрократизмом в исполнении требований портовых властей при заходах судов в порт и выходах из порта;
- сложностью таможенного декларирования и оформления грузов, судов, экипажей и судовых припасов;
- отсутствием четкой регламентации режима работы складов временного хранения в портах и низким уровнем сервиса в порту и на складах.

Эти и ряд других причин приводят к тому, что стоянка рыболовецких судов в отечественных портах затягивается и по времени в несколько раз превышает стоянку для выполнения аналогичных задач в иностранных портах, что в конечном итоге влечет за собой пропорциональное увеличение финансовых расходов. По образному выражению журналиста М.Смирнова (“Известия”, 1991, 1 июля), заход российских рыбопромысловых судов в отечественный порт равновесен заходу в “порт вражеской страны”. Их ждут представители 16 ведомств, чтобы оформить пачку документов толщиной 10 см и получить свою “долю”. Именно поэтому суда рыбодобывающих предприятий Дальнего Востока, минуя порт Владивосток и другие отечественные порты, следуют для обслуживания в южно-корейский порт Пусан.

По данным транспортно-таможенного отдела рыболовецкого колхоза “Восток-1” не только российским, но и иностранным компаниям невыгодно, а

порой и опасно заводить свои промысловые и транспортные суда в российские порты. Это связано с громоздкостью требований портовых властей, которые вместо помощи при заходе судна вынуждают судовладельцев тратить массу времени на оформление судна. Например, для оформления судна как на приход, так и на выход из порта необходимо составить, заполнить в нескольких экземплярах и предъявить в различные инстанции около 20 документов (причем на 10 экземплярах судовой роли должны быть 7 печатей различных ведомств). Кроме того, капитан портнадзора проверяет наличие и легитимность еще 17 позиций документации юридического, технического, экономического, организационного характера.

После оформления судна портнадзором окончательное оформление производят таможня, пограничники и Приморская государственная морская инспекция. Все передвижения судна в пределах порта осуществляются по предварительному согласованию с пограничниками, портнадзором, диспетчерами причалов и центром управления движения судов. При этом не все службы работают круглосуточно и все дни недели, хотя некоторые документы требуется предоставлять заблаговременно.

При заходе в российский порт судна под иностранным флагом в соответствии с законодательством необходимо заплатить таможенную пошлину в сумме 25% от его стоимости, а посещение иностранного арендованного судна рассматривается как такой же ввоз, который облагается таможенным платежом. По той же причине в российские порты не заходят многие купленные или отремонтированные отечественными компаниями за рубежом суда.

В российских портах отсутствует нормальная система обслуживания клиентов порта. По информации специалистов маркетинговой службы рыболовецкого колхоза "Восток-1", чтобы получить груз в порту им необходимо собрать 8 подписей, что в среднем занимает 2-3 часа. Да и система записи на погрузку и выгрузку за 24 часа, по их мнению, является неприемлемой. Постоянная потеря времени по причине отсутствия грузчиков, изношенности технической базы вынуждают суда находиться в порту дольше намеченного срока.

По информации агента колхоза "Восток-1" в Пусане процедура оформления судна в несколько раз проще. Вся информация о судне по 12 позициям самого общего характера подается в "подходной" не позже чем за 2 суток до прихода судна в порт агентирующей компании. Агент связывается с портовыми и таможенными властями, которые назначают своего агента на приход судна, который полностью занимается его оформлением. Таким образом, все необходимые документы к подходу судна оказываются готовы и оно сразу становится к причалу. При заходе в порт необходимо предъявить лишь 4 документа.

Таким образом, разница в оформлении прихода судов в порт Владивосток и порт Пусан достаточно велика. Реально она оказывается еще большей, если учесть коррумпированность отечественных как портовых, так и таможенных служащих. В результате российские предприятия стараются сдавать выловленную в российских водах рыбу в большей массе иностранцам — в Японию и Южную Корею. Да и в финансовом плане это оказывается выгоднее, так как приемка улова осуществляется предельно оперативно.

Мы считаем, что изменить ситуацию в условиях наших российских реалий можно лишь единственным путем — создав, например в порту Владивосток, на специальные (льготные) организационно-экономические условия функционирования береговой инфраструктуры для обслуживания судов рыбной промышленности.

Вполне очевидно, что для решения такой задачи потребуются принятие соответствующих законов на федеральном и краевом уровнях. В качестве первого шага считаем целесообразным принятие на федеральном уровне закона

“Об особой экономической зоне “Владивостокский рыбный порт”. Аналогичные законы действуют в Калининградской и Магаданской областях и дают для этих регионов ощутимый экономический эффект. Результатом принятия этого закона станет создание во Владивостоке в районе рыбного порта специальной экономической зоны, в которой будут созданы благоприятные правовые, организационные, таможенные, экономические, технические, инвестиционные и другие условия для удобного, быстрого и качественного обслуживания отечественных и иностранных рыбодобывающих судов, всех субъектов хозяйственной деятельности отрасли. Способы достижения таких условий известны — это налоговые и таможенные льготы, создание возможностей для реализации рыбопродукции по наиболее выгодным ценам, создание благоприятных условий для отдыха экипажам отечественных и иностранных рыбопромысловых судов и другие.

Целями повышения эффективности обслуживания в такой специальной зоне станут активизация внешнеторговой деятельности, создание дополнительных рабочих мест, стимулирование промышленного производства и транспортной инфраструктуры, привлечение иностранных инвестиций, наполнение стабильными платежами всех уровней бюджетов, в том числе краевого и муниципальных.

Понимаем, что создание нового законопроекта — дело сложное и ответственное. Здесь требуются усилия большого коллектива специалистов. Однако альтернативы данному проекту мы не видим.

Стоимость работ по созданию и принятию данного законопроекта мы оцениваем в 1,5-2,0 млн рублей. Экономическая эффективность же от его внедрения по самым скромным подсчетам превысит несколько десятков млрд рублей в год. Пропорционально будут увеличиваться и налоговые поступления во все уровни бюджета — и в федеральный, и в краевой, и в муниципальные.

Рецензии

Рец. на кн.

Аблат Ходжаев. Китайский фактор в Центральной Азии. — Ташкент: Фан, 2004. — 136 с.

Автором книги является известный в Узбекистане ученый-китаевед доктор исторических наук Аблат (Абдулахат) Ходжаев. За плечами ученого работа в академическом Институте востоковедения, Министерстве иностранных дел, посольстве в Пекине, Институте стратегических и межрегиональных исследований при Президенте Республики Узбекистан.

Как известно, проблема политики Китая в новых независимых государствах Центральной Азии достаточно объемная и активно исследуется учеными различных направлений.

Работа состоит из небольших разделов, где рассматриваются лишь некоторые аспекты политики Китая в Центральной Азии. Первый раздел книги является установочным, где А.Ходжаев рассматривает проблему в историческом ракурсе. При этом он показывает, что в настоящее время Пекин относит регион "к зоне своего пристального внимания". Автор работы коротко характеризует китайскую политику за прошедшие после образования КНР, годы делая упор на ее "западный" вектор.

Второй раздел книги — "Отношение КНР к независимым государствам Центральной Азии" — является основным и наиболее содержательным. Вначале А.Ходжаев, вводя читателя в проблему, дает подробную информацию о китайских научных центрах, которые занимаются изучением стран Центральной Азии. Эта часть работы весьма полезна, так как, во-первых, дает общее представление о проводимой в КНР научно-исследовательской работе по изучению стран Центральной Азии, а во-вторых, подтверждает, что данному региону Китая уделяет достаточно большое внимание.

Следующие три части данного раздела — "Концептуальные основы политики КНР в отношении государств Центральной Азии", "Экономические интересы КНР в государствах Центральной Азии" и "Экономическая стратегия КНР в отноше-

нии СУАР и ее возможное влияние на страны Центральной Азии" — написаны в основном на материале китайских источников.

В первом материале данного раздела анализируются труды таких китайских специалистов, как Ма Маньли, Син Гуанчэн, Ван Чжилай, а также несколько коллективных исследований, выпущенных различными научными центрами Китая. Основным тезисом этой части работы является констатация того, что появление в Центральной Азии независимых стран поставило перед Китаем новые политические и экономические проблемы. Исходя из целого ряда факторов возможного развития ситуации в Центральной Азии, Пекин стал выстраивать свою позицию по отношению как в целом к региону, так и к каждой стране в отдельности. При этом позиция Китая видоизменялась, порой даже серьезно, и отношение к региону прошло путь от недоверия и дозированных контактов с отдельными странами, до подлинно добрососедских и взаимовыгодных отношений.

В данной части книги довольно подробно изложены взгляды китайских ученых, при этом основной приоритет отдается политическим аспектам сотрудничества и практически ничего не говорится об экономической составляющей.

Серьезным недостатком данного раздела монографии является также тот факт, что все рассматриваемые автором работы были написаны во второй половине 90-х годов прошлого столетия.

Особо можно отметить небольшой раздел по Синьцзян-Уйгурскому автономному району (СУАР), где автор приходит к выводу о том, что для КНР страны Центральной Азии приобретают особое значение, и освоить новый центральноазиатский рынок без активного участия СУАР Поднебесная не сможет.

В последние годы СУАР развивается достаточно интенсивно. Инвестиции из

центрального Китая дают ощутимые результаты, и сегодня инфраструктура крупных городов региона переживает "второе рождение". Активно развивается транспорт, осваиваются новые месторождения. При этом идет серьезный приток мигрантов из внутреннего Китая. Основная задача Пекина — экономический рост окраин Китая и обеспечение их стабильности.

Следующий раздел книги составили материалы о Великом Шелковом пути. Он содержит небольшой исторический очерк и анализ отношения Пекина к возрождающемуся трансконтинентальному мосту.

Последующие два раздела книги посвящены двум отраслям экономики Китая — хлопководству и нефти. Обе эти отрасли играют существенную роль в отношениях между Пекином и странами региона. Материалы раздела по хлопку рассматриваются через призму интересов Узбекистана, что вполне объяснимо и закономерно. Материалы же по нефтедобывающей промышленности КНР большей частью связаны с нефтяными проектами Пекина в Казахстане.

Оценки, присутствующие в материалах последующих разделов, в определен-

ной мере устарели. Но по имеющимся в книге данным можно говорить о динамике развития отношений Китая со странами Центральной Азии по тем или иным проблемам. В частности, А.Ходжаев достаточно подробно и интересно рассматривает приграничные проблемы, а также китайскую эмиграцию в страны СНГ. Заслуживает быть отмеченной и тональность последнего раздела книги "Шанхайская организация сотрудничества — новый фактор влияния на международные отношения в Центральной Азии".

В заключение хотелось бы отметить, что новая книга А.Ходжаева "Китайский фактор в Центральной Азии" отражает лишь часть большой и достаточно актуальной проблемы. Стремительное экономическое и военное усиление Китая в последнее время лишь повышает интерес к этой теме. И он будет только расти, а значит, и в дальнейшем будут выходить исследования по этой чрезвычайно волнующей и острой проблематике.

Книга А.Ходжаева "Китайский фактор в Центральной Азии" займет достойное место в пополняющейся библиотеке о политике Китая в Центральной Азии.

Чон Дже Мун. Россия далекая и близкая. Мои переговоры в Москве. (Пер. с кор. яз. под ред. Ким Ен Уна) М.: Огни. 237 с.

В начале 2005 г. Ученый совет ИДВ РАН единогласно присудил видному южнокорейскому дипломату и общественно-политическому деятелю Чон Дже Муну звание Почетного доктора. Незадолго до этого Указом Президента РФ В.В.Путина он был удостоен самой высокой для иностранных граждан награды — ордена "Дружба".

Этим примечательным событиям предшествовала долгая дипломатическая миссия Чон Дже Муна по "наведению мостов" между Сеулом и Москвой, о чем обстоятельно повествует рецензируемая книга. Усилия по возведению таких мостов оказались необычайно сложными. Все послевоенные годы Москва, следуя в одном русле с Пхеньяном, воспринимала Южную Корею не иначе как "полуколоннию США".

С наступлением горбачевской перестройки ситуация стала меняться в сторону реализма и прагматизма. Тем не менее, вначале речь шла лишь о деловых отношениях между СССР и РК. В рамках данной миссии Чон Дже Мун, будучи южнокорейским парламентарием, в марте 1989 г. впервые направился с частным туристическим визитом в Москву. Вопреки опасениям, поездка превзошла все самые оптимистические ожидания. Чон Дже Мун без больших помех принимали тогдашние руководители ИМЭМО (Мартынов, Кислов и др.), выразившие к тому же готовность пригласить в СССР с визитом лидера оппозиционной Демократической партии Ким Ен Сама.

Далее события стали развиваться с еще большей быстротой. Уже в начале июля 1989 г. Ким Ен Сам прибыл в Москву, где был принят академиком Е.М. Примаковым, только что избранным Председателем Совета Союза Верховного Совета СССР. "Думаю, не будет преувеличением сказать, что решение об установлении дипломатических отношений между Республикой Корея и СССР было принято уже на этой встрече", — констатирует Чон Дже Мун. В последующие дни южнокорейская делегация посетила Ленинград (ныне Санкт-Петербург), была принята в Торгово-промышленной палате СССР, Со-

юзе советских обществ дружбы с зарубежными странами и, что самое удивительное, в Моссовете и Международном отделе ЦК КПСС. Впервые за послевоенную историю посланцы Республики Корея встретились с представителями корейской диаспоры Москвы и Ташкента. В итоге визита дирекция ИМЭМО (неправительственная организация) и Демократическая партия объединения (ДПО) Кореи подписали Совместное заявление, что стало беспрецедентным событием в дипломатической истории нашего времени.

В чем секрет этих сенсационных для своего времени переговоров о "наведении мостов" сотрудничества между Сеулом и Москвой? Автор книги склонен относить его на счет дипломатического искусства обеих сторон, но ключевой источник сближения таился в другом. Дело в том, что 22 ноября 1988 г. Политбюро ЦК КПСС приняло закрытое постановление "О нашей политике в Южной Корее". Автором проекта документа была межведомственная группа, в которой ведущую роль играли Е.М.Примаков, Г.Ф.Ким, В.П.Ткаченко и некоторые другие видные эксперты — международники. В постановлении Политбюро с поразительным реализмом говорилось о необходимости назревшего поворота "от демонстративного игнорирования Южной Кореи к признанию де-факто существующих здесь реальностей". Более того, в указанном решении подчеркивалось, что без взаимодействия с РФ советской стороне "сложнее продвигать свои инициативы" в АТР, налаживать стабильные отношения с многими государствами этого ключевого региона". Конечно, Чон Дже Мун не знал, да и не мог знать об этом ключевом решении, которое открывало "зеленую улицу" советским внешнеполитическим ведомствам, принявшим представителя РК.

Постановление Политбюро ЦК КПСС от 22.XI.1988 г. "О нашей политике в Южной Корее" сыграло ключевую роль и в другом сенсационном событии того времени — встрече 6 июня 1989 г. лидера ДПО Ким Ен Сама и Председателя северокорейского Комитета по мирному объединению Родины Хо Дама, одного из бли-

жайших соратников и родственников Ким Ир Сена. Встреча была организована по просьбе северян и при активном посредничестве советской стороны. Автор книги воспроизводит уникальный южнокорейский вариант записи беседы Хо Дама и Ким Ен Сама, положившей начало новому этапу мирного диалога между Пхеньяном и Москвой.

С самого начала беседы, которая по взаимной договоренности носила закрытый характер, Хо Дам заявил: "Мир переходит в новое состояние, мы не можем больше затягивать объединение. Становятся различными языковые привычки, родственники также не могут встретиться, поэтому нам нужно обеспечить объединение при жизни нашего поколения" (С.61). Далее высокопоставленный северокорейский собеседник настойчиво убеждал Юг действовать в духе компромиссов и разрядки, хотя кое-кто, прежде всего США и Япония, не заинтересованы в объединении корейской нации. На грани политической сенсации был призыв к Сеулу встать "выше идеологии и социальной системы", заключить взамен соглашения о перемирии мирный договор с США, пакт о ненападении между Севером и Югом, организовать прямые переговоры между Пхеньяном и Сеулом на высшем уровне, наладить массовые студенческие обмены, прекратить военные учения "Тим спирт", приступить к взаимному сокращению стратегического военного потенциала (С.62).

Как это ни парадоксально, Север не получил тогда от Ким Ен Сама ни одного конкретного конструктивного ответа на свои предложения, хотя переговоры с Хо Дамом были согласованы с тогдашним президентом РК Ро Дэ У. Южане отклонили также весьма разумные предложения северян о заключительной закрытой беседе Ким Ен Сама и Хо Дама "наедине" в течение 2-3 минут и выработке совместного коммюнике (С.68).

Продолжающаяся конфронтация между Сеулом и Пхеньяном в немалой степени затрудняла и осложняла налаживание нормального межгосударственного взаимодействия между Москвой и Сеулом. Тем не менее объективные интересы двух государств в условиях международной разрядки настойчиво требовали встречных дипломатических акций. Как отмечает автор книги, во время второго визита Ким Ен Сама в Москву (март 1990 г.) уже в качестве члена высшего Совета трех объединившихся партий (Демократической народной партии, Демократической

партии объединения и Республиканской партии) состоялась его ключевая встреча с советским лидером М.С.Горбачевым, который "случайно" вошел в помещение, где уже шли переговоры южнокорейского деятеля с Е.М.Примаковым. (При отсутствии официальных дипотношений между СССР и РК это был взаимоприемлемый способ обмена мнениями). Президент М.С.Горбачев и Ким Ен Сам договорились, пишет Чон Дже Мун, — что сам факт этой важной встречи, ее содержание и подробности будут сохраняться в тайне до определенного времени (С.91). На этот раз южане не нарушили договоренности, что в немалой степени позволило успешно провести в Сан-Франциско советско-южнокорейский саммит 4 июня 1990 г., на котором был окончательно решен вопрос об установлении в конце года официальных дипломатических отношений между двумя странами. Однако оно состоялось досрочно в сентябре 1990г.

После этого события Чон Дже Мун принимает самое деятельное участие в подготовке теперь уже официального визита в РФ Ким Ен Сама, занявшего пост президента РК. Кроме того, автор книги вовлекается в подготовку в Сеул визита президента России В.В.Путина.

Автор книги был включен в состав делегации южнокорейских парламентариев — участников 100-й конференции Межпарламентского Союза (МПС) в Москву. И каждый раз его понимание России становится все более глубоким и проникновенным. "Я утверждаю, — пишет Чон Дже Мун, — что новая Россия реально трансформировалась в независимое, предсказуемое демократическое государство... Я считаю, что Южная Корея и Россия могут оказать большую помощь в правильном выборе Северной Корее своего положения в русле мирового развития" (С.153-154).

Автор не скрывает, что такого рода конструктивный курс встречает немалое противодействие со стороны консервативных кругов РК, которые продолжают относить Россию к разряду "враждебных государств". По справедливой оценке Чон Дже Муна, позиция Юга, включая официальные власти, не всегда отличается последовательностью и реализмом. Даже вполне лояльный автор книги оказался на некоторое время под следствием Национального агентства информации (южнокорейской спецслужбы) за несанкционированную властями встречу с северокорейским представителем в Пекине. Что же

касается преград в развитии делового сотрудничества между РК и РФ, то они, обоснованно утверждает автор, обусловлены такими деструктивными явлениями в российской экономике, как неконвертируемость рубля, несовершенство инвестиционного законодательства, коррупция, невыполнение взятых обязательств и т.п. Здесь и далее автор книги проявляет завидную компетентность в сфере международных экономических отношений.

Книга Чон Дже Муна, превосходно переведенная на русский язык под редакцией Ким Ен Уна, от начала до конца читается с неослабевающим интересом. И тем не менее в ней есть досадные упущения и просчеты. Напрасно автор приписывает установление и развитие отношений между РК и СССР исключительно дипломатическим усилиям лишь одного академического института — ИМЭМО. На самом деле в процессе выработки решения по данной проблеме деятельно участвовали другие ведомства и учреждения, о чем уже было упомянуто нами выше. Некоторая односторонность полученной информации помешала автору оценить такие важные звенья переговорного процесса как визит в Сеул для встреч с Ро Дэ У члена Президентского Совета В.А.Медве-

дева, первого зам. директора Института востоковедения, члена-корр. АН СССР Г.Ф.Кима. Точно также в книге даже нет упоминания о визите осенью 1991 г. в СССР лидера демократической оппозиции Ким Дэ Чжуна, который был официально принят в Кремле А.С.Дзасоховым, членом Политбюро ЦК КПСС и Председателем Комитета по международным вопросам ВС СССР. Следовало бы упомянуть и об огромном резонансе, который получила в 1992 г. в России впечатляющая защита Ким Дэ Чжуном докторской диссертации в Дипломатической академии МИД России.

Автор книги многократно обращался к судьбам корейской эмиграции в России и других странах СНГ. Чон Дже Мун — активный сторонник самого тесного взаимодействия всех без исключения корейцев, в том числе почти 5-миллионной зарубежной диаспоры. Большой и последовательный друг России, Чон Дже Мун написал превосходную книгу, которая, вне всякого сомнения, войдет в библиографию исследований по новейшей истории Корейского полуострова. При этом особую ценность имеет архивное приложение, в которое включены уникальные копии документов по истории корейско-российских отношений.

© 2005

Вл.Ф.Ли
Профессор Дипакадемии МИД России,
Заслуженный деятель науки РФ

**Масару Сато "Кокка но вана. Гаймусё но Распутин то ёбарэтэ"
("Западня, устроенная государством. Меня называли Распу-
тиным МИДа")** Издательство "Синтёся", Токио, 2005 г., 400 с.

Вышедшая в свет в марте сего года книга Масару Сато вызвала в Японии большой интерес. Она раскрывает подоплеку гонений против известного японского политика — депутата нижней палаты японского парламента Мунэо Судзуки, в прошлом занимавшего важные посты в правительстве и в Либерально-демократической партии Японии и игравшего в 1980-1990 гг. заметную роль в развитии японо-российских отношений. М. Судзуки и вместе с ним два дипломата и два сотрудника торговой компании "Мицуи буссан" стали фигурантами "расследования, связанного с государственной политикой". Уголовным наказанием подверглись сам М. Судзуки, а также дипломаты и сотрудники торговых компаний, помогавшие политику. Все это послужило краху политической карьеры М. Судзуки и его уходу с политической арены Японии.

Масару Сато более 10 лет действовал на главном направлении японской дипломатии в отношении России, был ведущим аналитиком министерства иностранных дел Японии по нашей стране. По окончании в 1985 г. аспирантуры университета Досея по специальности "теология" М. Сато поступил в МИД, работал в посольстве Японии в Великобритании. После стажировки в МГУ М. Сато с начала 90х гг. до 1995 г. исполнял обязанности секретаря посольства Японии в Москве, занимался изучением политической ситуации в СССР, а затем в России. С 1995 г. М. Сато был сотрудником первого сектора анализа департамента международной информации МИД.

Признанный специалист по внутренней и внешней политике России, М. Сато с 1999 г. по 2002 г. возглавлял специальную, созданную по особому распоряжению канцелярии премьер-министра Японии группу аналитиков, собиравших и анализировавших информацию о России. В этом качестве он стал по существу "правой рукой" М. Судзуки и консультировал руководство страны, включая премьер-министров Японии.

М. Сато принадлежал к течению "русской школы" в японском внешнеполитическом ведомстве. Это течение возглавлял член коллегии МИД, в прошлом

посол Японии в России Минору Тамба и бывший заведующий департаментом Европы и посол Японии в Нидерландах Кадзухико Того. Автор пишет, что именно эти опытные дипломаты вместе с М. Судзуки определяли линию Японии в отношении России, в том числе подходы к проблеме "северных территорий". Они представляли так называемое "геополитическое направление" во внешней политике Японии. Исходя из того, что с окончанием "холодной войны" антикоммунистическая, антисоветская стратегия себя исчерпала, дипломаты полагали важным определять правила игры в "четыреугольнике" Япония — США — Китай — Россия. Они считали, что в этой комбинации четырех стран наибольшее расстояние разделяет Японию и Россию, поэтому необходимо добиваться прежде всего сближения между этими двумя странами. Такое сближение, отвечая интересам Японии и России, послужило бы улучшению ситуации в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Вместе с тем, учитывая, что в будущем наибольшую угрозу для Японии может представлять Китай, быстро наращивающий свои политическое влияние, экономическую и военную мощь, приверженцы "геостратегического направления" считали важным на данном этапе совместными усилиями Японии, США и России выработать такие правила игры, которые способствовали бы сдерживанию Китая. По проблеме "северных территорий" представители "русской школы" занимали позицию, которая только в нюансах отличалась от основной линии руководства Японии. Наставивая на возвращении Хабомаи, Шикотана, Кунашира и Итурупа Японии в качестве условия подписания мирного договора с Россией, они стремились избежать остановки диалога с нашей страной и искали новые варианты решения проблемы (в частности, предлагали последовательно отстаивать требование возвращения четырех островов и параллельно с этим вести переговоры о конкретных условиях передачи Россией Хабомаи и Шикотана на основе положений Совместной советско-японской декларации 1956 г.)

Автор книги повествует, как в фев-

рале 2002 г. он был снят с должности старшего аналитика департамента международной информации МИД и переведен на работу в хранилище дипломатических материалов. 14 мая того же года дипломат был арестован сотрудниками следственного отдела токийской окружной прокуратуры по подозрению в "нарушении доверия" и помещен в следственный изолятор. Конкретно М. Сато вменяли в вину расходование финансовых средств МИД на организацию в январе 2002 г. визита в Японию видного израильского ученого, крупного специалиста по России профессора Габриэля Городецкого с супругой, а также на командирование в апреле 2002 г. группы японских ученых и дипломатов в Тель-Авив для участия в организованной профессором Городецким научной конференции "Россия между Востоком и Западом". В июле 2002 г. дипломату было предъявлено новое обвинение: "воспрепятствование работе действиями, вводящими в заблуждение". Прокуратура утверждала, что в ходе проводившихся в марте 2000 г. торгов по поставке на Кунашир дизельных электрогенераторов М. Сато вместе с советником заведующего сектором помощи России МИД Акира Маэдзима и представителями компании "Мицуи буссан" "своими махинациями" препятствовали работе мидовского комитета по оказанию помощи России. Подтекстом этой позиции прокуратуры было то, что за действиями М. Сато и А. Маэдзима якобы стоял Мунэо Судзуки. Летом 2002 г. М. Судзуки также был арестован по подозрению в "содействии получению взятки" и более года провел в заключении. Процесс по делу М. Сато закончился 17 февраля 2005 г., подсудимый отрицал свою вину, однако суд признал его виновным и назначил наказание: два с половиной года заключения условно (с отсрочкой исполнения наказания на четыре года). С 14 мая 2002 г. до 8 октября 2003 г. М. Сато находился в заключении в следственном изоляторе.

Наряду с М. Сато по подозрению в "воспрепятствовании работе действиями, вводящими в заблуждение" (в связи с поставками на Кунашир дизельных электрогенераторов) были арестованы также советник заведующего сектором помощи России МИД Японии Акира Маэдзима и сотрудники компании "Мицуи буссан" Масахидэ Иино и Акира Симасаки. Поскольку эти трое в отличие от М. Сато в ходе следствия признали свою вину, в отношении их был проведен отдельный от

М. Сато судебный процесс. А. Маэдзима был приговорен к заключению сроком в 1,5 года условно, с отсрочкой исполнения приговора на 3 года, Масахидэ Иино и Акира Симасаки получили наказание в виде лишения свободы на 1 год условно с отсрочкой исполнения приговора на 3 года.

Что касается главной фигуры "расследования, связанного с государственной политикой", М. Судзуки, то в августе 2003 г. он был выпущен на поруки. Однако следствие в отношении его продолжается. На политической карьере этого незаурядного деятеля поставлен крест.

"Падение" М. Сато как дипломата было результатом войны, развернутой политическим руководством Японии против М. Судзуки и "русской школы" в МИД. В книге рассказывается, что эта война началась с приходом к власти в апреле 2001 г. правительства премьер-министра Дз. Коидзуми, когда министром иностранных дел стала Макико Танака — дочь ныне покойного бывшего премьер-министра Японии К.Танака. Новый руководитель внешнеполитического ведомства поставила под сомнение курс, проводившийся М. Судзуки и дипломатами "русской школы" в отношении Москвы. М.Танака полагала, что эта группа была настроена на уступки российской стороне в вопросе "северных территорий". Выступая 26 апреля 2001 г. на пресс-конференции в связи с вступлением на пост министра иностранных дел, М. Танака заявила: "Исходным моментом японо-российских отношений является встреча (премьер-министра Японии К.Танака с Л.Брежневым в 1973 году. В то время Япония настаивала на возвращении Советским Союзом сразу четырех островов, но позднее японская сторона во изменение прежней позиции сделала допущение, что можно было бы сначала получить два острова. Я намерена вернуться к исходному моменту и тщательно изучить ситуацию". Это высказывание вызвало настороженность в Москве. Оно было расценено как сигнал о смене курса Токио в японо-российских отношениях. Между тем автор книги подчеркивает, что М. Судзуки и дипломаты "русской школы" не помышляли об уступках российской стороне в территориальном вопросе. Согласие вести переговоры о порядке передачи Россией островов Хабомаи и Шикотана ни в коем случае не подразумевал отказа от требований в отношении Кунашира и Итурупа.

М. Сато рисует сложную картину интриг и подковерной борьбы, развернув-

шихся в министерстве иностранных дел и вокруг него. Дело было не только в противостоянии М. Танака и М. Судзуки по вопросам политики в отношении России. На принципиальные разногласия между ними накладывалась личная неприязнь М. Танака в отношении М. Судзуки, в котором она видела опасного для своей карьеры политического соперника. Вместе с тем, считая М. Сато ближайшим единомышленником политика, министр открыто демонстрировала враждебность к дипломату и называла его японским "Распутиным".

В то же время чиновников МИД раздражал непрофессионализм М. Танака и бесцеремонные нарушения ею ведомственных правил и традиций. Скандальную известность получили предпринятая министром иностранных дел Японии отмена встречи с заместителем госсекретаря США Р.Армитиджем во время его визита в Токио в мае 2001 г., разглашение М. Танака в одной из пресс-конференций местонахождения секретного (подготовленного для кризисной ситуации) офиса госдепартамента США на следующий день после террористических атак в Соединенных Штатах в сентябре 2001 г., пересмотр заранее подготовленных и согласованных кадровых перестановок в МИД. Как указывает автор книги, мидовские чиновники желали скорейшего устранения М. Танака с поста министра и с этой целью стремились использовать влияние ее противника М. Судзуки. В конечном счете премьер-министр Дз. Коидзуми принял компромиссное предложение М. Судзуки. В конце января 2002 г. он сместил М. Танака с поста министра иностранных дел, и одновременно подал в отставку с влиятельного поста председателя процедурного комитета палаты представителей парламента сам М. Судзуки. Но мидовскую бюрократию раздражала и активная деятельность М. Судзуки в сфере отношений Японии с Россией и странам СНГ (в частности, он выступал в качестве личного посланника премьер-министра К. Обути к В. Путину в апреле 2000 г., когда В. Путин был исполняющим обязанности президента РФ, а в октябре 2001 г. посетил Таджикистан и Узбекистан в качестве личного посланника премьер-министра Дз. Коидзуми). Интриги против М. Судзуки продолжались. Средства массовой информации востаивали общественное мнение Японии против политика: его обвиняли в превышении служебных полномочий, в склонности к компромиссу с российской стороной в территориальном вопросе. В

январе 2002 г. в прессе появились сообщения о том, что М. Судзуки в ответ на критику со стороны двух японских неправительственных организаций якобы принял решение воспрепятствовать участию представителей этих организаций в международной конференции по восстановлению Афганистана, открывшейся в Токио 21 января 2002 г. На самом деле, пишет М. Сато, политик лишь одобрил решение, еще ранее принятое руководством МИД в отношении двух неправительственных организаций. Автор указывает, что и премьер-министр Дз. Коидзуми не мог смириться с тем, что М. Судзуки в эпизоде со смещением с должности министра иностранных дел по существу вмешался в вопрос кадрового состава правительства. 27 января 2002 г. Дз. Коидзуми заявил в бюджетном комитете палаты представителей парламента: "В дальнейшем влияние депутата М. Судзуки значительно снизится". 20 февраля 2002 г. на заседании бюджетного комитета палаты представителей парламента депутат от КПЯ Нориаки Сасаки поставил вопрос: не оказывал ли М. Судзуки давления на ход торгов по поставке сборных домов на Кунашир? При этом упомянутый депутат обнародовал закрытый документ МИДа. С этого времени М. Судзуки стал подвергаться нападкам и со стороны Либерально-демократической партии Японии. Летом 2002 г. политик был арестован.

Анализируя причины гонений против М. Судзуки в политическом контексте, автор приходит к выводу, что с приходом к власти кабинета Дз. Коидзуми в японской внутренней политике начался переход от свойственной социально ориентированным государствам линии на "справедливое распределение в духе Кэйнсa" к курсу "неравного распределения в духе Хаека", во внешней политике линия геополитического международного сотрудничества сменилась на курс национализма; вероятно, М. Судзуки подвергся "расследованию, связанному с государственной политикой" потому, что оказался на "пересечении" прежней и новой линий.

Оценивая деятельность правительства Дз. Коидзуми, М. Сато отмечает, что с его приходом к власти в японском государстве произошли серьезные негативные изменения. Прежде всего, сменились течения в дипломатии. Если при кабинетах Р. Хасимото, К. Обути и Е. Мори уделялось внимание "геополитическому течению", а также развитию японо-российских отношений в рамках упомянутого

течения, то после девятимесячного пребывания на посту министра иностранных дел М. Танака из трех прежних течений сохранилось лишь "проамериканское". Из-за враждебности М. Танака в отношении М. Судзуки, К. Того и М. Сато было сведено на нет "геополитическое течение", а из руководства МИД удалены представители "русской школы". Затем, с уходом с поста министра иностранных дел М. Танака утратило свои позиции "азиатское течение", к которому М. Танака относилась с сочувствием, и было ограничено влияние "китайской школы". "Проамериканское течение" стало определяющим.

Автор отмечает, что после террористических атак в США 11 сентября 2001 г. мировой порядок стали определять новые тенденции, отличающиеся от подходов периода "холодной войны" и "периода после холодной войны". Однако Япония в этой новой ситуации в своей международной политике исходила из представлений, близких к логике времен "холодной войны".

М. Сато в своем анализе указывает, что в правление Дз. Коидзуми вместе с распространением популизма в Японии усиливается национализм. Г-жа М. Танака — мастер "воздействия на подсознание людей" — добилась создания ситуации, когда большинство японцев постоянно испытывает гнев и возмущение в отношении конкретных людей или явлений. "Утвердилась формула, согласно которой объект гнева плох на сто процентов, а нападающее на этот объект общественное мнение совершенно справедливо" — подчеркивает автор. Одно время объектом возмущения населения был М. Судзуки, затем гнев был направлен против "слабой внешней политики Японии" вообще и против дипломатической линии в отношении Северной Кореи в частности. В такой обстановке национализм усиливается и принимает форму ксенофобии. М. Сато усматривает в этом национализме две особенности. Одна из них выражается в сочувствии общественного мнения наиболее экстремистским политическим высказываниям. "Другая особенность — по его мнению — заключается в такой асимметричной структуре мышления, которая побуждает всегда помнить о страданиях, причиненных другими странами Японии и нашему народу и забывать о тех бедах, которые мы сами принесли другим... Мне кажется, что Япония втягивается в опасную спираль национализма".

Кроме того, М. Сато считает, что при правлении кабинета Дз. Коидзуми в Япо-

нии утвердилось господство бюрократии. В корне изменились отношения между политиками и чиновниками министерства иностранных дел. Предпринятая правительством Дз. Коидзуми концентрация власти в канцелярии премьер-министра ослабила влияние парламента на центральные ведомства, в результате этого относительно выросла сила мидовского чиновничества. Однако из-за прекращения тесного взаимодействия чиновников с политиками, досконально разбирающимися в тонкостях дипломатии — такими, как М. Судзуки — абсолютные возможности бюрократии существенно снизились.

Как способного и с увлечением работавшего дипломата М. Сато особенно расстраивал тот прямой ущерб, который понесло японское внешнеполитическое ведомство в ходе войны между М. Танака и М. Судзуки. Автор отмечает, что после нескольких случаев утечки из МИДа закрытых материалов в конце 1990-х годов его сотрудники свыклись с серьезными нарушениями в деятельности ведомства, и "организация во многом утратила способность контролировать ситуацию". М. Сато сетует, что в МИД сложилась атмосфера подозрительности и страхов, пропал настрой дипломатов на сотрудничество с коллегами при выполнении сложной работы.

Главным делом жизни М. Сато была информационная деятельность на российском направлении. Очень интересны рассуждения автора о подходах к информационной работе и о методах сбора информации. По мнению М. Сато, в этой области работают два типа акторов: "охотничьи собаки" и "бездомные кошки". "Охотничьи собаки" неукоснительно выполняют указания начальников, смело берутся за трудную работу, даже не составив для себя общей картины операции. "Бездомные кошки", получив сверху приказ, ни в коем случае не идут на риск, пока не убедятся в целесообразности своих действий и не составят для себя общей картины дела. У "бездомных кошек" развито чувство независимости, ярко выражены индивидуальные черты характера и склонности. "Бездомная кошка" способна приобрести ценный источник информации и выработать такой план, какой не способны создать работники типа "охотничьей собаки". М. Сато полагает, что при доминировании "бездомных кошек" организация утратила бы способность к функционированию. С другой стороны, при наличии только "охотничьих собак" ведомство

подвержено закостенелости и не может адаптироваться к решению практических проблем. Поэтому информационному органу требуются сотрудники обоих типов, причем "охотничьи собаки" должны составлять девяносто пять процентов персонала, а "бездомные кошки" — пять процентов. М. Сато отмечает, что лично он почерпнул много полезного из опыта специалистов по международной информации, принадлежащих к типу "бездомных кошек".

Далее, касаясь способов получения информации, автор пишет о "методе тигра" и о "методе паука". "Тигр" тщательно изучает пути передвижения жертвы, ждет в засаде вблизи пути и в удобный момент неожиданно нападает. "Паук" не так тщательно, как "тигр", изучает маршруты передвижения объекта — он плетет как можно более широкую сеть и ждет, когда в нее попадет добыча. "Специалисты в области информации из разных стран часто говорили: ""Метод паука" — излюбленный метод, конек Сато-сан"" — пишет автор.

Еще в первый период своей работы в Москве в начале 1990х гг. в качестве секретаря японского посольства М. Сато сумел установить связи с руководителями Коммунистической партии России, в частности, со вторым секретарем ЦК КПР Ильиным. При этом оказались полезными специальные познания М. Сато в теологии, так как руководители КПРФв то время интересовались вопросами религии и внимательно выслушивали профессиональные суждения М. Сато на эту тему. Контакт с Ильиным позволил дипломату своевременно получить ценную информацию о ГКЧП. Позднее М. Сато расширил круг своих источников: автор упоминает в книге об использовании для получения информации в Москве "правительственного канала", "частного российского канала", "зарубежного частного канала в Москве" и пр. Характерно, что известие о решении Б. Ельцина подать в отставку с поста Президента РФ М. Сато получил в Токио по телефону из Москвы 31 декабря 1999 г. за несколько часов до официального сообщения ИТАР — ТАСС и до поступления этих сведений в японское посольство в России.

Только специалисту, хорошо знающему историю СССР и ситуацию в современной России могла прийти в голову оригинальная идея провести в Израиле мероприятия по сбору информации о России и использовать в этих мероприятиях

израильских ученых. По инициативе М. Сато в Японию в январе 2000 г. был приглашен ведущий израильский специалист по России профессор Г. Городецкий, который в то время был одним из вероятных кандидатов на пост посла Израиля в России. В апреле 2000 г. в Тель-Авивском университете состоялась международная научная конференция "Россия между Востоком и Западом" с участием видных японских ученых и аналитиков из управления международной информации МИД Японии. Но именно эта организационная работа М. Сато вызвала осуждение со стороны прокуратуры. "Зачем нужно было тратить деньги налогоплательщиков на приглашение ученого из Израиля и на командирование японских ученых и чиновников в Израиль — страну, не имеющую отношения ни к Японии, ни к России?" — ставили вопрос прокурорские чиновники, не имевшие представлений об особых связях Израиля с Россией.

Отстаивая как дипломат интересы Японии, М. Сато видел в российских коллегах партнеров по трудным переговорам, и вместе с тем испытывал к ним уважение. "Все русские — жесткие переговорщики, и их обещанием заручиться трудно — пишет автор книги. — Но если они что-то пообещали — обязательно сдержат слово. Притом в России очень весомо слово "друг". В стране с суровой политической системой дружба — ключ к выживанию". Российские дипломаты, политические и общественные деятели отвечали М. Сато уважением и доброжелательностью.

М. Сато стал жертвой борьбы политических тяжеловесов, пострадал в силу близости к М. Судзуки. Когда противостояние между М. Судзуки и примыкавшими к нему дипломатами, с одной стороны, и М. Танака и руководством Либерально-демократической партии, с другой, серьезно обострилось, некоторые руководители МИД советовали М. Сато ради его собственного спасения подключиться к атакам на опального политика. "На такие предложения я отвечал, что уважаю Мунэо Судзуки и как сотрудник МИД и в личном качестве, поэтому разговоры такого плана мне не интересны" — пишет автор. Он последовательно сохранял лояльность М. Судзуки, и вскоре после ареста последнего предпринял двухдневную голодовку в знак протеста против репрессий в отношении политика. В основе такой позиции лежала не только вассальная преданность в отношении старшего по положению и по возрасту человека. Моти-

вом самурайской линии поведения М. Сато в этой сложной ситуации была и патристическая забота о достойном внешнем имидже японской дипломатии. "И я, и другие японские дипломаты представляли М. Судзуки российской стороне как ключевую фигуру в деле развития отношений между двумя странами. Если бы я предал М. Судзуки, то российские дипломаты в будущем уже никогда не верили бы никаким рекомендациям, которые мои коллеги давали бы в отношении кого бы то ни было из японских политиков. Но если я пойду до конца вместе с М. Судзуки, то русские будут знать: японские дипломаты, которым они доверяют, не предадут".

Автор — талантливый аналитик — дает в книге интересные характеристики японских политиков и дипломатов. М. Танака: способный человек; умеет не только апеллировать к чувствам, но и воздействовать на подсознательное в людях; с точки зрения культурной антропологии относится к типу людей, способных побудить население к волнениям. М. Судзуки — человек, обладающий природным умом, в его характере отсутствует зависть; не учитывает наличия зависти в других политиках. К. Того — владеет английским и французским языками, в период работы в Москве мог вести сложные переговоры на русском без помощи переводчика; прекрасно знает литературу и философию; никто из дипломатов не разбирается в политике, экономике и искусстве России в такой степени, как К. Того.

Книга М. Сато убедительно показывает большие трудности, стоящие на пути развития отношений России и Японии. С точки зрения автора — профессионального японского дипломата — определяющим моментом этих отношений выступает территориальная проблема. М. Сато пишет, что он сам и другие близкие к К. Того дипломаты "русской школы" интерпретируют спор вокруг данной проблемы как затяжное противостояние.

Характерна оценка, которую М. Сато дает гуманитарной помощи жителям Ку-

рильских островов, осуществлявшейся под руководством японского МИД в конце 1990-х - начале 2000-х годов. Откровенно и даже с изрядной долей цинизма автор отмечает, что гуманитарная помощь как инструмент дипломатии не может быть нейтральной деятельностью. Учитывая трудности с жильем и со снабжением электричеством, с которыми сталкиваются жители Шикотана, Кунашира и Итуруп, МИД Японии организовал поставку на острова сборных домов и дизельных электрогенераторов. Но при этом тщательно выдерживалось условие: поставки из Японии не должны способствовать созданию на Курильских островах долговременной инфраструктуры. Предоставление сборных домов и электрогенераторов преследовало цели добиться благоприятного отношения россиян- жителей Курил — к Японии и в то же время усилить их зависимость от Токио. М. Сато без обиняков указывает, что в среде дипломатов — представителей "русской школы" — работа сотрудников японского посольства в Москве рассматривалась как "действия на Западном фронте", а гуманитарной помощи жителям Курильских островов (поставкам сборных домов, дизельных электрогенераторов и пр.) придавалось значение "действий на Восточном фронте". Конечно, следует учитывать и то, что автор в своей книге стремится оправдать свои действия и опровергнуть обвинения в недостатке патриотизма, которые японские средства массовой выдвигали против М. Судзуки и его последователей. Но и с учетом этого обстоятельства можно сделать вывод, что даже относительно благожелательно настроенные к нашей стране японские дипломаты видят в России прежде всего оппонента в противостоянии по территориальному вопросу. Книга показывает, что сегодня курс территориальных притязаний к России настолько прочно утвердился в японской элите, что сделавшего даже полшага вправо либо влево от этой линии политика или чиновника ждет неминуемое крушение карьеры.

*Мнение автора не обязательно совпадает с точкой зрения редакции.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Перепечатка материалов без согласия редакции не разрешается.
При использовании их в любой форме, в том числе в электронных СМИ,
ссылка на журнал "Проблемы Дальнего Востока" обязательна.*

Сдано в набор 20.08.2005 г. Подписано к печати 15.09.2005 г. Формат бумаги 70x100 $\frac{1}{16}$
Офсетная печать. Усл. печ. л. 15,6. Усл. кр.-отт. 14,1 тыс. Уч.-изд. л. 14,5. Бум. л. 6,0
Тираж 889 экз. Зак. 626

Учредители: Российская академия наук, Институт Дальнего Востока РАН

Адрес издателя: 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
Адрес редакции: 117997, Москва, Нахимовский проспект, 32
Тел. 124-09-02; e-mail: pdv@ifes-ras.ru

Оригинал-макет © 2005 г. Дмитрий Славинский
Отпечатано в ППП, "Типография "Наука", 121099, Москва, Шубинский пер., 6

Требования к материалам, предоставляемым авторами в редакцию

Редакция и редколлегия журнала "Проблемы Дальнего Востока" приветствуют направление в журнал рукописей статей, отражающих научную разработку различных аспектов современного положения и тенденций развития стран и регионов российского и зарубежного Дальнего Востока, процессов в АТР, многосторонних и двусторонних отношений стран региона. Журнал помещает также статьи и документальные публикации, посвященные проблемам прошлого стран Дальнего Востока, которые важны для понимания современности. Приветствуется также направление в журнал рецензий на новейшие издания по соответствующей тематике.

1. Статья по объему, как правило, не должна превышать 1 авторского листа (40 тыс. знаков).

2. Статья должна сопровождаться аннотацией с кратким изложением ее содержания и основных положений (около 600 знаков).

3. Статьи и аннотации представляются в электронном виде на дискете 3,5" с указанием имени файла в формате MS Word 6.0 для Windows или в формате RTF с распечатками текстов в 2 интервала.

4. Графические файлы предоставляются отдельно в файлах формата TIFF с разрешением не менее 300 dpi.

5. Китайские имена и названия даются в системе Pinyin.

6. Сноски даются в конце статьи. Оформление сносок:

Книги.

а) *На русск. яз.* Автор. Название. Место издания: Издательство, год издания. С...

б) *На кит. яз.* Автор. Транслитерация китайского названия книги [Перевод названия на русск. яз.]. Место издания: Издательство, год издания. С...

в) *На англ. яз.* Author. Title of Book. Place of Publication: Publisher, date. Pp. ...

Статьи.

а) *Из печатных изданий*

Автор статьи. Название статьи // Название издания. Место, год (дата) издания. (Т.) N... С...

б) *Из интернета*

Автор статьи. Название статьи // Полный электронный адрес.

Консультации по вопросам подготовки статьи к опубликованию в журнале можно получить по тел.: (095) 124-09-02.

Редакция оставляет за собой право редакторской правки.

Ответственность за достоверность опубликованных в статьях сведений несут авторы.